

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407
eISSN 2587-8549

Регионология

2025 Том №
Vol. 33 No. 2

Russian Journal
of Regional Studies

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

Регионология

Том 33, № 2. 2025 (апрель – июнь)

Сквозной номер выпуска – 131

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 33, no. 2. 2025 (April – June)

Continuous issue 131

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

Электронная редакция: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2025

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социологии – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, руководитель Центра социологии молодежи, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Швайба Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и логистики Белорусского национального технического университета, заместитель генерального директора ЗАО «Белнефтехстрах», ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Professor of the Chair of Sociology and Technologies of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lilia V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Dzmitry N. Shvaiba – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Economics and Logistics, Belarusian National Technical University, Deputy General Director of ZASO Belneftesttrakh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Deputy Director for Research at the Institute of Sociology – Separate Division of the Federal Research Centre for Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Centre for Youth Sociology, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Региональная и отраслевая экономика

Надежина О. С., Авдеевская Е. А., Кульчицкая Е. А. Влияние технологических и социально-экономических факторов на элементы кадровой безопасности региона (на англ. яз.) 186

Зуев В. Н., Канихин Т. Н. Основные ценовые и неценовые факторы развития возобновляемых источников энергии в странах Евросоюза 206

Овчаренко Л. А., Панина Е. А., Франченко Е. С. Яхтенный туризм в Краснодарском крае и новых российских регионах: проблемы и перспективы 221

Экономическая социология

Волошенко К. Ю., Лялина А. В., Иванова О. П. Миграция предпринимателей из регионов России в Калининградскую область: возможности и ограничения использования их потенциала 239

Мухаметов Р. С. Влияние институциональной среды на процессы международной трудовой миграции в регионы Российской Федерации 257

Сизова И. Л. Особенности подбора персонала: интеллектуальный анализ текстов резюме и вакансий 271

Социальная структура, социальные институты и процессы

Дадаева Т. М., Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Социальное самочувствие и социальная справедливость в оценках российской студенческой молодежи: характер взаимосвязи в условиях новых вызовов 294

Тимошкин Д. О., Сметанин Ф. А., Горшкова Д. Е., Волошин А. А., Корешкова Ю. О., Иванов К. А., Сорокина А. Е., Игнатенко С. А., Шапошникова-Мурашова Г. А. «Свои» и «чужие»: внутренние мигранты в представлениях жителей сибирских городов (на примере Иркутска, Красноярска и Томска) 316

Социология культуры

Жадунова Н. В., Коваль Е. А., Ушкин С. Г., Сычев А. А. Культурная мобилизация в период проведения специальной военной операции: как «новая» этика меняет «старые» привычки 335

Назарова И. Б. Сфера развлечений в российских регионах: структура, факторы и предпочтения 354

Информация для авторов и читателей 369

CONTENTS

Regional and Branch Economics

Nadezhina O. S., Avduevskaya E. A., Kulchitskaya E. A. The Impact of Technological and Socio-Economic Factors on Personnel Security Elements of the Region	186
--	-----

Zuev V. N., Kanikhin T. N. Main Price and Non-Price Factors of the Renewable Energy Sources Development in Union Countries of the European	206
--	-----

Ovcharenko L. A., Panina E. A., Franchenko E. S. Yachting Tourism in the Krasnodar Territory and New Russian Regions: Problems and Prospects	221
--	-----

Economic Sociology

Voloshenko K. Y., Lialina A. V., Ivanova O. P. Entrepreneurial Migration in the Kaliningrad Region: Exploring Potential and Constraining Factors	239
--	-----

Mukhametov R. S. Influence of the Institutional Environment on the Processes of International Labor Migration to the Regions of the Russian Federation	257
--	-----

Sizova I. L. Features of Recruitment: Intelligent Text Analysis of Resume and Vacancies	271
---	-----

Social Structure, Social Institutions and Processes

Dadaeva T. M., Kasatkina N. P., Shumkova N. V. Societal Well-Being Perceptions and Social Justice Assessments among Russian University Students: the Nature of the Relationship in the Context of New Challenges	294
--	-----

Timoshkin D. O., Smetanin F. A., Gorshkova D. E., Voloshin A. A., Ivanov K. A., Koreshkova I. O., Sorokina A. E., Ignatenko S. A., Shaposhnikova-Murashova G. A. "Us" or "Them": Internal Migrants in the Perceptions of the Siberian Cities' Citizens (on the Example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk)	316
---	-----

Sociology of Culture

Zhadunova N. V., Koval E. A., Ushkin S. G., Sychev A. A. Cultural Mobilization During the Special Military Operation: How "New" Ethics Changes "Old" Habits	335
---	-----

Nazarova I. B. Entertainment in Russian Regions: Structure, Factors and Preferences	354
---	-----

Information for Authors and Readers of the Journal	369
--	-----

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.186-205><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/avdscb>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 331.5:332.1

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

The Impact of Technological and Socio-Economic Factors
on Personnel Security Elements of the Region

O. S. Nadezhina

E. A. Avduevskaya ✉

E. A. Kulchitskaya

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russian Federation)
✉ avduevskaya_ea@spbstu.ru*

Abstract

Introduction. In conditions of instability, regions face the problems of population outflow, declining quality of labor resources, and growing imbalance in the labor markets. The solution of these systemic problems is of strategic importance for maintaining human resources and national security as a whole. The development of effective mechanisms to ensure personnel security of the region is impossible without an objective assessment of its internal reserves on the basis of economic and mathematical modeling. Due to the relative novelty of the category “personnel security of the region” in the domestic scientific literature there are no studies on the data of the subjects of the Russian Federation on the relationship between the indicators of technological and socio-economic development with the indicators of personnel security, which limits the possibility of developing sound recommendations for the management of regional systems in the context of modern personnel and demographic challenges. The purpose of the article is to assess the impact of socio-economic and technological factors on the elements of personnel security of the region.

Materials and Methods. The research material was statistical data on socio-economic and technological development of 85 subjects of the Russian Federation for the period from 2017 to 2022. The main method of work is regression analysis. The method of end-to-end regression and panel data methods with fixed and random effects were used. Based on the literature review, we selected dependent variables – elements of human resources security (wages, unemployment rate and the number of the outgoing population) and formulated six hypotheses about the relationship between these variables and technological and socio-economic factors of regional development.

Results. The hypotheses about the positive relationship between investment in fixed capital, introduction of technological innovations and wages; about the negative relationship between the factors of socio-economic and technological development and unemployment; about the positive relationship between the number of crimes and unemployment; about the negative relationship between the factors of investment, accessibility of higher education and the number of outgoing population were confirmed. The hypotheses about the relationship between the elements of personnel security and the factors of education accessibility were partially confirmed.

© Nadezhina O. S., Avduevskaya E. A., Kulchitskaya E. A., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Discussion and Conclusion. The elements of personnel security are mainly influenced by socio-economic factors, while no significant relationship between technological factors and elements of personnel security was revealed. The obtained results expand the theoretical and empirical base of research on the factors of personnel security of regions, socio-economic and technological development; they will be useful in terms of making complex decisions in the field of investment, innovation and socio-economic policy to ensure personnel security of the region.

Keywords: personnel security of the region, threats to personnel security, regression analysis, human resources, sustainable development, socio-economic development strategy, labor market

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was financed as part of the project “Development of a methodology for instrumental base formation for analysis and modeling of the spatial socio-economic development of systems based on internal reserves in the context of digitalization” (FSEG-2023-0008).

For citation: Nadezhina O.S., Avduevskaya E.A., Kulchitskaya E.A. The Impact of Technological and Socio-Economic Factors on Personnel Security Elements of the Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):186–205. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.186-205>

Влияние технологических и социально-экономических факторов на элементы кадровой безопасности региона

О. С. Надежина, Е. А. Авдеевская ✉, Е. А. Кульчицкая
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
✉ avduevskaya_ea@spbstu.ru

Аннотация

Введение. В условиях нестабильности регионы сталкиваются с проблемами оттока населения, снижения качества трудовых ресурсов, растущим дисбалансом на рынках труда. Решение этих системных проблем приобретает стратегическое значение для поддержания кадровой и национальной безопасности в целом. Разработка эффективных механизмов обеспечения кадровой безопасности региона невозможна без объективной оценки его резервов на основе экономико-математического моделирования. В силу относительной новизны категории «кадровая безопасность региона» в отечественной научной литературе не представлены исследования на данных субъектов Российской Федерации о взаимосвязях показателей технологического и социально-экономического развития с индикаторами кадровой безопасности, что ограничивает возможность выработки обоснованных рекомендаций для управления региональными системами в условиях современных кадровых и демографических вызовов. Целью статьи является оценка влияния социально-экономических и технологических факторов на элементы кадровой безопасности региона.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили статистические данные о социально-экономическом и технологическом развитии 85 субъектов Российской Федерации за период с 2017 по 2022 год. Основным методом работы выступает регрессионный анализ. Использованы метод сквозной регрессии и методы панельных данных с фиксированными и случайными эффектами. На основе литературного обзора отобраны зависимые переменные – элементы кадровой безопасности (зарботная плата, уровень безработицы и количество выбывшего населения) и сформулированы шесть гипотез о взаимосвязи названных переменных с технологическими и социально-экономическими факторами регионального развития.

Результаты исследования. Подтверждены гипотезы о положительной взаимосвязи инвестиций в основной капитал, внедрения технологических инноваций и заработной платы; количества преступлений и безработицы; об отрицательной взаимосвязи факторов социально-экономического и технологического развития с безработицей; факторов инвестиций, доступности высшего образования и количества выбывшего населения. Гипотезы о взаимосвязи элементов кадровой безопасности и факторов доступности образования были подтверждены частично.

Обсуждение и заключение. На элементы кадровой безопасности в основном влияют социально-экономические факторы, в то время как существенной взаимосвязи технологических факторов и элементов кадровой безопасности выявлено не было. Полученные результаты расширяют теоретическую и эмпирическую базу исследований о факторах обеспечения кадровой

безопасности регионов, социально-экономического и технологического развития; будут полезны в части принятия комплексных решений в области инвестиционной, инновационной и социально-экономической политики в интересах укрепления кадровой безопасности региона.

Ключевые слова: кадровая безопасность региона, угрозы кадровой безопасности, регрессионный анализ, человеческие ресурсы, устойчивое развитие, стратегия социально-экономического развития, рынок труда

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья выполнена в рамках реализации проекта «Разработка методологии формирования инструментальной базы анализа и моделирования пространственного социально-экономического развития систем в условиях цифровизации с опорой на внутренние резервы» (FSEG-2023-0008).

Для цитирования: Надежина О.С., Авдусевская Е.А., Кульчицкая Е.А. Влияние технологических и социально-экономических факторов на элементы кадровой безопасности региона. *Регионоведение*. 2025;33(2):186–205. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.186-205>

Introduction. Managing the elements of personnel security in the region, in particular population, human capital, labor market, migration, unemployment and etc., will allow achieving the goals of sustainable development: reduce poverty and inequality in the regions [1], ensure economic growth and innovation development [2]. The factors that any country faces in the field of human resources management such as the decline in quality and depreciation of human capital [3], demographic crisis, “brain drain”, are associated with global changes in the world, changes in cultural and technological patterns [4]. These factors can be identified as the regional personnel security threats, which is related to national security [5].

Russian regions are faced with a number of cases, the solution of which is related to building a long-term strategy for human resource management. According to the Federal Statistics Service, in 2023, only 22 out of 85 regions of the Russian Federation experienced population growth. Of these, 7 regions grew due to both natural and migration¹. To address the demographic crisis, a range of financial measures have been implemented at both the federal and regional levels in the form of national projects aimed at supporting vulnerable segments of the population². Simultaneously, the observed effects of changes in both the size and structure of the population, expressed in a decrease in fertility rates and an increase in the aging of the population, lead to a transformation of the labor market [6]. Migration and the senior population are becoming important factors in ensuring the economic growth of regions.

Considering the diverse spatial development of regions in the Russian Federation [7], it may not be effective to use the same human resources management measures to ensure personnel security. Therefore, it is necessary to use a scientific approach to identify threats to personnel security by quantitatively assessing the interrelationship between social, technological, and economic processes in the region.

In research on personnel security, the authors extensively used statistical methods. O. Ryazanova, A. Timin, A. Kotandzhyan [8], E. Maksyutina [9], M. Kudriashova et al. [10] analyzed the dynamics of personnel security indicators and calculation of growth rates.

¹ Population and migration of the Russian Federation 2023 : Bulletin // Federal Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed 20.11.2024).

² Current solutions for fertility support: family policy // The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Available at: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/149964/> (accessed 20.11.2024).

A. Yu. Lukyanova et al. used the index method and methods of averages for calculation of an integral value of personnel security [11]. The authors of the study, N. Kuznetsova and A. Timofeeva, used content analysis techniques to identify and categorize threats to personnel security [12]. They also used statistical methods to analyze the results of surveys conducted with experts, and a hierarchical factor analysis model to understand the relationships between different threats to personnel security [12].

We suggest that econometric methods are underrepresented in studies on personnel security. To conduct a more in-depth analysis of the current state of regional personnel security, it would be necessary to investigate the relationship between indicators of personnel security and regional social and technological developments. Therefore, the aim of the article is to assess the impact of technological and socio-economic factors on regional personnel security elements.

Literature Review. Due to the significant role of human resources in the sustainable economic development of countries and regions, a considerable amount of research has been conducted on the issue of human resource management. Since the 18th century, economists have been studying the role of human resources in economic growth and technological progress. This led to the development of human resource management, human capital and human development theories in the mid-20th century³. In modern researchers H. Saleh, B. Surya, D. N. Annisa Ahmad, D. Manda examined the role of human resources in regional development and emphasized the importance of optimizing natural, human, and cultural factors, as well as the development of an investment policy to achieve economic growth in developing regions [13]. Authors Z. Khan, M. R. Hossain, R. A. Badeeb and C. Zhang, also studied the issue of optimizing the management of natural resources and human capital in relation to the development of green technologies for economic growth in countries [14]. D. Gallardo-Vázquez and J. A. Folgado-Fernández investigated the role of universities as a driver of innovation and technology transfer, as well as a source of qualified professionals for local economic actors [15]. In conditions of uncertainty in the influence of both internal and external factors, decisions on the development of human and labour potential can be made more effectively through the use of a risk-based approach. This approach underlies the concept of personnel security.

In modern scientific researches, there is no unified way to defining the “personnel security” at the macro level. First of all, personnel security is studied as an element of the economic security system [16]. Personnel security is defined as the state of the labor market necessary for the sustainable development of the regional socio-economic system [10]. “Personnel security” is also considered as a “process” of preventing challenges and threats in the field of human resource management and labor relations management [9], or as “processes” aimed at minimizing risks and neutralizing threats in the field of personnel management, human resources and human potential, as well as possible destructive trends [17]. In contrast to the theory of human resource management, researchers noted the lack of attention paid to the study of the concept of personnel security on the regional level. The concept of personnel security takes into account the uncertainty of the environment in which socio-economic processes occur, and focuses on potential threats to human resources management in a region that could

³ Nadezhina O., Avduevskaya E. Genesis of Human Capital Theory in the Context of Digitalization // Conference Proceeding of the 22nd European Conference on Knowledge Management (ECKM). 2021. Pp. 577–584. Available at: <https://clck.ru/3LQzeN> (accessed 10.03.2025).

hinder the achievement of social and economic development objectives. The concept of personnel security, in contrast to the theory of human resource management, addresses the problem of the influence of the human factor on the interests of the organization, region, country⁴. The authors of the research use the concepts of “threats”, “risks” and “damage” caused by the destructive effects of threats to personnel security and note the specifics of the subject-object relations of personnel security [18].

We assume that the personnel security of the region is a complex socio-economic phenomenon. Therefore, we agree with the position M. Kudriashova et al. [10], that the personnel security of the region can be expressed through the category of state, but we believe that it is much broader than the labour market. In our opinion *personnel security* is a state of resilience of the regional socio-economic system that allows it to function sustainably and develop, providing conditions for the reproduction of human resources, in order to counter internal and external threats and successfully adapt to potential negative events.

The methods of assessing the level of personnel security are based on sets of indicators, mainly characterizing demographic, as well as socio-economic and technological processes directly or indirectly related to human resources. For example, O. Ryazanova, A. Timin, A. Kotandzhyan [8] propose to assess the level of personnel security through safety indicators in the field of employment (unemployment rate, demographic load factors, etc.), in the field of labor efficiency, characterizing wages and productivity, and safety of working conditions. E. Maksyutina [9] offers a methodology for assessing personnel security through indicators divided into six groups: indicators of the demographic development of the region, the state of the labor market, social stratification and poverty assessment, education and training, public health, innovative development and the digital environment. N. V. Kuznetsova, A. Yu. Timofeeva [12] argue that in order to comprehensively assess the external and internal environment of a region and identify factors that could disrupt personnel security, it is crucial to identify potential threats. We agree with this viewpoint and believe that indicators related to threats in areas such as migration and human resource management in a region could be used as elements of a framework for personnel security.

To assess the impact of technological and socio-economic factors on the elements of personnel security using econometric methods, we selected three dependent variables: the Average monthly nominal accrued wage; Unemployment rate and Number of departures of the population (migration). Wages are a measure of the standard of living for the population. O. Ryazanova, A. Timin, A. Kotandzhyan used the nominal salary as an indicator in the personnel security assessment system to measure motivation to work [8]. Wages are also related to human capital: low wages may indicate inefficiency and uncompetitiveness of labor resources and according to N. V. Kuznetsova, A. Yu. Timofeeva [12] it is a threat to personnel security.

I. A. Antipin, E. A. Shishkina [19] and O. Ryazanova, A. Timin, A. Kotandzhyan [8] used the “unemployment rate” indicator to analyse the state of the regional labour market in the context of assessing the level of personnel security.

⁴ Borovskikh N. V., Kipervar E. A. Threats and indicators of personnel security of the state, region and enterprise // Conference Proceeding Socio-Economic Problems and Prospects for the Development of Labor Relations in the Innovative Economy. Omsk State Technical University. Omsk, 2018. Pp. 14–20. <https://www.elibrary.ru/uuylam>

The authors of many studies consider migration to be an important element of personnel security [8–10]. On the one hand, migration growth is a factor of economic development in conditions of limited resources [8]. On the other hand, A. P. Sukhodolov, T. G. Ozernikova and N. V. Kuznetsova noted the role of migration outflow of the population from the region as a threat to the personnel security [20]. Due to the negative effects of the migration outflow, we can regard this indicator as a threat to personnel security.

As independent variables (regressors) were selected factors with statistical observations by regions of Russia which in the scientific community are called risk factors and threats to personnel security [4; 21]. We also selected indicators characterizing the current structure of the economic development of the regions of Russia, which have an impact on the indicator of economic security [22]. The variables were divided into two groups: the first group includes factors of technological development of the economic entities of the region, including factors of development and dissemination of ICT and innovations. The second group includes socio-economic factors characterizing the development of the education system in the region, the number of registered crimes, migration processes, investments in fixed assets, as well as factors characterizing the structure of the region's economy.

We assumed that investment growth is positively correlated with economic growth [23] and, consequently, with wage growth and negatively correlated with unemployment [24; 25] and the desire of citizens to leave the region. International studies show that increased foreign investment has a positive effect on wages and reduces income inequality between countries⁵. We also assume that an increase in the availability of higher and secondary vocational education is positively associated with an increase of wages and quality of life in general [26–28].

Research shows that technology has a positive impact on wages, and companies that are inclined to invest in technology pay higher wages [29; 30]. Taking into account the previously obtained results on the impact of regional specialization on economic growth [22], we also assume a stronger positive impact of the extractive sector on wages and a negative impact on unemployment. Also, we suggest about negative impact of this factor on variable “Number of departures of the population” because the regions specializing in mining are a point of attraction for people who want to increase their income.

There is a discussion in research on the impact of technological factors on unemployment. On the one hand, new technologies have a positive effect on employment in high-tech industries [31]. On the other hand, heterogeneous development of innovations in certain circumstances can stimulate the growth of unemployment [32; 33]. Some studies suggest that the impact of innovation on unemployment is insignificant [34].

The authors of the study [35] provide a large literature review proving the positive relationship between fears of migration phenomena and number of crimes, as well as unemployment and number of crimes. The results of their study, as well as research⁶, confirm these relationships.

⁵Gopinath M., Chen W. Foreign Direct Investment and Wages: a Cross-Country Analysis // The Journal of International Trade and Economic Development. 2003. Vol. 12, no. 3. Pp. 285–309. <https://doi.org/10.1080/0963819032000132067>

⁶Wang X., Shixin Hu. Analysis of the relationship between unemployment and crime rate in China // Proceedings of the 2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021). 2022, Atlantis Press. Pp. 665–670. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.220105.122>

According to the results of the literature review, we formulated 6 hypotheses of the study:

H1. Investment is positively correlated with average monthly nominal accrued wage and negatively correlated with unemployment rate and number of departures of the population;

H2. Increase in the availability of higher and secondary vocational education is positively correlated with an increase in average monthly nominal accrued wage and negatively correlated with unemployment rate and number of departures of the population;

H3. Technology development is positively correlated with average monthly nominal accrued wage;

H4. Regional specialization on extractive sector has a positive impact of the on average monthly nominal accrued wage and a negative impact on unemployment and number of departures of the population;

H5. New technologies have a positive effect on employment;

H6. There is the positive relationship between number of crimes and number of departures of the population, as well as unemployment and number of crimes.

Materials and Methods. The data for the study were collected from open sources Federal Statistics Service. There were collected 510 observations by 85 regions of the Russian Federation for 2017–2022. For variables expressed in value units ($NWage_{it}$, IFA_{it}), we excluded the influence of the price factor (inflation) thus values are given by 2017. The list of factors for regression modelling is presented in Table 1.

Table 1. List of factors for regression analysis

Description	Designation	Unit of measurement
1	2	3
Average monthly nominal accrued wage in constant price (2017)	$NWage_{it}$	Rubles
Unemployment rate	$Unempl_{it}$	%
The number of departures of the population per 10 thousand people	$Left_man_{it}$	Number of people
<i>Technological factors</i>		
The proportion of organizations that used personal computers as a percentage of the total number of surveyed organizations	$Org_{pk_{it}}$	%
The proportion of organizations that used the Internet as a percentage of the total number of surveyed organizations	$Org_{web_{it}}$	%
The share of innovation costs in the total volume of goods shipped, works performed, and services	$Exp_{inov_{it}}$	%
The level of innovation activity of organizations	$Inov_{lvl_{it}}$	%
The share of organizations that implemented technological innovations in the total number of surveyed organizations	$Org_{tech_{it}}$	%
The share of innovative goods, works, and services in the total volume of shipped goods, completed works, and services	$Goods_inov_{it}$	%
<i>Socio-economic factors</i>		
The number of arrivals from the Commonwealth of Independent States (CIS countries)	$Migr_{CIS_{it}}$	Number of people
The number of arrivals from foreign countries	$Migr_{foreign_{it}}$	Number of people

End of table 1

1	2	3
The number of registered crimes per 10 thousand people	$Crimes_{it}$	Pcs.
Investments in fixed assets in constant price (2017)	IFA_{it}	Mil. rubles
Number of higher education institutions per 10 thousand people	VO_{it}	Pcs.
Number of secondary vocational education institutions per 10 thousand people	SPO_{it}	Pcs.
The share of revenue from the sale of goods, products, works, and services in the mining industry	$shrmining_{it}$	%
The share of revenue from the sale of goods, products, works, and services in the manufacturing industry	$shrmnfact_{it}$	%
The share of revenue from the sale of goods, products, works, and services in the agricultural sector (including fishing)	$shragrcft_{it}$	%

Regression modeling was based on an approach that includes analysis of pooled data regression using the ordinary least squares method (OLS) and panel data models with fixed and random effects [36]. The calculations were carried out using the STATA 14 software product. To maintain linearity, for variables such as $NWage_{it}$, $Unempl_{it}$, $Left_man_{it}$, $Goods_inov_{it}$, $Migr_{CIS_{it}}$, $Migr_{foreign_{it}}$, IFA_{it} were used natural logarithms ($\ln$).

Results. Table 2 shows the results of descriptive statistics of the selected variables. The average value for the $NWage_{it}$ variable is 39 066.362 and we noted the high standard deviation. The minimum value is 21 941 rubles, which was recorded in the Republic of Dagestan in 2017 and the maximum value was recorded in 2022 in the Chukotka Autonomous Area and amounted to 113 399.42 rubles. Chukotka Autonomous Area – is region specializes in mining: the share of revenue from the mining industry in economy is more than 54 %.

The level of unemployment rate is relatively low: the average value for the sample is 5.99 %, which roughly corresponds to the values in the European Union countries before the COVID [37], and which is lower than the average in developing countries for the corresponding period 2016–2017 [38]. It refers to a low value of the standard deviation, which indicates a stable value of the indicator both by year and by region. The minimum value is 1.2 %, and the maximum value of 30.9 % is fixed in 2021 in the Republic of Ingushetia, which is an outlier for the entire sample. This region can be characterized as a region with a low level of economic development, which is reflected in low GRP per capita [22].

Despite the fact that the reasons for the change of residence are subjective factors that correspond to the interests of a particular person [39], the authors also identify macro-factors: economic, social, demographic, political, and the external environment [40]. The average value of the number of departures of the population is 339.516 people per 10,000 population. The minimum value is 104.89 people per 10,000 population, which was recorded in the Chechen Republic in 2020. The maximum was recorded in 2022 in the Chukotka Autonomous Area. An analysis of the structure of the departed population shows that, on average, 84 % of all those who left move between regions, and not outside the country.

Table 2. Descriptive statistics of variables

Variable	Mean	Std. Dev.	Min	Max
<i>Dependent variables</i>				
<i>NWage</i>	39 066.362	17 391.724	21 941	113 399.42
<i>Unempl</i>	5.998	3.692	1.2	30.9
<i>Left_man</i>	339.516	130.801	104.89	1 174.33
<i>Independent variables</i>				
<i>Org_pk</i>	87.395	8.086	48.679	100
<i>Org_web</i>	84.526	8.247	46.038	100
<i>Exp_inov</i>	1.572	1.562	0	9.603
<i>Inov_lvl</i>	10.499	5.58	0.179	33.759
<i>Org_tech</i>	18.794	7.692	0.6	47.285
<i>Goods_inov</i>	5.039	5.183	0	28.4
<i>Migr_CIS</i>	6 779.494	8 218.916	5	73 912
<i>Migr_foreign</i>	766.324	944.337	0	6 046
<i>Crimes</i>	143.972	44.892	15.758	362.673
<i>IFA</i>	213 068.86	396 942.62	9 988	4 425 815.5
<i>SPO</i>	0.281	0.123	0.08	0.838
<i>VO</i>	0.043	0.021	0	0.128
<i>shagrclt</i>	0.046	0.047	0	0.324
<i>shmining</i>	0.123	0.192	0	0.806
<i>shmnfact</i>	0.256	0.147	0.003	0.655

Note. All calculations for compiling tables 2–4 and preparing graphs (fig. 1–3) were made in the Stata 14.2 program.

Table 3 shows the results of constructing a linear regression model (Model 1.1), a panel data model with fixed (Model 1.2) and random effects (Model 1.3). The adjusted coefficient of determination of the 1.1 model is 68 %. Testing the model revealed heteroskedasticity in the residuals, necessitating the use of robust estimates for the standard error of the model. The results of the tests for the heteroskedasticity of the residuals for the Model 1.1. are shown in Figure 1. The results of comparing models 1.2 and 1.3 using the Hausman test show that model 1.2 should be preferred. The adjusted coefficient of determination in model 1.2 is 45 %. The inverse relationship is observed in model 1.2 compared to model 1.1. between the *lnNWage* and *shrmnfact* and *SPO* variables.

Table 4 shows the results of a linear regression model (Model 2.1–2.2.), panel data models with fixed (Model 2.3) and random effects (Model 2.4). The *lnUnempl* variable is negatively correlated with the variables under study, except for the *lnCrimes* variable. The coefficient of determination in the model 2.1 is 47 %. When testing the model for the heteroskedasticity of residuals, we observed that the residuals were homogeneous (Fig. 2). When comparing panel data models, the Hausman test suggests that the fixed-effects model (Model 2.3) is the preferred option. However, the coefficient of determination for the 2.3 model is low, indicating a low level of explanatory power for the variables in this model.

Table 5 shows the results of a linear regression model (Model 3.1.–3.2.), panel data models with fixed effects (Model 3.3) and with random effects (Model 3.4). The adjusted coefficients of determination for the Models 3.1 are 49 %. Testing Model 3.1 for heteroskedasticity of residues shows the presence of homoscedasticity of residues (Fig. 3).

There is a significant positive relationship between the variable $\ln\text{Left_man}$ and $\ln\text{Left_man}_{t-1}$ in model 3.2. The Hausman test shows that a fixed-effects model should be preferred (Model 3.3). The adjusted coefficient of determination in this model is 32 %.

Table 3. Results of regression analysis for dependent variable $\ln\text{NWage}$

Variables	Model 1.1	Model 1.2	Model 1.3
$\ln\text{IFA}$	0.202***	0.068***	0.087***
shmnfact	-0.218**	0.279***	0.176**
Inov_lvl	-0.015***	-0.008***	-0.009***
Org_tech	0.018***	0.005***	0.006***
$\ln\text{Goods_inov}$	-0.031***	-0.007*	-0.007
shmining	0.598***	0.203**	0.592***
$\ln\text{Migr_foreign}$	-0.032***	0.003	0.000
$\ln\text{Crimes}$	0.143***	-0.025	0.069*
SPO	0.869***	-1.261***	-0.527***
shagrclt	1.186***	0.895***	0.833***
$_cons$	7.177***	10.019***	9.130***

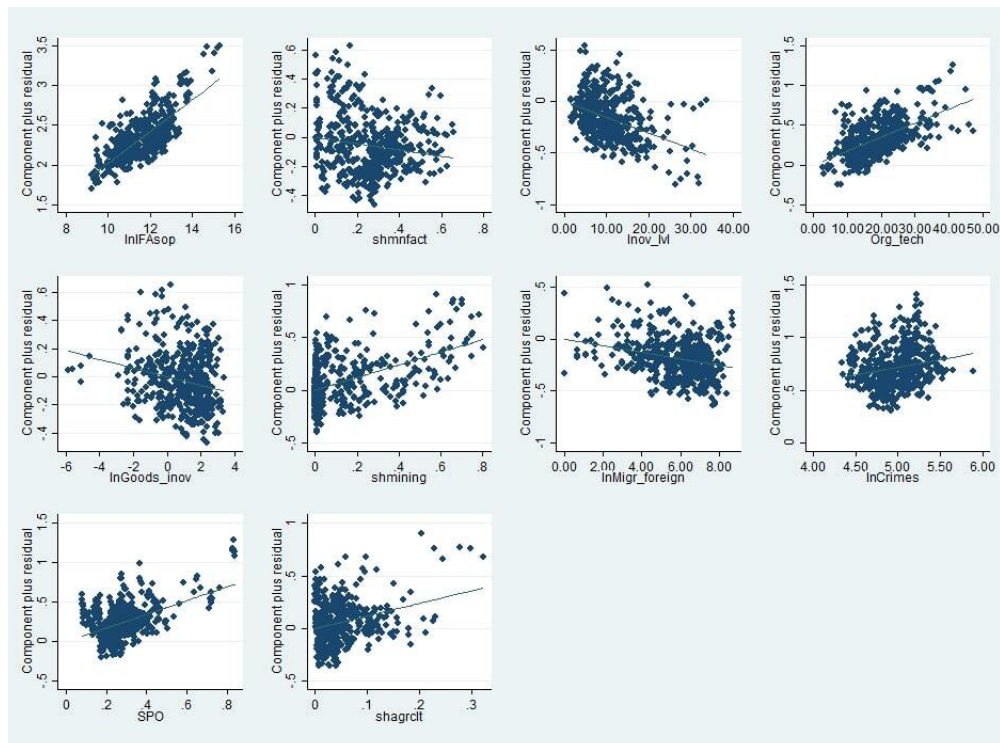
Note. From here on in the article * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Table 4. Results of regression analysis for dependent variable $\ln\text{Unempl}$

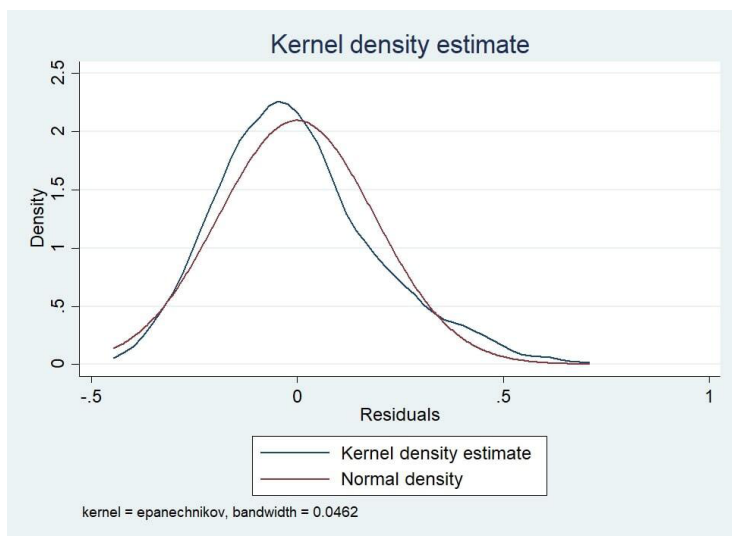
Variables	Model 2.1	Model 2.2	Model 2.3	Model 2.4
$\ln\text{IFA}$	-0.143***	-0.145***	-0.148***	-0.153***
shagrclt	-1.250***	-0.710	-0.873	-1.202*
shmnfact	-0.409***	-0.304*	-0.569*	-0.802***
Org_tech	-0.013***	-0.005**	-0.001	-0.005*
shmining	-0.392***	-0.189	-0.940***	-0.783***
$\ln\text{Migr_CIS}$	-0.084***	-0.042*	-0.029	-0.057***
SPO	-0.618***	-0.274	1.271**	0.187
$\ln\text{Crimes}$	0.237***	0.177*	0.359**	0.052
$\ln\text{Unempl}_{t-1}$		0.655***		
$_cons$	3.435***	3.099***	1.822*	4.060***

Table 5. Results of regression analysis for dependent variable $\ln\text{Left_man}$

Variables	Model 3.1	Model 3.2	Model 3.3	Model 3.4
VO	-2.726***	-3.294**	-1.094	-1.876
Org_web	0.009***	0.008***	0.007***	0.008***
$\ln\text{IFA}$	-0.064***	-0.020	-0.019	-0.023
shmnfact	-0.336***	-0.523***	-0.374**	-0.283*
shmining	0.270**	-0.190	-0.221	0.081
SPO	0.696***	0.771***	0.758**	0.941***
$\ln\text{Migr_CIS}$	0.076***	0.012	0.025	0.040**
$\ln\text{Migr_foreign}$	-0.038**	-0.006	-0.010	-0.018*
$\ln\text{Crimes}$	0.196***	0.073	-0.049	0.162**
shagrclt		-1.086***	-1.527***	-0.959**
$\ln\text{Left_man}_{t-1}$		0.481***		
$_cons$	4.384***	5.084***	5.520***	4.282***

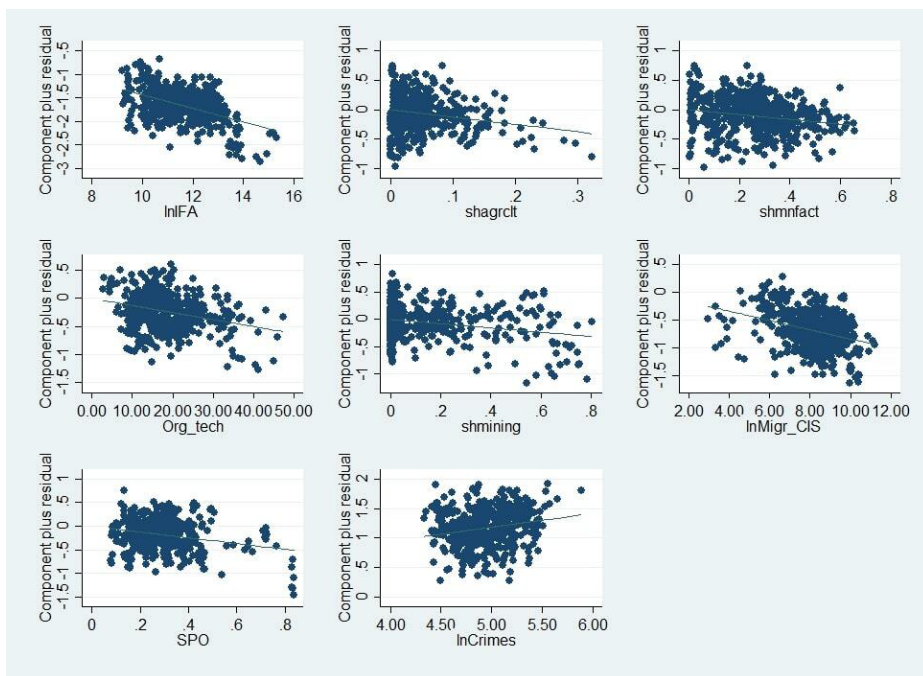

(a)

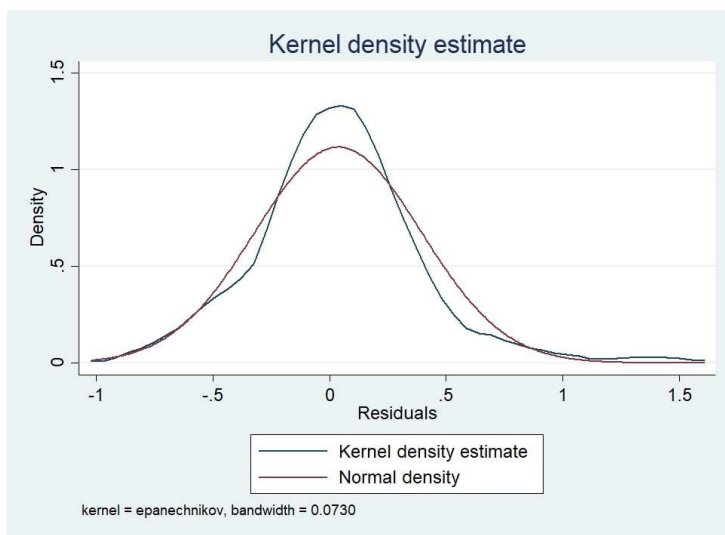

(b)

Fig. 1. (a) Matrix of partial residual graphs and (b) Graphic tests for normal distribution of the residuals of the model 1.1

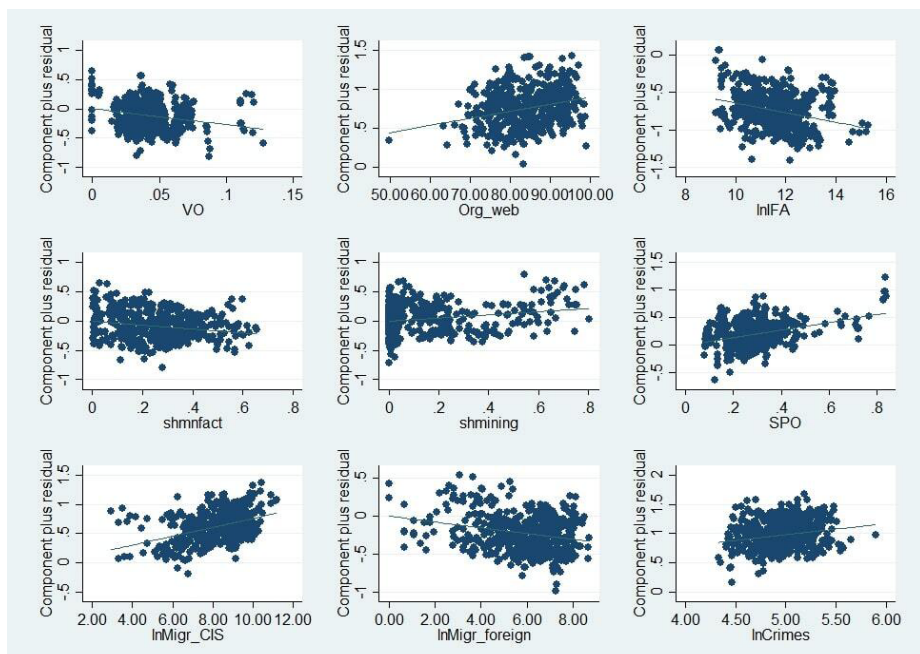

(a)

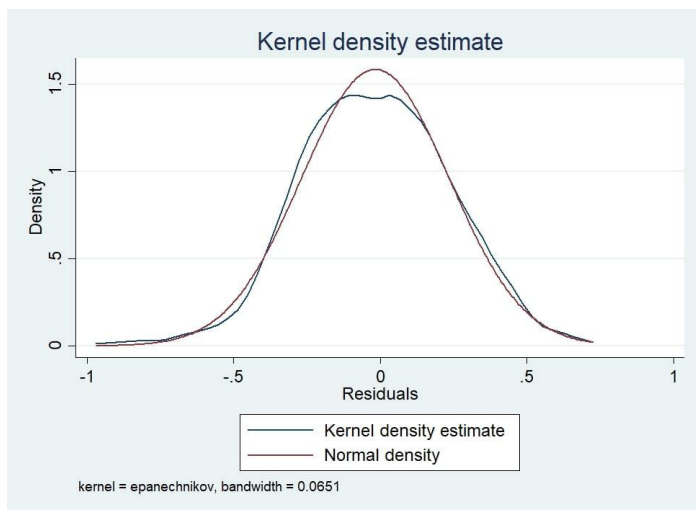

(b)

Fig. 2. (a) Matrix of partial residual graphs and (b) Graphic tests for normal distribution of the residuals of the model 2.1

(a)

(b)

Fig. 3. (a) Matrix of partial residual graphs and (b) Graphic tests for normal distribution of the residuals of the model 3.1.

Discussion and Conclusion. The obtained results allow us to conclude the following. Investments in fixed assets are one of the factors of economic growth [23], and in turn, economic growth is positively associated with the standard of living. Models 1.1. and 1.2. confirm that in regions where large investments in fixed assets are made, wages are higher. Paper [22] shows that investments in fixed assets in Russia are associated

with the specialization of regions in the extractive industry. This relationship is reflected in our study.

The positive influence of the agricultural industry with wages may be due to the technological development of agricultural enterprises in recent years in connection with the implementation of Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture⁷. Investments in new technologies create new requirements for the level of knowledge and qualifications of labor. As a result, wage growth and stimulates the growth of investments in the continuation of the mechanization of the industry⁸.

In general, we observed that the organizations implementing technological innovations is positively related to wages [30]. This situation may also be related to the significant role of innovation in the extractive industry [41], where the average wage level is higher than in regions of Russia that do not specialize in mining [42]. At the same time, we observed a negative relationship between the *lnNWage* indicator and the level of innovation activity of organizations and the share of innovative goods, works, and services in the total volume of shipped goods, completed works, and services. As in the study by Mlinarević P., Balotić G. and Paunović S.⁹, our hypothesis about the impact of innovation on wage growth was not confirmed. Considering the results obtained, and taking into account that all three indicators reflect technological development, we cannot make a definitive conclusion about the relationship between technology and wages.

The results of models 2.1.–2.4. show that technological and socio-economic development of territories are negatively correlated with unemployment. Thus, we observe that the development of the productive sectors of the economy and the growth of investments in fixed assets create employment opportunities and reduce the unemployment rate [24; 25].

It was also revealed that the proportion of organizations engaged in technological innovations is negatively associated with unemployment. We could argue that these results connect with the hypothesis of the positive impact of innovation on employment [31]. Nonetheless, other factors of digital and technological development turned out to be insignificant. Therefore, as in the work [34], we cannot accurately suggest about the positive or negative impact of innovation development on employment at the macro level. But unlike [34], we see a significant positive relationship between unemployment and the lag value of unemployment ($lnUnempli_{t-1}$). In regions with high unemployment, its growth is observed in the following periods, which indicates the long-term effects of unemployment.

The positive relationship between unemployment and number of crimes, as identified in models 2.1, 2.2, and 2.3, confirmed our hypothesis and correspond with research

⁷ Kuzmin V. N., Korolkova A. P., Marinchenko T. E. Mechanism for increasing innovative activity in agriculture in Russia using programming // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/723/3/032055>

⁸ Yamauchi F. Wage Growth, Landholding, and Mechanization in Agriculture: Evidence from Indonesia // World Bank Policy Research Working Paper No. 6789. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2404639 (accessed 25.10.2024).

⁹ Mlinarević P., Balotić G., Paunović S. The impact of innovation on the growth of real wages in the western Balkan countries // 3rd International Conference “Economic and Business Trends Shaping the Future” / Faculty of Economics-Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje. 2022. Pp. 278–287. <http://doi.org/10.47063/EBTSF.2022.0024>

findings¹⁰ [35]. These results confirm the importance of social support for citizens, especially in unstable periods of economic recession.

We observed that the number of departures of the population is negatively correlated to factors of investment, industrial development, accessibility of higher education and the number of migrant people from foreign countries. We can assume that regions with high standards and quality of life become centers of attraction, not only for their own local populations, but also for people from other countries. As the study shows [43], migration models for specialists are different for different regions and Federal Districts of Russia. We see that in regions with a high number of departures of the population in the previous period ($\ln Left_mani_{t-1}$) the outflow of population is higher in the current period. Models 3.1.–3.3. show that the reasons for departure are also the level of criminality, the number of migrants from CIS countries, as well as the share of the extractive industry in the economy. We can assume that the outflow of population from regions specializing in mining is associated with the remoteness of such regions from the federal center (Siberia, the Far East), as well as the current need for economic development of the regions [44].

We also received uncertain results on the impact of the accessibility factor of education. As opposed to [28] we did not see evidence in the models that the availability of higher education affects wages and unemployment. However, we saw the relationship between secondary vocational education organizations and wages and unemployment. According to models 3.1–3.4 the availability of higher education in the region is a factor in ensuring that people do not leave the region. And we see the opposite situation with the availability of secondary vocational education: the presence of secondary vocational education in regions is positively correlated with the number of departures population from the region. This can be explained by the specifics of the development of the education system in Russia. According to descriptive statistics in Table 2 there are 6.5 times more secondary vocational education institutions per 10,000 people than universities. Due to educational system reforms in 2012 and closures of inefficient universities, the regions faced youth migration. Students who want to get higher education are forced to move to medium and large cities [45]. These changes have clearly impacted the socio-economic development of small towns and regions without higher education facilities.

We observe a negative relationship between the availability of secondary vocational education and wages (model 1.2). The problems of employers' dissatisfaction with the quality of training of workers was described by A. A. Stepanov [46]. However, we suggest that these identified relationships require further investigation, because it may be linked to the nature of manufacturing development in the country.

Thus, the hypotheses H1, H3 and H6 were confirmed, and H2, H4 were confirmed partly. We have not seen evidence of the impact of access to higher education on wages and unemployment and cannot be certain about the relationship between number of crimes, manufacturing industry and wages, because the models show contradictory results. We also cannot suggest that technological innovations really affect the elements of personnel security (H5). In general, the results show that the variables of personnel security are mainly influenced by socio-economic factors.

¹⁰ Wang X., Shixin Hu. Analysis of the relationship between unemployment and crime rate in China // Proceedings of the 2021 International Conference on Social Development and Media Communication (SDMC 2021). 2022, Atlantis Press. Pp. 665–670. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.220105.122>

The authors have explored various relationships, each of which could be the subject of a separate study. It will be important to study more closely the identified relationships between the components of personnel security by collecting more statistical data and using other modeling techniques to evaluate long-term effects. In our opinion, gravity modeling and the construction of ARDL (Autoregressive Distributed Lag) panel data models are two promising approaches for this purpose. Nevertheless, the results obtained reflect the importance of interaction between executive authorities making decisions in various sectors of the economy. For example, investment policy decisions can significantly affect the unemployment rate in the region, and the development of innovations affects the standard of living of citizens. The results can be used as a scientific justification for the need to improve the socio-economic, innovative, industrial, investment, personnel, and other policies of the region in order to increase personnel security, and, as a result, achieve a high quality and standard of life and sustainable development.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Shimanovsky D.V., Zagrebina T.S. Modeling of the Main Determinants of the Poverty Level in Russian Regions. *Journal of Applied Economic Research*. 2020;19(2):149–165. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.2.008>
Шимановский Д.В., Загребина Т.С. Моделирование основных детерминант уровня бедности в российских регионах. *Journal of Applied Economic Research*. 2020;19(2):149–165. <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.2.008>
2. Khaykin M., Toechkina O. Service Capital as a Condition for the Sustainable Development of Society. *International Journal of Technology*. 2021;12(7):1458–1467. <https://doi.org/10.14716/ijtech.v12i7.5360>
3. Walter S., Lee J.D. How Susceptible are Skills to Obsolescence? A Task-Based Perspective of Human Capital Depreciation. *Foresight and STI Governance*. 2022;16(2):32–41. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2022.2.32.41>
4. Horváthová Z., Kalyugina S., Pianov A. The Influence of Geopolitical Factors and Multiculturalism on the Personnel Security of Russian Federation. *Journal of Institutional Studies*. 2020;12(2):149–160. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.149-160>
5. Kalyugina S., Pianov A., Tvaronavičienė M., Sorokin G. Depopulation and External Migration as the Institutional Risks to Personnel Safety. *Journal of Institutional Studies*. 2018;10(4):125–144. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.4.125-144>
Калюгина С., Пьянов А., Тваронавичене М., Сорокин Г. Депопуляция и внешняя миграция как институциональные риски кадровой безопасности. *Журнал институциональных исследований*. 2018;10(4):125–144. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.4.125-144>
6. Kapeliushnikov R.I. The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects. *Economic Policy*. 2019;14(2):8–63. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ideas.repec.org/a/rnp/ecopol/ep1916.html> (accessed 10.02.2025).
Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты. *Экономическая политика*. 2019;14(2):8–63. URL: <https://ideas.repec.org/a/rnp/ecopol/ep1916.html> (дата обращения: 10.02.2025).
7. Doroshenko S.V., Vasilyeva R.I. Spatial Estimation of Regional Economic Growth Heterogeneity During 2014–2021. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):484–503. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503>
Дорошенко С.В., Васильева Р.И. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014–2021 гг. *Регионоведение*. 2024;32(3):484–503. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503>
8. Ryazanova O.A., Timin A.N., Kotandzhyan A.V. Interrelation of Personnel and Social Security of the Region on the Example of the Kirov Region. *Issues of Risk Analysis*. 2022;19(3):10–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2022-19-3-10-21>

- Рязанова О.А., Тимин А.Н., Котанджян А.В. Взаимосвязь кадровой и социальной безопасности региона на примере Кировской области. *Проблемы анализа риска*. 2022;19(3):10–21. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2022-19-3-10-21>
9. Maksyutina E.V. [Ensuring the Personnel Security of the Region (on the Example of the Republic of Tatarstan)]. *Regionalnyi ekonomicheskii zhurnal*. 2022;2(33):64–74. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3MCHa2> (accessed 10.03.2025).
Максютина Е.В. Обеспечение кадровой безопасности региона (на примере Республики Татарстан). *Региональный экономический журнал*. 2022;2(33):64–74. URL: <https://clck.ru/3MCHa2> (дата обращения: 10.03.2025).
10. Kudriashova M.G., Mishchenko N.G., Nikitina I.Iu., Saparkina A.V., Sibirtseva E.I., Etingof E.V. Personnel Security as the Most Important Direction of Ensuring the Security of the Kamchatka Territory. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*. 2021;6(6):496–517. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://qje.su/ru/nauka/issue/4599/view> (accessed 10.03.2025).
Кудряшова М.Г., Мищенко Н.Г., Никитина И.Ю., Сапаркина А.В., Сибирцева Е.И., Этингوف Е.В. Кадровая безопасность как важнейшее направление обеспечения безопасности Камчатского края. *Московский экономический журнал*. 2021;6(6):496–517. URL: <https://qje.su/ru/nauka/issue/4599/view> (дата обращения: 10.03.2025).
11. Lukyanova A.Yu., Fedorova S.A., Prostyaakov A.A., Gruzina I.S. Analysis of Human Potential Development in the Border Regions of the North Caucasus as a Factor of Personnel Security. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2019;(3/4):37–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2019-3-4-03>
Лукьянова А.Ю., Федорова С.А., Простяков А.А., Грузинова И.С. Анализ развития человеческого потенциала приграничных регионов Северного Кавказа как фактор обеспечения кадровой безопасности. *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2019;(3/4):37–48. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2019-3-4-03>
12. Kuznetsova N.V., Timofeeva A.Yu. Problems and Tools for the Detection of Threats to Personnel Security in the Region. *Economy of Region*. 2016;12(4):1123–1134. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3MCJqr> (accessed 10.03.2025).
Кузнецова Н.В., Тимофеева А.Ю. Проблемы и инструментарий выявления угроз кадровой безопасности региона. *Экономика региона*. 2016;12(4):1123–1134. URL: <https://clck.ru/3MCJqr> (дата обращения: 10.03.2025).
13. Saleh H., Surya B., Annisa Ahmad D.N., Manda D. The Role of Natural and Human Resources on Economic Growth and Regional Development: With Discussion of Open Innovation Dynamics. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 2020;6(4):103. <https://doi.org/10.3390/joitmc6040103>
14. Khan Z., Hossain M.R., Badeeb R.A., Zhang C. Aggregate and Disaggregate Impact of Natural Resources on Economic Performance: Role of Green Growth and Human Capital. *Resources Policy*. 2023;(80):103. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103103>
15. Gallardo-Vázquez D., Folgado-Fernández J.A. Regional Economic Sustainability: Universities' Role in Their Territories. *Land*. 2020;9(4):102. <https://doi.org/10.3390/land9040102>
16. Kotandzhyan A.V. Substantiation of the Concept and Indicators of the Personnel Component of the Economic Security of the Regions. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2022;1(4):80–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.01.010>
Котанджян А.В. Обоснование понятия и показателей кадровой составляющей экономической безопасности регионов. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022;1(4):80–86. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.01.010>
17. Gadzhiev N.G., Konovalenko S.A. Threats and Challenges to Personnel Security in the System of Ensuring State Economic Safety. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. 2021;36(2):7–19. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2021-36-2-7-19>
Гаджиев Н.Г., Коноваленко С.А. Угрозы и вызовы кадровой безопасности в системе обеспечения экономической безопасности государства. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки*. 2021;36(2):7–19. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2021-36-2-7-19>

18. Kuznetsova N.V. Conceptual Analysis of Personnel Security. *Baikal Research Journal*. 2011;(4):22. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=8191> (accessed 25.12.2024)
Кузнецова Н.В. Понятийный анализ кадровой безопасности. *Известия Байкальского государственного университета*. 2011;(4):22. URL: <https://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=8191> (дата обращения: 25.12.2024)
19. Antipin I.A., Shishkina E.A. Personnel Security of the Old Industrial Region: Assessments, Dynamics, Risks. *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*. 2023;4(66):111–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/vqvvpie>
Антипин И.А., Шишкина Е.А. Кадровая безопасность старопромышленного региона: оценки, динамика, риски. *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2023;4(66):111–117. <https://www.elibrary.ru/vqvvpie>
20. Sukhodolov A.P., Ozerikova T.G., Kuznetsova N.V. Migration Outflow of Population as a Threat to Personnel Security of the Region (on the Example of the Irkutsk Region). *Russian Journal of Labour Economics*. 2018;5(4):1015–1036. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39614>
Суходолов А.П., Озерникова Т.Г., Кузнецова Н.В. Миграционный отток населения как угроза кадровой безопасности региона (на примере Иркутской области). *Экономика труда*. 2018;5(4):1015–1036. <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39614>
21. Strielkowski W., Astachova E., Larionova N. Assessment of Personnel Risks and Threats in the Context of State Security: a Neo-Institutional Perspective. *Journal of Institutional Studies*. 2019;11(3):170–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.170-181>
Стриелковский В., Астахова Е.А., Ларионова Н.А. Оценка рисков и угроз персонала в контексте государственной безопасности в неонституциональной перспективе. *Журнал институциональных исследований*. 2019;11(3):170–181. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.170-181>
22. Avdueva E., Nadezhina O., Zaborovskaya O. The Impact of Socio-Economic Factors on the Regional Economic Security Indicator. *International Journal of Technology*. 2023;14(8):1706–1716. <https://doi.org/10.14716/ijtech.v14i8.6829>
23. Obeng S.K. An Empirical Analysis of the Relationship Between Minimum Wage, Investment and Economic Growth in Ghana. *African Journal of Economic Review*. 2015;3(2):85–101. Available at: <https://www.ajol.info/index.php/ajer/article/view/119484> (accessed 15.11.2024).
24. Anowor O.F., Uwakwe Q.C., Chikwendu N.F. How Investment Does Affect Unemployment in a Developing Economy. *Sumerian Journal of Economics and Finance*. 2019;2(7):82–88. Available at: <https://clck.ru/3LRJBx> (accessed 15.11.2024).
25. Hasan N., Muammil Sun'an. The Effect of Private Inflation and Investment on Unemployment and Poverty in North Maluku Province. *Journal of International Conference Proceedings*. 2020;3(3):36–48. Available at: <https://clck.ru/3MMBAi> (accessed 15.11.2024).
26. Bajraktari N., Deda E., Pacukaj S. The Role of Key Economic and Social Indicators in the Development of a Country, as a Primary Ways of Government Policies for the Economic Growth. *Journal of Educational and Social Research*. 2022;12(3):337–352. <https://doi.org/10.36941/jesr-2022-0091>
27. Hofmarcher T. The Effect of Education on Poverty: A European Perspective. *Economics of Education Review*. 2021;(83):102124. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2021.102124>
28. Kyui N. Expansion of Higher Education, Employment and Wages: Evidence from the Russian Transition. *Labour Economics*. 2016;(39):68–87. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2016.01.001>
29. Majumdar S. K. Technology and Wages: Why Firms Invest and What Happens. *Technology in Society*. 2014;(39):44–54. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2014.07.005>
30. Angelini E.C., Farina F., Pianta M. Innovation and Wage Polarisation in Europe. *International Review of Applied Economics*. 2009;23(3):309–325. <https://doi.org/10.1080/02692170902811736>
31. Piva M., Vivarelli M. Is Innovation Destroying Jobs? Firm-Level Evidence From the EU. *Sustainability*. 2018;10(4):1279. <https://doi.org/10.3390/su10041279>
32. Yildirim D.Ç., Yildirim S., Erdogan S., Kantarci T. Innovation–Unemployment Nexus: The Case of EU Countries. *International Journal of Finance and Economics*. 2022;(27):1208–1219. <https://doi.org/10.1002/ijfe.2209>
33. Feldmann H. Technological Unemployment in Industrial Countries. *Journal of Evolutionary Economics*. 2013;(23):1099–1126. <https://doi.org/10.1007/s00191-013-0308-6>
34. Matuzeviciute K., Butkus M., Karaliute A. Do Technological Innovations Affect Unemployment? Some Empirical Evidence from European Countries. *Economies*. 2017;5(4):48. <https://doi.org/10.3390/economies5040048>

35. Jawadi F., Mallick S.K., Idi Cheffou A., Augustine A. Does Higher Unemployment Lead to Greater Criminality? Revisiting the Debate Over the Business Cycle. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2021;(182):448–471. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.03.025>
36. Gutman S., Rytova E., Brazovskaia V., Skhvediani A. The Impact of Firms' Activities on Regional Sustainable Development. *International Journal of Technology*. 2022;13(7):1505–1514. <https://doi.org/10.14716/ijtech.v13i7.6195>
37. Ahmad M., Khan Y.A., Jiang C., Kazmi S.J.H., Abbas S.Z. The Impact of COVID-19 on Unemployment Rate: An Intelligentbased Unemployment Rate Prediction in Selected Countries of Europe. *International Journal of Finance and Economics*. 2023;28(1):528–543. <https://doi.org/10.1002/ijfe.2434>
38. Mehry E.-B., Ashraf S., Marwa E. The Impact of Financial Inclusion on Unemployment Rate in Developing Countries. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2021;11(1):1–79. <https://doi.org/10.32479/ijefi.10871>
39. Elshof H., Haartsen T., van Wissen L., Mulder C.H. The Influence of Village Attractiveness on Flows of Movers in a Declining Rural Region. *Journal of Rural Studies*. 2017;(56):39–52. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.07.004>
40. Castelli F. Drivers of Migration: Why do People Move? *Journal of Travel Medicine*. 2018;25(1):1–7. <https://doi.org/10.1093/jtm/tay040>
41. Sánchez F., Hartlieb P. Innovation in the Mining Industry: Technological Trends and a Case Study of the Challenges of Disruptive Innovation. *Mining, Metallurgy and Exploration*. 2020;(37):1385–1399. <https://doi.org/10.1007/s42461-020-00262-1>
42. Skhvediani A., Sosnovskikh S., Kudryavtseva T., Nalwanga S. Modelling of a Regional Industry Specialisation: the Impact of Agglomeration Economies on Labour Productivity. *International Journal of Trade and Global Markets*. 2024;19(3/4):215–242. <https://doi.org/10.1504/IJTM.2024.138992>
43. Makhotaeva M.Yu., Nikolaev M.A. Migration of Specialists with Higher Education in Russia: Assessment of Factors and Modeling of Processes. *Journal of Applied Economic Research*. 2023;22(1):120–141. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.1.006>
Махотаева М.Ю., Николаев М.А. Миграция специалистов с высшим образованием в России: оценка факторов и моделирование процессов. *Journal of Applied Economic Research*. 2023;22(1):120–141. <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.1.006>
44. Motrich E.L., Izotov D.A. Modern Trends and Problems of Migration in a Russian Border Region: The Far East. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(3):245–251. <https://doi.org/10.1134/S1075700718030103>
45. Gabdrakhmanov N., Karachurina L., Mkrtchyan N., Leshukov O. Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes. *Educational Studies Moscow*. 2022;(2):88–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах. *Вопросы образования*. 2022;(2):88–116. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
46. Stepanov A.A. Analysis of the Employers Satisfaction with the Quality of Personnel Training in the Russian Federation. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 2018;10(4):531–547. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-4-531-547>
Степанов А.А. Анализ удовлетворенности работодателей качеством подготовки рабочих кадров в Российской Федерации. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2018;10(4):531–547. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-4-531-547>

About the authors:

Olga S. Nadezhina, Cand.Sci (Econ.), Associate Professor, Acting Director, Graduate School of Public Administration, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Litera “B” Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7960-3546>, Researcher ID: F-5756-2017, Scopus ID: 57192012079, SPIN-code: 9411-6358, nadezhina_os@spbstu.ru

Ekaterina A. Avduevskaya, Cand.Sci (Econ.), Associate Professor, Graduate School of Public Administration, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Litera “B” Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5407-5812>, Researcher ID: U-4323-2018, Scopus ID: 57207847979, SPIN-code: 4472-0127, avduevskaya_ea@spbstu.ru

Elizaveta A. Kulchitskaya, Student, Graduate School of Public Administration, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29 Litera “B” Polytechnicheskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9215-5143>, Researcher ID: **LTF-3518-2024**, SPIN-code: **2285-1838**, kulchitskaya_ea@spbstu.ru

Contribution of the authors:

O. S. Nadezhina – formulation of overarching research goals and aims; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution; development of methodology; preparation of the published work; critical analysis and revision of the text.

E. A. Avduevskaya – development of methodology; creation of models; analyses and visualization of obtained results; formulation of conclusions; preparation of the published work.

E. A. Kulchitskaya – data collection and application of statistical formal techniques to analyses data; creation of models; preparation of the published work.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 29.11.2024; revised 13.01.2025; accepted 16.01.2025.

Об авторах:

Надежина Ольга Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент, и.о. директора Высшей школы государственного управления Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 литера Б), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7960-3546>, Researcher ID: **F-5756-2017**, Scopus ID: **57192012079**, SPIN-код: **9411-6358**, nadezhina_os@spbstu.ru

Авдеевская Екатерина Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент Высшей школы государственного управления Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 литера Б), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5407-5812>, Researcher ID: **U-4323-2018**, Scopus ID: **57207847979**, SPIN-код: **4472-0127**, avduevskaya_ea@spbstu.ru

Кульчицкая Елизавета Андреевна, студент Высшей школы государственного управления Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 литера Б), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9215-5143>, Researcher ID: **LTF-3518-2024**, SPIN-код: **2285-1838**, kulchitskaya_ea@spbstu.ru

Вклад авторов:

O. С. Надежина – формулирование целей и задач исследования; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; разработка методологии исследования; подготовка рукописи; критический анализ черновика рукописи.

E. A. Авдеевская – разработка методологии исследования; создание моделей; визуализация результатов исследования; подготовка рукописи; внесение замечаний и исправлений.

E. A. Кульчицкая – сбор данных; применение статистических методов для анализа данных; создание моделей; подготовка рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 29.11.2024; одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 16.01.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.206-220><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/hohspz>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 339.9

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Основные ценовые и неценовые факторы
развития возобновляемых источников энергии
в странах Евросоюза****В. Н. Зуев****Т. Н. Канихин** ✉

*Институт торговой политики Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ tnkanikhin@hse.ru*

Аннотация

Введение. Рассматриваются основные факторы развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в странах Европейского союза (ЕС), которые на современном этапе являются передовыми в данной области. Актуальность изучения ВИЭ определяется, с одной стороны, важностью охраны окружающей среды в рамках глобальной климатической повестки, с другой – недостаточным освещением названной темы в науке. Цель исследования состоит в определении основных ценовых и неценовых факторов, обеспечивающих развитие ВИЭ в странах ЕС; гипотеза заключается в том, что волатильность цен на углеводороды и импорт ЕС традиционных источников энергии из России выступает важным фактором развития ВИЭ в странах ЕС.

Материалы и методы. Возможные факторы влияния выделены по методологии PESTEL. Их сбор производился в рамках экспертной оценки современных трендов из открытых источников. На основе отобранного материала была построена полулогарифмическая линейная регрессия, оценивающая зависимость доли используемых ВИЭ страной ЕС от выделенных факторов в пределах 2019–2023 гг.

Результаты исследования. Согласно построенной модели, являются значимыми: уровень коррупции, индекс зеленого роста, дамми-переменная, которая иллюстрирует наличие национальной правовой базы в области зеленой энергетики, и количество выбросов парниковых газов на душу населения – на уровне 1 %; количество выпущенных страной «зеленых» облигаций – 5 %; цены на углеводороды, государственные расходы на научно-исследовательские работы (НИР) – на уровне 10 %. Гипотеза исследования подтверждена частично: цены на углеводороды представляют собой важный фактор, однако не ключевой, в то время как волатильность импорта ЕС традиционных источников энергии из России в рамках модели не значима.

Обсуждение и заключение. Разработка национального законодательства в сфере ВИЭ, финансирование научных проектов, актуализация зеленой повестки в гражданском обществе при низком уровне коррупции обеспечат твердую почву для развития технологий ВИЭ в странах ЕС. Результаты

© Зуев В. Н., Канихин Т. Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

настоящего исследования могут быть полезны при подготовке государственными учреждениями стратегии использования ВИЭ в России, а также в рамках рассмотрения вопросов развития ВИЭ в ЕС, интеграции ЕС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Ключевые слова: энергетика, возобновляемые источники энергии, Евросоюз, ценовые и неценовые факторы, экология, регрессионная модель, PESTEL

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Зуев В.Н., Канихин Т.Н. Основные ценовые и неценовые факторы развития возобновляемых источников энергии в странах Евросоюза. *Регионоведение*. 2025;33(2):206–220. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.206-220>

Main Price and Non-Price Factors of the Renewable Energy Sources Development in Union Countries of the European

V. N. Zuev, T. N. Kanikhin✉

*Institute of Trade Policy, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)*

✉ tnkanikhin@hse.ru

Abstract

Introduction. The article examines the main price and non-price factors of renewable energy development in the EU countries at the present stage. The relevance of studying RES is determined, on the one hand, by the importance of environmental protection within the global climate agenda, on the other hand, by the insufficient coverage of this topic in science. The aim of the study is to identify the main price and non-price factors that ensure the development of RES in the EU countries; the hypothesis is that the volatility of hydrocarbon prices and EU imports of traditional energy sources from Russia is the main factor of RES development in the EU countries.

Materials and Methods. To study this issue, in this paper, possible influence factors have been identified according to the PESTEL methodology. Factors were collected through expert assessment of current trends from open sources. The selected factors were used to construct a semi-logarithmic linear regression estimating the dependence of the share of RES used by the EU country on the selected factors within 2019–2023.

Results. According to the constructed model, the level of corruption, the green growth index, the dummy variable illustrating the existence of a national legal framework in the field of green energy, and the amount of greenhouse gas emissions per capita are significant at the 1 % level of significance; the number of green bonds issued by the country – at the 5 % level; the price of carbon, government spending on R&D, are significant at 10 % significance level; other variables are not significant.

Discussion and Conclusion. The development of national legislation in the field of RES, financing of scientific projects, mainstreaming of the green agenda in civil society with a low level of corruption will provide a solid ground for the development of RES technologies in the EU countries. The results of this study may be useful in the preparation of a strategy for RES utilization in Russia by government agencies, as well as in the consideration of RES development issues in the EU, EU and Eurasian Economic Union (EAEU) integration.

Keywords: energy, renewable energy sources (RES), EU, price and non-price factors, ecology, regression model, PESTEL

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Zuev V.N., Kanikhin T.N. Main Price and Non-Price Factors of the Renewable Energy Sources Development in Union Countries of the European. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):206–220. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.206-220>

Введение. В настоящее время использование возобновляемых источников энергии приобретает все большее значение. Согласно данным Всемирного экономического форума (2024)¹, в среднем государства Европы производят до 22 % энергии за счет силы ветра и солнечного света, 20 – природного газа и 26 % энергии – за счет использования угля. Передовыми производителями ВИЭ являются страны ЕС. По статистике Eurostat², в Швеции в 2022 г. доля ВИЭ достигла 66 % от общего числа производимой энергии. Согласно отчету McKinsey (2024)³, ВИЭ будет составлять от 65 до 80 % всей энергетики мира к 2050 г.

Однако развитие технологий ВИЭ происходит достаточно медленно в силу ряда ограничений технологического, экономического и политического характера. Более того, аналитики отмечают, что для ускорения энергетического перехода стоимость углеводородов слишком низка по сравнению с ценой ВИЭ и должна вырасти до 150–225 \$ за тонну CO₂. Наконец, подобная трансформация предполагает налаживание цепочки поставок редких материалов, например лития, никеля, кобальта, используемых при производстве электрических батарей. Необходимо отметить, что применение ВИЭ способствует значительному сокращению углеродного следа, что могло бы обеспечить сохранение окружающего мира и природных ресурсов для будущих поколений. Таким образом, чрезвычайно важным становится изучение ценовых и неценовых факторов, способствующих развитию ВИЭ в ЕС.

Целью работы выступает определение основных ценовых и неценовых факторов, обеспечивающих развитие ВИЭ в ЕС. Гипотеза исследования состоит в утверждении о том, что волатильность цен на углеводороды и импорт ЕС традиционных источников энергии из России служит основным фактором развития ВИЭ в странах ЕС.

Обзор литературы. Несмотря на важность глобальных проблем, расширение производства и использования ВИЭ происходит весьма размеренными темпами. Леал-Аркас и Минас [1] указывают на недостаточную представленность ВИЭ в современном мире, особенно в развивающихся государствах, в частности из-за отсутствия необходимых технологий. Передовыми же в данной области являются страны ЕС [2]. При этом бережное отношение к природе важная, но отнюдь не единственная задача, которую может решить широкое применение ВИЭ. Так, для Германии [3] актуальны создание дополнительных рабочих мест в отраслях ВИЭ, а также возможность значительной экономии электроэнергии. С целью поощрения участия бизнеса и граждан в формировании «зеленого общества» в Финляндии [4] применяются энергетические субсидии, компенсирующие затраты компаний на экологические налоги.

Согласно исследованию М. Скаламеры [5], факторами расширения сферы использования ВИЭ в Европе могут стать единая стратегия ЕС и зеленая энергетическая политика. Ученые [6; 7] полагают, что на процесс принятия решений прямо

¹ This country is leading the charge for renewable energy generation in the EU [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2024/01/renewable-energy-transition-generation-eu/> (accessed 12.11.2024).

² Sweden – the highest share of energy from renewable sources [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3LarYq> (accessed 10.11.2024).

³ Global Energy Perspective 2024. McKinsey and Company : Report [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.mckinsey.com/industries/energy-and-materials/our-insights/global-energy-perspective> (accessed 23.04.2025).

воздействуют ограниченность традиционных источников энергии и волатильность цен на них (например, изменчивость цен на нефть). В представлении российских авторов [8] мощным двигателем развития зеленой энергетики в ЕС выступает необходимость значительного сокращения импорта энергоносителей из России. Кроме того, распространено мнение о важности для формирования благоприятной инвестиционной среды проектов в области ВИЭ совершенствования финансовых институтов в странах ЕС [9], а также технологической инфраструктуры, удовлетворяющей требованиям сооружения установок ВИЭ [10].

Немаловажным фактором являются законодательство, регулирующее экологические аспекты энергетической политики, а также «зеленые» налоги и квоты [11], способные оказать положительное влияние на развитие ВИЭ в ЕС в долгосрочной перспективе, однако нередко вызывающие недовольство населения в краткосрочном плане [12]. Ряд исследователей отмечают важность гражданского участия и общественного просвещения в области повестки ВИЭ для ускорения «озеленения» энергетической политики ЕС [13].

Значимыми внешними факторами развития ВИЭ служат мировые кризисы, создающие дополнительные возможности для состоятельных стран и вызовы для государств с меньшим количеством ресурсов [14]. Так, во время пандемии коронавируса потребление нефти и газа в ЕС сократилось на 40 %, в то время как спрос на ВИЭ практически не изменился [15]. Увеличение потребления энергии странами ЕС негативно влияет на сокращение выбросов CO₂ в атмосферу [16]. Таким образом, область исследования ценовых и неценовых факторов остается не до конца изученной, что оставляет поле для текущего исследования.

Материалы и методы. Использование методологии PESTEL позволило выделить ряд политических, экономических, социальных, технологических, экологических и правовых факторов, благодаря влиянию которых сфера применения ВИЭ в Европе будет развиваться. Сбор данных и материалов для реализации PESTEL осуществлялся путем изучения открытых источников и выявления наиболее актуальных трендов, согласно мнению экспертов. При этом факторы рассматривались через призму таких показателей, как «оценка», «сила», «вероятность» и «динамика».

«Оценка» – это предполагаемое положительное или отрицательное влияние фактора на развитие ВИЭ. Показатель «сила» определяется по 3-балльной шкале, где «1» означает слабое воздействие фактора на развитие ВИЭ, «3» – значительное воздействие. Вероятность реализации прогнозируемого фактора также оценивается по 3-балльной шкале, где «1» – малая вероятность его реализации, «3» – высокая вероятность. Динамика фактора может быть положительной (+), отрицательной (–) или нейтральной (0) в зависимости от направленности прогнозируемого сценария. Значимыми для рассмотрения в последующей регрессии стали факторы, представленные суммой не менее 5 баллов из 6 по приведенным показателям.

На основании выявленных в ходе анализа PESTEL факторов была построена полулогарифмическая модель, зависимой переменной в которой стала доля использования страной ЕС возобновляемой энергетики. С целью проверки гипотезы исследования проводился регрессионный анализ, в рамках которого определялись переменные, влияющие на изменение доли зеленой энергетики, с учетом

статистического уровня значимости в 1 %, 5 % и 10 %. Для достижения наибольшей точности регрессии модель тестировалась на предмет мультиколлинеарности, гетероскедастичности, наличия пропущенных переменных.

Результаты исследования. *Политическими* факторами развития ВИЭ в странах Европы являются как внешние, так и внутренние аспекты. К внешним возможно отнести зависимость от поставщиков, расшатывающую энергетический суверенитет ЕС. В мае 2022 года Европейская комиссия анонсировала новый проект «REPowerEU»⁴, направленный на сокращение зависимости ЕС от российских поставок топлива к 2030 г. После начала специальной военной операции (СВО) и введения европейских санкций импорт традиционных источников энергии из России стал весьма проблематичным для ЕС [17] в связи с ростом цен. Указанные события привели к обновлению плана действий по внедрению зеленой энергетики в странах ЕС и установлению новых целевых показателей использования энергетики ВИЭ во всех секторах экономики, включая транспорт и производство (в 42,5 %), с наиболее оптимистичной целью в 45 % к 2030 г. Проект базируется на трех основах: сбережении энергии, производстве максимального количества энергии за счет применения ВИЭ, диверсификации поставщиков энергоносителей.

Внутренними предпосылками развития ВИЭ в ЕС выступают особенности политической системы, ее приоритеты и степень стабильности. Среди ключевых факторов, обеспечивающих успешное расширение использования ВИЭ, назовем общий вектор политики государства, определяемый ориентированностью правящей партии (левые, правые, центристы), а также уровень коррупции в стране, который предполагает обратную зависимость от показателя успешности проведения политики ввиду невозможности целевой реализации денежных средств в случае высокого уровня нечистоплотности чиновников на разных ступенях власти [18]. В рамках типологии политических партий левые воспринимаются наиболее заинтересованными в продвижении зеленой повестки, в то время как правые в меньшей степени проявляют внимание к данной тематике.

Среди значимых *экономических* факторов развития ВИЭ в ЕС возможно также выделить как внешние, так и внутренние. Внешними факторами, в частности, являются цены на углеводороды и мировые кризисы (внешние шоки) [19]. Притом волатильность цен на углеводороды и традиционные источники энергии может быть непосредственно связана с внешними шоками и мировыми кризисами. Так, после кризиса 1970-х гг. Дания серьезно задумалась о провалах нефтяного рынка и рассмотрении использования возобновляемой энергетики, а после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. в Германии заговорили о небезопасности ядерной энергетики и важности поиска альтернативы [19].

Внутренними факторами энергетического перехода в ЕС служат уровень развития экономики, а именно валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения страны, инвестиционная привлекательность региона, т. е. приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в том числе в сферу ВИЭ [20], и выпуск государством «зеленых» облигаций. Фактор ВВП, как правило, положительно

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions REPowerEU Plan [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3LasDw> (accessed 07.11.2024).

влияет на расширение сектора ВИЭ, поскольку отражает возможности экономики государства и уровень ее развития. Инвестиционная привлекательность характеризует стабильность местной экономики, а при направлении средств непосредственно в рассматриваемый сектор создает для его активизации дополнительный потенциал. «Зеленые» облигации выступают одним из методов инвестирования в экологически значимые проекты и предположительно способствуют прогрессу технологий ВИЭ на территории ЕС [21].

Социальными факторами влияния могут быть признаны уровень образования населения, степень лоббирования зеленой энергетики со стороны организаций гражданского общества, а также качество освещенности этой темы в средствах массовой информации. Поддержка обществом внедрения ВИЭ в энергетическую политику – мощный инструмент продвижения зеленой энергетики, поскольку доверие к проектам в рамках ВИЭ способствует их успешной реализации. Формирование такого доверия обеспечивается за счет прозрачности мероприятий по проектам. Согласно исследованию Сегрето и Принсипе [22], инициатива, связанная с установками анаэробного сбраживания (AD) в Польше и Чехии, успешно вводится в практику именно благодаря позиции электората. Совершенствование образования в сочетании с активным обсуждением зеленой тематики в информационном пространстве способствуют росту осознанности населения в данной области, что может быть оценено через количество ее упоминаний.

Среди значимых *технологических* факторов развития ВИЭ в ЕС можно выделить внешние факторы: стоимость технологии производства ВИЭ, отдельных материалов и комплектующих; а также внутренние страновые факторы инновационного развития и спроса, инвестиций в НИР. Стоимость технологии производства ВИЭ неразрывно связана с ценами на традиционные источники энергии. По статистике Международного агентства по ВИЭ (IRENA)⁵, создание солнечных фотоэлектрических технологий стало дешевле с 2022 до 2023 г. на 12 %; реализация проектов по установке аккумуляторных батарей в период 2010–2023 гг. – на 89 %. Снижение затрат на технологии производства делает ВИЭ более привлекательными по сравнению с использованием традиционных источников энергии [23].

Однако прежде чем признать низкой цену технологии ВИЭ, следует учесть влияние поставщиков необходимых материалов и комплектующих. Так, Китай является монополистом в изготовлении постоянных магнитов – компонента, используемого при сооружении ветряных турбин⁶. Водородный банк ЕС (EU Hydrogen Bank) уточнил⁷, что на данный момент доля Китая в мировом производстве материалов для технологий ВИЭ составляет 50 %, и это вызывает беспокойство ЕС.

Также важно принять во внимание внутренние факторы инновационного развития региона, измеряемые количеством патентов и опубликованных исследований по тематике ВИЭ, которые способствуют прогрессу в сфере новых технологий [24]. Реализации этой цели может послужить и спрос на электричество, например

⁵ Renewable Power Generation Costs in 2023 [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.irena.org/Publications/2024/Sep/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2023> (accessed 15.11.2024).

⁶ Reduce Europe's dependence on Chinese wind power and electrolyzers [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.tno.nl/en/newsroom/insights/2024/05/dependence-wind-power-europe-china/> (accessed 19.11.2024).

⁷ EU changes hydrogen project auction rules to limit Chinese presence [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3Lasot> (accessed 14.11.2024).

при условии его повышения в отсутствие доступа к традиционным источникам энергии [25]. Кроме того, инвестиции государства в сферу новых технологий, выраженные долей НИР в ВВП страны, демонстрируют положительный эффект в смысле расширения сектора ВИЭ [26].

Экологические факторы развития ВИЭ связаны с природными особенностями и географическим расположением страны. Так, степень самообеспеченности ресурсами может влиять на сектор ВИЭ в ЕС отрицательно ввиду наличия на территории крупных месторождений традиционных источников энергии, поскольку это снижает зависимость от внешних поставщиков топлива и потребность в инвестировании в названный сектор [27]. При этом максимальными показателями доли использования гидроэнергетики (до 61 %) характеризуются страны с очень влажным климатом и наибольшим количеством осадков, а именно Норвегия, Швеция, Австрия [28].

Отдельные установки ВИЭ требуют определенных условий и размеров территории. Например, земля как материал для производства водорода путем электролиза воды, а также для выращивания энергетических культур (в частности, фотоэлектрических систем и плантаций биомассы), используемых в анаэробном сбраживании, один из значимых факторов создания ВИЭ [29]. Измеримостью бережливого использования природных ресурсов в конкретной стране можно считать долю выбросов в атмосферу, что демонстрирует степень загрязнения окружающей среды.

Немаловажной при рассмотрении вопроса о влиянии факторов на развитие ВИЭ является правовая база государства, создающая благоприятную среду для привлечения ПИИ⁸. К правовым факторам возможно отнести как внутренние государственные акты стран ЕС, так и законы ЕС, а также мировые соглашения в сфере зеленой энергетики [30]. Внутренними актами в данном случае могут быть признаны индивидуальные правовые акты и субсидии стран ЕС, например программа поддержки институтов авиастроения, разрабатывающих решения в области устойчивого развития, во Франции⁹.

Значимыми соглашениями для стран ЕС выступают законодательные акты наднационального правительства. Первая директива об энергетической эффективности была принята ЕС в 2012 г., позже ее сменила директива 2023/1791. В обновленной версии документа содержится требование о снижении энергопотребления до 11,7 % к 2030 г.¹⁰ В рамках «Зеленой сделки» (2019) в ЕС также действуют налоги в сфере энергетики и квоты на выбросы в атмосферу CO₂¹¹. Фактором влияния служат и международные соглашения, в частности Парижское соглашение, принятое в 2015 г., согласно которому государства – члены ЕС обязались сдерживать рост среднегодовых температур в рамках 1,5–2,0 °C¹².

Результаты анализа отобранных факторов представлены в таблице 1.

⁸ In focus: Clean Energy Technologies [Электронный ресурс]. Available at: https://energy.ec.europa.eu/news/focus-clean-energy-technologies-2024-05-15_en (accessed 21.11.2024).

⁹ Government Subsidies and Trade [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/brief/subsidies-and-trade> (accessed 21.11.2024).

¹⁰ Energy efficiency [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/69/energy-efficiency> (accessed 21.11.2024).

¹¹ Green Taxation – in support of a more sustainable future [Электронный ресурс]. Available at: https://taxation-customs.ec.europa.eu/green-taxation-0_en (accessed 21.11.2024).

¹² Парижское соглашение [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.un.org/russia/climatechange/paris-agreement> (accessed 21.11.2024).

Таблица 1. PESTEL-анализ факторов влияния на развитие ВИЭ в ЕС

Table 1. PESTEL-analysis of factors influencing the development of renewable energy in the EU

Фактор / Factor	Оценка / Estimation	Сила / Power	Вероятность / Probability	Динамика / Dynamics
1	2	3	4	5
<i>Политические факторы / Political factors</i>				
Увеличение зависимости от импорта нефти и газа из России / Dependence on oil and gas imports from Russia increase	–	3	3	–
Уровень коррупции в стране / Corruption level increase	–	3	2	0
Ориентация правящей политической партии страны / Spectrum of the country's ruling political party	+	1	2	0
<i>Экономические факторы / Economic factors</i>				
Цены на углеводороды / Rising prices for hydrocarbons	+	3	3	+
Мировые кризисы / World crisis	+	2	2	+
Выпуск государством «зеленых бондов» / Issue of “green bonds” by the state	+	2	3	+
Уровень ВВП на душу населения / Increase in GDP per capita	+	3	2	+
Приток ПИИ / FDI inflows	+	2	3	+
<i>Социальные факторы / Social factors</i>				
Вовлеченность общества в зеленую повестку / Public involvement in the green agenda	+	3	2	+
Уровень образования в стране / Increase of education level in the country	+	2	3	+
Представленность зеленой повестки в информационном поле страны / Development of the green agenda in the country's information field	+	2	2	+
<i>Технологические факторы / Technological factors</i>				
Стоимость производства энергии с использованием ВИЭ / Cost reduction of energy production using renewable energy sources	+	2	2	+
Зависимость от поставок компонентов установок ВИЭ из Китая / Dependence on the supply of renewable energy plant components from China	–	3	3	+
Повышение спроса на электричество / Increase of demand for electricity	+	2	1	+
Рост количества патентов в стране / Growth in the number of patents in the country	+	2	3	+
Прирост инвестиций государства в НИР / Increase in government investments in research and development	+	3	3	+
<i>Экологические факторы / Ecological factors</i>				
Степень самообеспеченности страны традиционными источниками энергии / Degree of self-sufficiency of the country with traditional energy sources	–	2	1	0
Размеры территории государства / Country's size and territory	+	2	1	0
Доля выбросов углекислого газа в атмосферу / Increase in the share of carbon dioxide emissions in the atmosphere	–	3	3	–

Окончание табл. 1 / End of table 1				
1	2	3	4	5
<i>Правовые факторы / Law factors</i>				
Национальное законодательство о регулировании зеленой энергетики / Domestic green energy law	+	2	3	+
«Зеленые» налоги и квоты на выбросы углекислого газа в ЕС / “Green” taxes and quotas on carbon dioxide emissions in the EU	+	3	3	+
Мировые соглашения в области экологии и зеленой энергетики / World agreements in the field of ecology and green energy	+	1	2	+

На основании перечисленных отобранных факторов влияния на развитие ВИЭ в ЕС была построена (с целью подтверждения или опровержения предполагаемого качества влияния) линейная регрессия, где зависимой переменной стала доля (%) используемых ВИЭ страной ЕС, согласно сведениям Eurostat¹³. В ходе исследования были проанализированы годовые данные 27 стран за 2019–2023 гг. Нижняя временная рамка обусловлена одобрением ЕС в 2019 г. «Зеленой сделки» – национальной стратегии достижения углеродной нейтральности ЕС к 2050 г. (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Влияние факторов на изменение доли использования ВИЭ в странах ЕС, 2019–2023 гг.

Table 2. Influence of the factors on the change in the share of renewable energy use in the EU, 2019–2023

Переменные / Variables	Коэффициенты / Coefficient
Цена углеводородов / Carbon price	0.051***
Импорт традиционных источников энергии из России / Traditional energy import from Russia	–0.113
Уровень коррупции / Corruption level	0.579*
Увеличение ВВП на душу населения / GDP per capita growth	0.087
Приток прямых иностранных инвестиций / Foreign Direct Investment inflow	1.52e-08
Индекс зеленого роста / Green growth index	0.634*
Государственные расходы на образование / Governmental expenditures on education	–0.637
Государственные расходы на НИР / Governmental expenditures on R&D	3.911***
Выбросы парниковых газов на душу населения / Emissions per capita	–3.554*
Наличие национального законодательства о выбросах углеводородов / National law about carbon price regulation existence	7.074*
Количество выпущенных страной «зеленых» облигаций / Green bonds amount	–2.701**
Количество полученных страной научных патентов / Scientific patents amount	–2.206
Импорт установок ВИЭ из Китая / Renewable energy technologies import from China	–0.487
Константа / Constant	31.172***
Adj R-squared = 0.751	

Примечание / Note: *** – коэффициент значим на уровне 10 % / coefficient is significant at the 10 % level, ** – коэффициент значим на уровне 5 % / coefficient is significant at the 5 % level, * – коэффициент значим на уровне 1 % / coefficient is significant at the 1 % level.

¹³ Share of energy from renewable sources [Электронный ресурс]. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nrg_ind_ren/default/table?lang=en (accessed 21.11.2024).

Независимыми переменными в модели стали: (1) цена на углеводороды (долл./tCO₂e)¹⁴, определяемая национальными или наднациональными налогами и квотами на выбросы; (2) импорт традиционных источников энергии¹⁵ (тыс. долл.) из России; (3) уровень коррупции¹⁶, измеряемый по шкале 0–100 баллов, где 100 – наименьший уровень коррупции, 0 – наибольший; (4) увеличение ВВП на душу населения в стране (%)¹⁷; (5) приток ПИИ (тыс. долл.)¹⁸; (6) индекс зеленого роста¹⁹ стран, включающий инклюзивность общества, измеряется по шкале от 0 до 100 баллов, где 100 – наибольшее значение, 0 – наименьшее; (7) государственные расходы на образование населения (% от ВВП)²⁰; (8) государственные расходы на НИР (% от ВВП)²¹; (9) выбросы парниковых газов на душу населения (tCO₂e / на душу населения)²²; (10) дамми-переменная, которая свидетельствует о наличии национального законодательства, регулирующего выбросы углеводородов (1 – при его наличии, 0 – в его отсутствие, когда в государстве действует только наднациональное законодательство ЕС)²³; (11) количество выпущенных страной «зеленых» облигаций (тыс. долл.)²⁴, имеющих целью финансирование природоохранных проектов; (12) количество полученных страной научных патентов²⁵; (13) импорт (тыс. долл.) составляющих для технологий ВИЭ из Китая²⁶.

В рамках анализа была использована полулогарифмическая модель регрессии:

$$\begin{aligned} \text{ren_share} = & \beta_0 + \beta_1 \cdot \text{carbon_price} + \beta_2 \cdot \ln(\text{imp_rus}) + \beta_3 \cdot \text{corruption} + \\ & + \beta_4 \cdot \text{fdi} + \beta_5 \cdot \text{gdp_percent} + \beta_6 \cdot \text{green_society} + \beta_7 \cdot \text{education} + \\ & + \beta_8 \cdot \text{r_d} + \beta_9 \cdot \text{law} + \beta_{10} \cdot \ln(\text{green_bonds}) + \beta_{11} \cdot \ln(\text{patents}) + \\ & + \beta_{12} \cdot \ln(\text{imp_china}) + \beta_{13} \cdot \text{emissions} + \varepsilon, \end{aligned}$$

где $R^2 = 0,79$.

Модель была протестирована на предмет мультиколлинеарности, гетероскедастичности и наличия пропущенных переменных.

В рамках модели (см. табл. 2) значимы следующие переменные: уровень коррупции, индекс зеленого роста, дамми-переменная (свидетельствующая о законодательных решениях в области экологии и ВИЭ) и количество выбросов парниковых газов на душу населения – на уровне значимости 1 %; количество выпущенных

¹⁴ State and Trends of Carbon Pricing Dashboard [Электронный ресурс]. Available at: <https://carbonpricingdashboard.worldbank.org/about#download-data> (accessed 21.11.2024).

¹⁵ Trade map. Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import and export values, volumes, growth rates, market shares, etc. [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3LauTo> (accessed 21.11.2024).

¹⁶ Corruption Perceptions Index (KPI) 2024 [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.transparency.am/en/cpi> (accessed 21.11.2024).

¹⁷ Data bank. World Development Indicators [Электронный ресурс]. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed 21.11.2024).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Green Growth Index [Электронный ресурс]. Available at: https://ggindex-simtool.gggi.org/SimulationDashBoard/global_overview (accessed 21.11.2024).

²⁰ Data bank. World Development Indicators...

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ State and Trends of Carbon Pricing Dashboard...

²⁴ Climate Bonds. Interactive Data Platform [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.climatebonds.net/market/data/#country-map> (accessed 21.11.2024).

²⁵ WIPO IP Statistics Data Center [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3LavXE> (accessed 21.11.2024).

²⁶ Bilateral trade between European Union (EU 27) and China. Product: 85 Electrical machinery and equipment and parts thereof; sound recorders and reproducers, television... [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3Lavjy> (accessed 21.11.2024).

страной «зеленых» облигаций – 5 %; цены на углеводороды, государственные расходы на НИР – на уровне значимости 10 %. Остальные переменные (импорт из России и Китая, прирост ПИИ, ВВП на душу населения, государственные расходы на образование и количество патентов) не являются значимыми.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично: цены на углеводороды выступают одним из значимых факторов влияния на внедрение зеленых технологий в ЕС, однако не ключевым; в то же время изменение импорта ЕС традиционных источников энергии из России к статистически значимым факторам в рамках модели не относится.

Обсуждение и заключение. В рамках полученной модели увеличение цены на углеводороды на 1 долл./tCO₂e обуславливает повышение доли использования ВИЭ в ЕС на 0,05 %; снижение коррупции – на 0,58; улучшение индекса зеленого роста страны – на 0,63 %. При этом наиболее влиятельными положительными факторами для данного параметра оказались наличие национального законодательства по регулированию зеленой энергетики, что увеличивает применение ВИЭ на 7,07 %; а также доля НИР в ВВП государства, обеспечивающая подъем значения на 3,9 % при условии прироста государственных расходов страны на НИР на 1 %.

Негативным фактором развития ВИЭ в ЕС является доля выбросов парниковых газов в атмосферу: при ее увеличении на 1 tCO₂e / на душу населения применение ВИЭ в производстве страной энергии снижается на 3,55 %, что свидетельствует о важности предварительного сокращения выбросов для внедрения технологии ВИЭ и подтверждается эффектом колеи (англ. *path-dependence*) [31]. Иначе говоря, рост количества выбросов может означать факт использования традиционных источников энергии, в том числе в прошлом, в связи с чем диверсификация энергетического комплекса будет способствовать повышению доли ВИЭ и дальнейшему уменьшению выбросов, т. е. отмечен эффект взаимного влияния.

Количество выпущенных страной ЕС «зеленых» облигаций также оказалось отрицательным фактором влияния на развитие ВИЭ. В частности, при увеличении их выпуска на 1 % доля использования страной ВИЭ сокращается на 2,7 %, что может быть связано с проблемой «зеленого камуфляжа» (англ. *greenwashing*), т. е. создания видимости ориентированности на экологическую повестку для получения максимальной прибыли или иной выгоды.

Обсуждая данную проблему, исследователи подчеркивают, что, во-первых, «зеленые» облигации, связанные с конкретными проектами, характеризуются большей прозрачностью, чем средства инвестирования в проекты широкого профиля [32]; во-вторых, выпущенные местными органами власти ценные бумаги более привлекательны, нежели выпущенные центральным аппаратом ввиду близости к локальным сообществам [33]. По мнению экспертов, главным образом подвержены *greenwashing* развивающиеся страны, такие как Китай, что приводит к увеличению кредитного спреда по сравнению с традиционными облигациями [34]. Однако для ЕС эта проблема тоже актуальна, преимущественно для стран Восточной Европы, например Польши²⁷. В связи с этим в 2023 г. ЕС начал разработку новых стандартов «зеленых» облигаций в рамках борьбы с *greenwashing*²⁸.

²⁷ Razzouk A. Green bonds do more harm than good [Электронный ресурс] // Eco-Business. Available at: <https://www.eco-business.com/opinion/green-bonds-do-more-harm-than-good/#> (accessed 21.01.2018).

²⁸ EU agrees on long-awaited rulebook for 'green' bonds in an attempt to fight greenwashing [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3LavtF> (accessed 21.01.2025).

Значимыми факторами, определяющими расширение доли ВИЭ в ЕС, стали наличие национального законодательства в области регулирования ВИЭ (подъем на 7,07 %), возрастание государственных расходов на НИР (3,9 %), увеличение цен на углеводороды (0,05 %), сокращение уровня коррупции в стране (0,58 %), а также повышение индекса зеленого роста (подъем на 0,63 %).

Фактором негативного влияния на развитие ВИЭ в ЕС признано увеличение количества выбросов в атмосферу (–3,55 %) в связи с эффектом колей и ориентацией ряда стран в первую очередь на производство с использованием традиционных источников энергии по причине зависимости от них. Количество выпущенных страной ЕС «зеленых» облигаций также оказывает на развитие ВИЭ отрицательный эффект (–2,7 %) ввиду возможности «зеленого камуфляжа», характерного как для развивающихся экономик, так и ориентированных на производство энергии в большей степени за счет традиционных источников, например стран Восточной Европы.

Таким образом, совершенствование национального законодательства в сфере ВИЭ, финансирование научных и инновационных проектов при соблюдении прозрачности финансовых процедур и просвещении общества в области зеленой повестки обеспечит твердую почву для развития технологий ВИЭ в странах ЕС.

Настоящее исследование проведено с опорой на открытые доступные источники и материалы Европейского Союза, однако не охватывает данные, содержащиеся в закрытых документах, что представляет собой методологическое ограничение. Результаты работы могут быть использованы государственными учреждениями России, разрабатывающими стратегию применения ВИЭ, аналитическими центрами и научно-исследовательскими институтами, изучающими аспекты развития ВИЭ в ЕС, а также организациями, рассматривающими вопрос интеграции ЕС и ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Leal-Arcas R., Minas S. The Micro Level: Insights from Specific Policy Areas: Mapping the International and European Governance of Renewable Energy. *Yearbook of European Law*. 2016;35(1):621–666. <http://doi.org/10.1093/yel/yew022>
2. Pitelis A., Vasilakos N., Chalvatzis K., Pitelis C. Can Industrial Policy Foster Innovation in Renewable Energy Technologies in the OECD and in EU Regions? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2019;12(2):271–292. <http://doi.org/10.1093/cjres/rsz005>
3. Gallagher K.S. Why and How Governments Support Renewable Energy. *Daedalus*. 2013;142(1):59–77. http://doi.org/10.1162/DAED_a_00185
4. Paukku E. How Could Finland Promote Renewable-Energy Technology Innovation and Implementation? *Clean Energy*. 2021;5(3):447–463. <http://doi.org/10.1093/ce/zkab024>
5. Skalamera M. The 2020 Oil Price Dive in a Carbon-Constrained Era: Strategies for Energy Exporters in Central Asia. *International Affairs*. 2020;96(6):1623–1642. <http://doi.org/10.1093/ia/iaaa164>
6. De Cian E., Sfera F., Tavoni M. The Influence of Economic Growth, Population, and Fossil Fuel Scarcity on Energy Investments. *Climatic Change*. 2016;(136):39–55. <http://doi.org/10.1007/s10584-013-0902-5>
7. Ивановский Б.Г. Проблемы и перспективы перехода к «зеленой» энергетике: опыт разных стран мира : Обзор. *Экономические и социальные проблемы России*. 2022;(1):58–78. URL: <https://clck.ru/3Ljidd> (дата обращения: 10.03.2025).
Ivanovskii B.G. Problems and Prospects of Transition to Green Energy: Experience of Different Countries of the World : Review. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii*. 2022;(1):58–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Ljidd> (accessed 10.03.2025).

8. Коровникова Н.А. Зеленая энергетика ЕС в контексте российско-украинского конфликта: цели, реалии, перспективы. *Россия и современный мир*. 2023;(3):72–88. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.05>
Korovnikova N.A. EU Green Energy in the Context of the Russian-Ukrainian Conflict: Goals, Realities, Prospects. *Rossiia i sovremennyi mir*. 2023;(3):72–88. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.05>
9. Horky F., Fidrmuc J. Financial Development and Renewable Energy Adoption in EU and ASEAN Countries. *Energy Economics*. 2024;(131):45–59. <http://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107368>
10. Зимаков А.В. Европейские модели экологичной электроэнергетики: состояние и перспективы. *Вестник Института экономики РАН*. 2019;(4):154–168. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2019-10052>
Zimakov A.V. European Models for Low-Carbon Power Transition. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*. 2019;(4):154–168. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2019-10052>
11. Nadiri A., Gündüz V., Adebayo T.S. The Role of Financial and Trade Globalization in Enhancing Environmental Sustainability: Evaluating the Effectiveness of Carbon Taxation and Renewable Energy in EU Member Countries. *Borsa Istanbul Review*. 2024;24(2):235–247. <http://doi.org/10.1016/j.bir.2024.01.004>
12. Кавешников Н. Возобновляемая энергетика в ЕС: смена приоритетов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2014;(12):70–81. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-12-70-81>
Kaveshnikov N. Renewable Energy in the EU: Revision of Priorities. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014;(12):70–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-12-70-81>
13. Standal K., Leiren M.D., Alonso I. et al. Can Renewable Energy Communities Enable a Just Energy Transition? Exploring Alignment Between Stakeholder Motivations and Needs and EU Policy in Latvia, Norway, Portugal and Spain. *Energy Research and Social Science*. 2023;(106):112–124. <http://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103326>
14. Cheikh N.B., Zaied Y. B. Understanding the Drivers of the Renewable Energy Transition. *Economic Analysis and Policy*. 2024;(82):604–612. <http://doi.org/10.1016/j.eap.2024.04.003>
15. Громов А.И. Возможна ли «голубая» трансформация энергоперехода в «постковидном» будущем европейской энергетики? *Энергетическая политика*. 2020;(7):58–69. URL: <https://clck.ru/3LayCX> (дата обращения: 10.03.2025).
Gromov A.I. Is the Gas Transformation of the Energy Transition Possible in European Energy After COVID-19? *Energeticheskaya politika*. 2020;(7):58–69. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3LayCX> (accessed 10.03.2025).
16. Chovancová J., Petruška I., Rovňák M., Barlák J. Investigating the Drivers of CO₂ Emissions in the EU: Advanced Estimation With Common Correlated Effects and Common Factors Models. *Energy Reports*. 2024;(11):937–950. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/energy-reports/vol/11/suppl/C> (accessed 10.03.2025).
17. Kakhkharov J., Onur I., Yalcin E., Zhu R. Global Evidence on the Russia–Ukraine Conflict and Energy Stock Returns. *International Review of Economics and Finance*. 2024;(93):413–435. <http://doi.org/10.1016/j.iref.2024.03.063>
18. Cadoret I., Padovano F. The Political Drivers of Renewable Energies Policies. *Energy Economics*. 2016;(56):261–269. <http://doi.org/10.1016/j.eneco.2016.03.003>
19. Agbaam C., Arredondo A.M.P., Alatinga K., Bender K. The Political Economy of Sustainable Energy Transitions: A Literature Review and A Research Agenda. *IZNE Working Paper Series*. 2023;23(3):1–21. <http://doi.org/10.18418/978-3-96043-109-1>
20. Papiez M., Śmiech S., Frodyma K. Determinants of Renewable Energy Development in the EU Countries. A 20-Year Perspective. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2018;(91): 918–934. <http://doi.org/10.1016/j.rser.2018.04.075>
21. Ringstad I., Tselika K. Connectedness Between Green Bonds, Clean Energy Markets and Carbon Quota Prices: Time and Frequency Dynamics. *Journal of Commodity Markets*. 2024;(36):102–112. <http://doi.org/10.1016/j.jcomm.2024.100442>

22. Segreto M., Principe L., Desormeaux A. et al. Trends in Social Acceptance of Renewable Energy Across Europe : A Literature Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(24):1–23. <http://doi.org/10.3390/ijerph17249161>
23. Aparisi-Cerdá, Ribó-Pérez D., García-Melón M., D'Este P., Poveda-Bautista R. Drivers and Barriers to the Adoption of Decentralised Renewable Energy Technologies: A Multi-Criteria Decision Analysis. *Energy*. 2024;305(1):127–138. <http://doi.org/10.1016/j.energy.2024.132264>
24. Mahmood H., Irshad A., Tanveer M. Do Innovation and Renewable Energy Transition Play Their Role in Environmental Sustainability in Western Europe? *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;(22):1–22. <http://doi.org/10.1057/s41599-023-02539-4>
25. He Z.-X., Xu S.-C., Li Q.-B., Zhao B. Factors That Influence Renewable Energy Technological Innovation in China: A Dynamic Panel Approach. *Sustainability*. 2018;10(1):1–19. <http://doi.org/10.3390/su10010124>
26. Saba C., Biyase M. Determinants of Renewable Electricity Development in Europe: Do Governance Indicators and Institutional Quality Matter? *Energy Reports*. 2022;(8):13914–13938. <http://doi.org/10.1016/j.egyr.2022.09.184>
27. Aydin M., Erdem A. Analyzing the Impact of Resource Productivity, Energy Productivity, and Renewable Energy Consumption on Environmental Quality in EU Countries: The Moderating Role of Productivity. *Resources Policy*. 2024;(89):112–124. <http://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.104613>
28. Синюгин О.А., Дегтярев К.С. Зональные факторы развития возобновляемой энергетики на примере Западной Европы. *Журнал «Окружающая среда и энергетическое развитие» (ОСЭ)*. 2023;(1):28–43. <http://doi.org/10.24412/2658-6703-2023-1-28-43>
Sinyugin O.A., Degtyarev K.S. Zonal Drivers of Renewable Energy on the Example of Western Europe. *Journal of Environmental Earth and Energy Study (JEEES)*. 2023;(1):28–43. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.24412/2658-6703-2023-1-28-43>
29. Pinto S., Far A., Dionisi D. Land and Water Requirements for the Supply of Renewable Heating and Transport Energy Using Anaerobic Digestion and Water Electrolysis. A Case Study for the UK. *Sustainable Energy Technologies and Assessments*. 2021;(48):1–18. <http://doi.org/10.1016/j.seta.2021.101636>
30. Degirmenci T., Yavuz H. Environmental Taxes, R&D Expenditures and Renewable Energy Consumption in EU Countries: Are Fiscal Instruments Effective in the Expansion of Clean Energy? *Energy*. 2024;(299):123–134. <http://doi.org/10.1016/j.energy.2024.131466>
31. Cassini L. Path-Dependent Productive Specialization: Should Prematurely Deindustrialized Countries Shift to a KIBS Export-Led Strategy? *Structural Change and Economic Dynamics*. 2023;(65):199–209. <http://doi.org/10.1016/j.strueco.2023.02.016>
32. Jankovic I., Vasic V., Kovacevic V. Does Transparency Matter? Evidence From Panel Analysis of the EU Government Green Bonds. *Energy Economics*. 2022;(114):106–118. <http://doi.org/10.1016/j.eneco.2022.106325>
33. Baldi F., Pandimiglio A. The Role of ESG Scoring and Greenwashing Risk in Explaining the Yields of Green Bonds: A Conceptual Framework and an Econometric Analysis. *Global Finance Journal*. 2022;(52):107–118. <http://doi.org/10.1016/j.gfj.2022.100711>
34. Xu G., Lu N., Tong Y. Greenwashing and Credit Spread: Evidence From the Chinese Green Bond Market. *Finance Research Letters*. 2022;(48):106–119. <http://doi.org/10.1016/j.frl.2022.102927>

Об авторах:

Зуев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой торговой политики Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Российская Федерация, г. Москва, Мясницкая ул., 13-4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1271-1200>, Researcher ID: [NFT-9337-2025](https://orcid.org/NFT-9337-2025), Scopus ID: [56153933700](https://orcid.org/56153933700), SPIN-код: [2587-1635](https://orcid.org/2587-1635), vzuev@hse.ru

Канихин Тихон Николаевич, аспирант Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Российская Федерация, г. Москва, Мясницкая ул., 13-4), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8740-8363>, Researcher ID: [LDF-6860-2024](https://orcid.org/LDF-6860-2024), SPIN-код: [8089-3985](https://orcid.org/8089-3985), tnkanikhin@hse.ru

Вклад авторов:

В. Н. Зуев – формулирование целей и задач; критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений; наставничество в процессе проведения исследования.

Т. Н. Канихин – разработка методологии исследования; сбор данных; создание и подготовка рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 31.10.2024; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 20.02.2025.

About the authors:

Vladimir N. Zuev, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Head of the Chair of Trade Policy, Institute of Trade Policy, National Research University Higher School of Economics (13-4 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1271-1200>, Researcher ID: [NFT-9337-2025](#), Scopus ID: [56153933700](#), SPIN-code: [2587-1635](#), vzuev@hse.ru

Tikhon N. Kanikhin, Postgraduate Student, Institute of Trade Policy, National Research University Higher School of Economics (13-4 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8740-8363>, Researcher ID: [LDF-6860-2024](#), SPIN-code: [8089-3985](#), tnkanikhin@hse.ru

Contribution of the authors:

V. N. Zuev – formulation of research goals and aims; critical review and revision; mentorship.

T. N. Kanikhin – development of methodology; data collection; preparation of the manuscript.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 31.10.2024; revised 13.02.2025; accepted 20.02.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.221-238>

EDN: <https://elibrary.ru/lkmdbf>

УДК / UDC 338.48-44(26)(470.620)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Яхтенный туризм в Краснодарском крае и новых российских регионах: проблемы и перспективы

Л. А. Овчаренко¹

Е. А. Панина² ✉

Е. С. Франченко³

¹ Донецкая академия управления и государственной службы
(г. Донецк, Российская Федерация)

² Майкопский государственный технологический университет
(г. Майкоп, Российская Федерация)

³ Кубанский государственный технологический университет
(г. Краснодар, Российская Федерация)
✉ len_le@mail.ru

Аннотация

Введение. Яхтенный туризм является перспективным видом туризма в Российской Федерации, о чем свидетельствует возросший за последние годы спрос на подобные путешествия. Повышается интерес к морской акватории Краснодарского края, а также к новым российским регионам – Донецкой, Херсонской, Запорожской областям. Стратегия развития Азово-Черноморского побережья предполагает строительство яхтенной инфраструктуры, что влечет за собой инвестиции в другие сектора региональной экономики. Перед отечественной наукой стоит задача научно-методического обоснования инструментов развития названного вида туризма, практическое воплощение которых позволит обеспечить формирование дополнительных туристских кластеров. Цель статьи – выявить проблемы и обосновать перспективы развития яхтенного туризма в Краснодарском крае и в новых российских регионах в пределах Азово-Черноморского побережья, связанные с реализацией инвестиционных проектов в области яхтенной инфраструктуры.

Материалы и методы. Проанализирована привлекательность Краснодарского края и новых российских приазовских регионов для активного развития яхтенного туризма. Материалом для исследования послужили данные яхт-клубов и компаний, специализирующихся на обслуживании, аренде яхт, продаже яхтенного оборудования и маломерных судов, организации яхтенных круизов («Storm crew», «International Yacht Training Worldwide», «Mediterranean Yacht Charter»); результаты онлайн-опроса специалистов и членов яхт-клубов Геленджика, Анапы, Сочи, Мариуполя и Бердянска ($n = 130$ чел., апрель-май 2024 г.).

Результаты исследования. Уточнены понятия яхтенного туризма и яхтинга с учетом имеющихся теоретических подходов и мировой практики; выявлены проблемы, затрудняющие развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае и в новых российских регионах; определен потенциал яхтенного туризма для развития и продвижения брендинга территорий; перечислены ключевые

© Овчаренко Л. А., Панина Е. А., Франченко Е. С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

факторы активизации развития яхтенного туризма, которые должны дать импульс его продвижению на российский и международный уровни с целью придания прибрежным территориям особого инвестиционного статуса.

Обсуждение и заключение. В Краснодарском крае и новых приазовских российских регионах развитие яхтенного туризма ограничивается в связи с недостаточным уровнем инвестирования. Необходимо повысить эффективность механизмов государственно-частного партнерства в части инвестирования в капиталоемкие объекты яхтенной инфраструктуры, создать профессиональную систему обучения управляющих данной инфраструктурой и привлечения яхтсменов. Исследование может быть использовано для совершенствования и корректировки процесса модернизации яхтенной индустрии регионов, субъектов туристской деятельности и государственного регулирования экономического развития территорий.

Ключевые слова: Краснодарский край, новые российские регионы, яхтинг, яхтенный туризм, яхтенная инфраструктура, инвестиционный климат

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Овчаренко Л.А., Панина Е.А., Франченко Е.С. Яхтенный туризм в Краснодарском крае и новых российских регионах: проблемы и перспективы. *Регионоведение*. 2025;33(2):221–238. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.221-238>

Yachting Tourism in the Krasnodar Territory and New Russian Regions: Problems and Prospects

L. A. Ovcharenko^a, E. A. Panina^b✉, E. S. Franchenko^c

^a Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Russian Federation)

^b Maykop State Technological University (Maikop, Russian Federation)

^c Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

✉ len_le@mail.ru

Abstract

Introduction. Yachting tourism is a promising type of tourism in the Russian Federation, as evidenced by the increased demand for such trips in recent years. In a number of Russian regions, the demand for domestic yachting exceeds supply, which is explained by the still existing difficulties in the development of yachting infrastructure. Recently, there has been a trend of increasing tourist interest in the marine area of the Krasnodar Territory as a promising region in the field of yachting tourism, as well as new Russian territories – Donetsk, Kherson, Zaporozhye Regions. This circumstance is due to the trend of strategic development of the Azov-Black Sea coast, namely the construction of marinas, harbor shelters, fuel stations, tourist infrastructure, etc. The yachting infrastructure under construction automatically attracts investors to the tourism sector in the hotel and restaurant sectors, beach, active types of recreation, revives the tourist potential of the territories and contributes to its economic development. Domestic science faces an important task related to the need for scientific and methodological substantiation of promising instruments for the functioning of yacht tourism, the practical implementation of which will ensure the formation of new tourist clusters integrating yacht infrastructure. This will contribute to the compliance of the yacht infrastructure of the Azov-Black Sea coast with the growth rate of tourist interest in this type of tourism, designing a base for promoting new tourist destinations. The purpose of the article is to identify the problems and to substantiate the prospects for the development of yachting tourism in the Krasnodar Territory and in the new Russian territories of the Azov-Black Sea coast due to the implementation of new investment projects on yachting infrastructure.

Materials and Methods. The analysis of the attractiveness of the Krasnodar Territory and the new Russian Azov regions for the active development of yachting tourism is carried out. The analysis was based on data from yacht clubs and companies specializing in yacht maintenance, rental, sale of yacht equipment and small vessels, organization of yacht cruises: “Storm Crew”, “International Yacht Training Worldwide”, “Mediterranean Yacht Charter”; on the results of an online survey of specialists and members of yacht clubs in Gelendzhik, Anapa, Sochi, Mariupol and Berdyansk ($n = 130$ people, April-May 2024).

Results. The concepts of yachting tourism and yachting have been clarified taking into account the existing theoretical approaches and world practice; the problems hindering the development of yachting tourism in Krasnodar region and in new Russian territories have been identified; the potential of yachting tourism for the development and promotion of regional branding has been determined; the key factors for the activation of the development of yachting tourism have been listed, which should become an impetus for its promotion at the Russian and international levels in order to give the coastal territories a special investment status.

Discussion and Conclusion. In Krasnodar Territory and the new Azov region of Russia the inefficiency of yachting tourism is connected with the insufficient creation of favorable conditions for investment in the development of this sector, namely, the creation of the necessary infrastructure to satisfy the increased interest of Russians in domestic tourism by reducing the flow of people traveling abroad for the purpose of yachting. The yacht charter business is mainly carried out by small and medium enterprises with limited financial resources. Therefore, it is necessary to create well-functioning mechanisms of public-private partnership in order to invest in capital-intensive objects of yachting infrastructure, to create a professional system of training of yachting infrastructure managers, and to attract yachtsmen. The tourism sector, including yachting, in the new Azov regions of Russia will actively develop as safe and peaceful life is established in these territories. This study can be used to improve and adjust the process of modernization of the yachting industry of the regions, subjects of tourism activities and state regulation of economic development of the territories.

Keywords: Krasnodar Territory, new Russian regions, yachting, yacht tourism, yacht infrastructure, investment climate.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Ovcharenko L.A., Panina E.A., Franchenko E.S. Yachting Tourism in the Krasnodar Territory and New Russian Regions: Problems and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):221–238. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.221-238>

Введение. Яхтенная инфраструктура (современные порты, причалы с топливными заправочными станциями, магазины, гостинично-ресторанные комплексы, бары и пр.), уровень организации и обслуживания яхтенных маршрутов, управление маринами в Европе достигли высокого уровня и привлекают значительные потоки туристов¹.

В практике стран Средиземноморского и Балтийского бассейнов роль яхтенного туризма в национальной экономике весьма существенна. Так, в Турции его доля составляет около четвертой части доходов от всей туристской сферы [1]. Основными факторами, определяющими развитие названного сектора и формирование его инфраструктуры, на примере Греции, Италии, Франции, являются климат, высокий уровень сервиса и относительная доступность² [2; 3]. Мировой опыт становления яхтенного туризма включает в себя мероприятия по информационному сопровождению посредством издания путеводителей по водным акваториям. Подобные справочники предоставляют картографический материал и другую информацию по внутреннему судоходству как виду туризма [4]. Популярны среди населения и морские музеи на судах, действующие в Бристоле, Осло [5].

Популярные направления для парусных яхт у клиентов из России – Греция и Турция, а также Сейшелы, ОАЭ и Таиланд. В ближайшие годы ожидается активное развитие яхтенного туризма в Южной Африке.

Внутри России путешественников привлекают яхтенные туры по Белому и Японскому морям. Также этот вид рекреации развивается в Санкт-Петербурге и Москве, но в мегаполисах он носит скорее спортивный характер³ [6; 7]. В Краснодарском

¹ Mediterranean Yacht Charter : официальный сайт [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.212-yachts.com/destinations/mediterranean-yacht-charter/> (accessed 19.06.2024).

² International Yacht Training Worldwide : официальный сайт [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.iytworld.com> (accessed 21.06.2024).

³ Никифоряк К., Тамагут П. Инвестиционный драйвер или причал для элит: для чего нужны марины на Юге [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Jj6mL> (дата обращения: 21.06.2024) ; Сологуб С. В. Развитие яхтинга и строительство марин в России: история вопроса, сегодняшнее состояние, проблемы и пути их решения [Электронный ресурс]. URL: <https://marine.org.ru/publication/russian-maritime-policy/6283/> (дата обращения: 21.06.2024).

крае суда преимущественно используются в прогулочных целях; вдоль морского побережья функционируют небольшие яхт-клубы [1]. Э. Д. Лазарус и Л. А. Зирос констатируют фундаментальное значение яхт и яхтенных марин для морского туризма и стратегии роста так называемой голубой экономики [4].

По информации Российского союза туриндустрии, за последние три года спрос на яхтенный туризм в стране удваивался ежегодно⁴. При этом отмечен рост популярности акваторий Азовского и Черного морей. С 2019 г. реализуется Стратегия развития туризма до 2035 года⁵, предусматривающая разработку условий для формирования и продвижения конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном рынках. Сотрудниками Агентства стратегических инициатив (АСИ) и экспертами российской государственной корпорации развития (ВЭБ.РФ) разработана Стратегия развития Приазовья до 2040 года⁶. Она учитывает специфику территории, объединяющей шесть регионов (Донецкую Народную Республику, Крым, Краснодарский край, а также Запорожскую, Ростовскую и Херсонскую области), и рассматривает возможность строительства яхтенной марины возле Мариуполя⁷.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения возможностей яхтенного туризма в качестве способа повышения туристско-рекреационного потенциала прибрежных территорий Краснодарского края и новых российских регионов (Донецкой, Запорожской и Херсонской областей). Развитие названного сектора здесь будет способствовать притоку инвестиций в строительство и модернизацию гостинично-ресторанной, развлекательной и торговой сфер, оборудования пляжей, стимулирует парусный спорт, привлечет яхтсменов и собственников судов⁸.

Цель исследования состоит в выявлении проблем и обосновании перспектив развития яхтенного туризма в Краснодарском крае и новых регионах в контексте масштабной модернизации яхтенной инфраструктуры.

Обзор литературы. Понятие «яхтенный туризм» происходит от английского «yachting», вошедшего в обиход в XVII веке благодаря королю Англии Карлу II, который первым использовал яхты для отдыха и развлечения. До этого времени все суда мира эксплуатировались только в торговых, транспортных и рыболовецких целях. С XIX века данный вид деятельности приобрел популярность как парусный спорт, став частью вполне обыденного образа жизни англичан [5].

В современных публикациях понятия «яхтенный туризм» и «яхтинг» часто отождествляются. В зарубежных исследованиях яхтинг рассматривается как «...акт

⁴ Российский союз туриндустрии : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rst.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: утв. распоряжением от 20.09.2019 № 2129-р [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LeWpr> (дата обращения: 10.04.2025).

⁶ Стратегию развития Приазовья намерены утвердить в декабре 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/freenews/672cd13a9a79471d47938941> (дата обращения: 10.04.2024).

⁷ Новые регионы РФ в 2024 году впервые получают субсидии на развитие инфраструктуры туризма [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19326979> (дата обращения: 29.08.2024).

⁸ Овчаренко Л. А., Заднепровская Е. Л. Стратегический подход к управлению развитием внутреннего и въездного туризма в контексте современных вызовов // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий. Материалы IV международной научно-практической конференции. Серия «Стратегическое управление развитием экономики». Краснодар : ДОНАУИГС, 2020. С. 82–84.

аренды яхты, когда яхта играет роль средства размещения и инструмента для удовлетворения потребностей (морское путешествие, отпуск, соревнования)» [8]. В спортивной терминологии также существуют понятия «sailing», что означает «парусный спорт», и «sailing regata», обозначающее соревнование парусных судов [5]. На сайте мирового лидера с международной аккредитацией по стандартам качества в области подготовки яхт, морских сертификаций, безопасности, касающихся яхтинга знаний и рисков, «International Yacht Training Worldwide», под парусным спортом (яхтингом, сейлингом) понимается активный вид водного спорта, который основан на соревновательной деятельности спортсменов при использовании парусного снаряжения, установленного преимущественно на яхтах⁹. Таким образом, яхтенный туризм можно разделить на спортивный и развлекательный.

В исследованиях и профессиональных коммуникациях часто применяется понятие «яхтенная культура», которое имеет широкий смысл и подразумевает взаимосвязанные сферы: яхтенную инфраструктуру, индустрию развлечений, парусный спорт и яхтенный туризм¹⁰. Как видим, в терминологии яхтенного туризма используется довольно широкий тезаурус морской и парусной тематики.

В российской научной литературе исследования, связанные с яхтенным туризмом, носят фрагментарный характер, поскольку рассматривают преимущественно частные вопросы. В целом имеющиеся источники можно дифференцировать на две группы. Первую группу представляют собой работы, раскрывающие общеметодологические основы спортивной деятельности с использованием парусных судов. В частности, применение системы анализа данных Fast Skipper для тренировки технических и тактических навыков резерва парусного спорта описаны С. Е. Бакулевым, С. М. Ашкинази, В. С. Куликовым, В. А. Рябчиковым, В. В. Таймазовым [9]; совершенствование технической подготовленности яхтсменов-гонщиков изучено А. Б. Абрамчуком [10]. К. Г. Томилин проанализировал опыт подготовки и сертификации яхтенных рулевых для осуществления круизов в США, Германии, Великобритании¹¹.

Вторая группа источников посвящена туристским аспектам яхтинга. Обоснованием яхтенного туризма как инструмента повышения туристской конкурентоспособности южных регионов России занимался К. Г. Томилин¹², российского Черноморского побережья – Ю. Дрейзис, И. Поташова, В. В. Селиванов¹³, Е. И. Пискун, Е. И. Шабалина, А. П. Турлучев, А. А. Филобок [11; 12], территории Краснодарского

⁹ International Yacht Training Worldwide: официальный сайт...

¹⁰ Сидарков Д. С., Поддубная Т. Н. Некоторые аспекты возникновения и развития яхтинга в Краснодарском крае // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 18 ноября 2022 года. Краснодар : КГУФКС, 2022. С. 170–172. <https://www.elibrary.ru/oqewbe>

¹¹ Томилин К. Г. Яхтинг: молодежный спортивный и спортивно-оздоровительный туризм // Молодежный спортивный и спортивно-оздоровительный туризм: современное состояние и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сочи : СГУ, 2016. С. 65–69.

¹² Там же.

¹³ Dreizis Y., Potashova I. Yachting and coastal marine transport development in the Black Sea coast of Russia // MATEC Web of Conferences. 2018. Т. 170. Available at: <https://elck.ru/3MEXU2> (accessed 19.06.2024) ; Селиванов В. В., Лукьянова Е. Ю. Яхтенный туризм и особенности экскурсионного сервиса: монография. Симферополь : ИТ «Ариал», 2016. 168 с.

края – Е. Л. Заднепровская, А. Р. Кумпилова, Т. Н. Поддубная, Д. С. Сидарков¹⁴, Т. А. Джум [13–16]. В этих работах рассматриваются факторы устойчивого формирования сектора яхтенного туризма в ряде регионов нашей страны. Указывается на его значимую роль в создании мультипликативного экономического эффекта, содействие в расширении сопутствующих отраслей (индустрии питания, размещения, досуга, сувенирной продукции, сервиса по обслуживанию яхт и пр.), что в совокупности может обеспечить устойчивое развитие территорий.

Мотивы выбора яхтенного туризма как необычного способа путешествий и отдыха были описаны В. А. Головачевым и Т. Н. Осинцевой¹⁵; потенциал яхтинга в качестве формы физической рекреации изучался Е. А. Паниной и соавторами. На основе настоящего социологического исследования были обозначены новые возможности развития яхтинга в Краснодарском крае, среди которых основная роль принадлежит созданию на территории марин высокого уровня сервиса, включая клиентоориентированный сервисный продукт [17].

В XX веке яхтенный туризм является не только активным времяпровождением или спортом, но и доходной частью туристской индустрии. В. В. Волостных и В. Л. Александров выделили характерные особенности данного сектора туристской отрасли:

- обособление части производства маломерных судов от классического судостроения в связи с изменением традиционного понимания назначения маломерного судна, его конструктивных особенностей, нюансов технологических процессов, круга потребителей и других параметров;
- разделение производственной базы в направлении углубления специализации по классам и габаритам маломерных судов;
- диверсификация деятельности: производство не только маломерных судов, но и яхтенного оборудования, строительство и модернизация марин, организация яхт-чартеров, послепродажное обслуживание и ремонт судов [18].

В настоящее время различают следующие яхтенные форматы.

Круиз на яхте – наиболее популярный формат, основанный на активном участии в управлении лодкой (работа с парусами, руление и пр.) под руководством опытного шкипера. Не требует определенного уровня подготовки.

Любительская регата – путешествие с соревновательными элементами. Преимущественно проводится по программе круиза, включает в себя ежедневные состязательные переходы. Из технических особенностей предполагает использование в дополнение к обычным парусам спинакера или генакера и в соответствии с этим владение навыками обращения с ними. Не требует определенного уровня подготовки команды.

¹⁴ Поддубная Т. Н. Развитие яхтинга в Краснодарском крае как формы активного отдыха для молодежи // Современные тенденции развития физической культуры и спорта : коллективная монография. Ульяновск : Зебра, 2022. С. 87–95 ; Поддубная Т. Н. Яхтенный туризм как средство рекреации и оздоровления молодежи // Актуальные проблемы реализации здоровьесберегающих технологий в образовательной среде. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 07–08 апреля 2022 года. Ростов-н/Д : АкадемЛит (Издатель ИП Ковтун С. А.), 2022. С. 91–94.

¹⁵ Golovachev V. A., Osintseva T. N. Yachting: luxury or available alternative // Диалог культур. Материалы XIV межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2021 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 92–94.

Полупрофессиональная регата – также путешествие с соревновательными элементами, ориентированное на опытных участников (несколько лет увлечения яхтингом, участие в 1–3 подобных мероприятиях). Как правило, в состав команды включаются профессиональные шкиперы-гонщики, которые и принимают решения. При этом возможности остальных членов команды ограничены, их задача – максимально быстро и слаженно выполнить свои функции. К такому формату относят мероприятия типа Rodos Cup, Marmaris Race Week.

Профессиональная парусная регата – разновидность парусного спорта, где соревнуются яхтсмены-профессионалы.

Перегон – спортивное плавание на дальнее расстояние. Дает возможность получить оффшорный опыт и накат миль. Отличается фиксированным маршрутом из точки А в точку В; ограниченным временем на его прохождение; малым количеством остановок, цель которых состоит в восстановлении сил, а не развлечениях; рабочим графиком (например, вахтовый метод), позволяющим одной части команды отдыхать в то время, когда другая управляет яхтой¹⁶ [19].

Таким образом, яхтенный туризм выступает драйвером развития внутреннего и въездного туризма в прибрежных зонах южных регионов¹⁷. Однако, несмотря на разнообразие публикаций, анализ проблем отрасли и обоснование перспектив ее развития остаются недостаточными. Так, в число нерешенных вопросов входят аспекты нормативно-правового регулирования проблем, касающихся упрощения процедуры передвижения иностранных яхт в российской морской акватории; создание программ комплексного обслуживания яхтенных туристов в российских регионах, а также популяризация яхтинга среди населения. Имеющиеся пробелы в изучении тенденций развития и расширения яхтенного туризма в Краснодарском крае и новых российских регионах в пределах Азово-Черноморского побережья выступили основанием для проведения данного исследования.

Материалы и методы. На начальном этапе посредством применения методов анализа и синтеза была отобрана релевантная информация, формирующая теоретическую базу и информационно-аналитический фундамент исследования. В рамках теоретической части рассмотрены и описаны ключевые аспекты яхтенного туризма: дано его определение, основанное на анализе научной литературы и данных официальных источников; обоснованы критерии и показатели, необходимые для оценки эффективности развития отрасли.

Информационно-аналитическую базу исследования составили монографии, научные статьи, а также сведения официальных сайтов яхт-клубов, международных организаций, осуществляющих аккредитацию по стандартам качества в области подготовки яхт, морских сертификаций, безопасности, связанных с парусным спортом знаний и рисков («International Yacht Training Worldwide», Средиземноморская

¹⁶ Что такое яхтинг простыми словами и в чем его ключевые особенности? [Электронный ресурс]. URL: <https://informjournal.ru/chto-takoe-yahting-prostyimi-slovami-i-v-chem-ego-klyuchevye-osobennosti/> (дата обращения: 21.06.2024).

¹⁷ Заднепровская Е. Л., Поддубная Т. Н., Хорошко В. А. Развитие яхтенного туризма в Краснодарском крае // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Донецк : ДАУиГС, 2020. С. 443–446 ; Заднепровская Е. Л. Крупные спортивные мероприятия как инструмент регионального развития туристской дестинации // Физическая культура и спорт. Олимпийское образование. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар : Экоинвест, 2023. С. 589–592.

яхтенная чартерная ассоциация и др.). Всего было проанализировано 30 источников по рассматриваемой проблеме, в том числе 13 статей в журналах, входящих в базы данных Scopus и Web of Science.

На втором этапе осуществлялось разведывательное эмпирическое исследование: онлайн-опрос специалистов и членов яхт-клубов Геленджика, Анапы, Сочи, Мариуполя и Бердянска ($n = 130$ чел., апрель-май 2024 г.). Методология его проведения опирается на труды А. Д. Чудновского, М. А. Жуковой, Н. Кукулески и др. [6; 7] Выявлялись доминирующие мотивы занятия яхтенным туризмом, уровень доступности необходимой инфраструктуры для различных категорий туристов и пр. Выяснилось, что большинство (59 %) опрошенных имеют лицензию на управление яхтой, 38 – организуют прогулки на яхтах для своих клиентов, 48 – участвуют в парусных регатах и иных соревнованиях на судах, 30 % респондентов обучают управлению яхтой и осуществляют судейство соревнований.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Анализ привлекательности Краснодарского края и новых российских приазовских регионов для активного развития названной отрасли составил основу третьего этапа и позволил обозначить важные конкурентные преимущества рассматриваемых территорий в аспекте развития яхтенного туризма в дестинациях; выяснить существующие в данной сфере проблемы; определить направления повышения эффективности функционирования яхтенного туризма в южных регионах России.

Результаты исследования. С 2021 года в РФ реализуется Концепция развития инфраструктуры яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье Краснодарского края на период до 2030 г.¹⁸ (далее Концепция), согласно которой центрами данного вида туризма признаны Краснодарский край, Севастополь, Республика Крым и Ростовская область. В этих регионах необходимо сформировать соответствующую инфраструктуру (порты, марины, заправочные топливные станции, специализированные торговые точки, пункты питания путешественников и др.) [20]. Предполагается двухэтапное осуществление проекта (табл. 1).

Таблица 1. Этапы реализации Концепции
Table 1. Stages of the Concept implementation

Этапы / Stages	Мероприятия / Events
1	2
1-й этап (2021 – 2024 гг.) / Stage 1 (2021 – 2024)	Формирование и реализация плана мероприятий («дорожной карты»), включая анализ имеющихся и разработку необходимых нормативно-правовых актов по внедрению положений Концепции, подготовку и корректировку соответствующих государственных программ с учетом основных направлений Концепции, а также создание маршрутов яхтенного туризма / Formation and implementation of the action plan (“road map”), including analysis of existing and development of the necessary regulatory and legal acts to implement the provisions of the Concept, preparation and adjustment of the relevant state programs taking into account the main directions of the Concept, as well as the creation of yacht tourism routes.

¹⁸ Концепция развития инфраструктуры яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье Краснодарского края : утверждена 24.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3JpM8d> (дата обращения: 21.06.2024).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2
2-й этап (2025 – 2030 гг.) / Stage 2 (2025 – 2030)	Дальнейшее совершенствование мер поддержки развития яхтенного туризма, в том числе осуществление скорректированных мероприятий утвержденной «дорожной карты», а также анализ промежуточных итогов реализации Концепции, проектирования и строительства марин (яхтенных портов) и в целом развития яхтенного туризма в стране / Further improvement of measures to support the development of yacht tourism, including the implementation of adjusted measures of the approved “roadmap”, as well as an analysis of the interim results of the implementation of the Concept, design and construction of marinas (yacht ports) and the overall development of yacht tourism in the country

Примечание / Note. Таблица составлена на основе Концепции развития инфраструктуры яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье Краснодарского края на период до 2030 г.¹⁹ / Compiled according to the source: The Concept of yacht tourism infrastructure development on the Azov-Black Sea coast of the Krasnodar Territory for the period up to 2030.

В Концепции определены показатели оценки эффективности развития яхтенного туризма для отечественных регионов. В их числе количество:

- маломерных судов и яхт, зарегистрированных под государственным флагом РФ;
- пунктов пропуска через государственную границу РФ, способных оформить суда (яхты), маломерные суда;
- маршрутов в области яхтенного туризма, разработанных и предлагаемых туристам в субъекте РФ;
- российских и иностранных граждан, воспользовавшихся услугами в сфере яхтенного туризма;
- мест для стоянки судов (яхт) в субъекте РФ и др.²⁰

Отдельный список параметров устойчивости яхтенной отрасли образуют 33 показателя для индустрии услуг, а также по 38 для производственной отрасли, связанной с яхтами, и для морской яхтенной инфраструктуры²¹.

В Стратегии развития Приазовья до 2040 года учтены особенности развития и новых территорий в составе Российской Федерации. Каждое крупное поселение (сельское, городское) будет ориентировано на формирование сектора традиционного вида отдыха: пляжного, морского (яхтинга, виндсёрфинга, аквапарков, океанариумов), лечебно-рекреационного, экологического и т. д. Например, вокруг Мелитополя (Запорожская область) имеются уникальные ландшафтные парки, грязелечебницы и пляжи; в поселке Приморском находятся бальнеологические санатории. Возле Мариуполя появятся семь охраняемых природных территорий, будут построены гостиницы, новый аэропорт.

Выход новых регионов к Азовскому морю позволит развивать здесь пляжный, рекреационный и парусный туризм (например, в поселке Мелекино или Белосарайской Косе Донецкой области). В названном программном документе упоминается строительство яхтенной марины возле Мариуполя, а также формирование зоны пляжного и парусного отдыха на Арабатской Стрелке возле Геническа (Херсонская

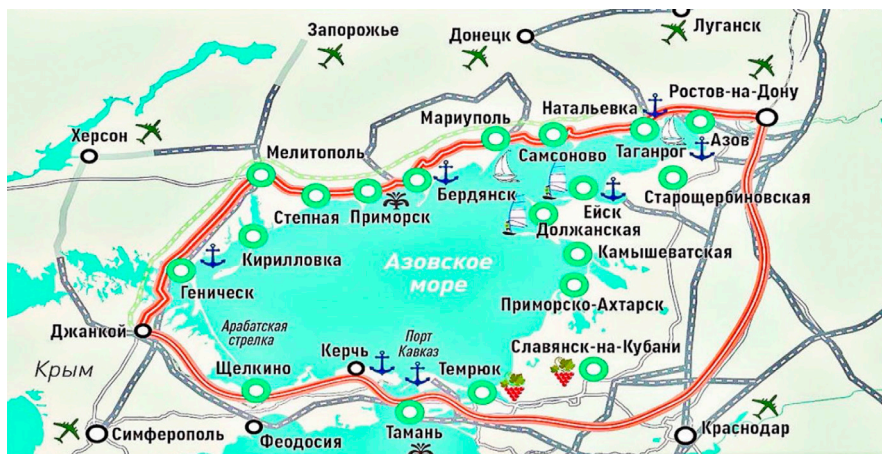
¹⁹ Концепция развития инфраструктуры яхтенного туризма на Азово-Черноморском побережье Краснодарского края : утверждена 24.06.2021.

²⁰ Dreizis Y., Potashova I. Yachting and coastal marine transport development in the Black Sea coast of Russia...

²¹ Селиванов В. В., Лукьянова Е. Ю. Яхтенный туризм и особенности экскурсионного сервиса...

область). Под Ейском и на Долгой косе (Краснодарский край) предполагается активно задействовать направление виндсёрфинга и т. д. Кроме того, планируется создание 20 курортных кластеров, включая новые территории. Участок в почти 280 км побережья Черного и Азовского морей, относящийся к Донецкой Народной Республике (ДНР) и Херсонской области, будет использован под пляжную инфраструктуру, в том числе под яхтенные марины. Для города Мариуполь готовится концепт-план по расширению сектора яхтенного туризма. Ожидается, что в ближайшее время побережье Азовского моря сможет принимать около 15–16 млн отдыхающих из России, Белоруссии и Казахстана.

Импульсом для развития экономики новых российских территорий послужит создание в Запорожской области федерального круглогодичного морского курорта «Приморск» на Обиточной косе Приморского района площадью 6 тыс. га, где будет возведен туристический комплекс с маринами для яхт, полями для гольфа, а также санаториями. Общий объем инвестиций в проект – 351 млрд руб. Ожидается появление более 20 тыс. рабочих мест; турпоток до 2 млн туристов в год; ввод в эксплуатацию в 2035 г. (рисунок)²².

Р и с у н о к. Планирование курортных кластеров Приазовья (данные Агентства АСИ)

Figure. Planning of resort clusters of the Azov Sea region (ASI data)

На Азово-Черноморском побережье одновременно реализуются несколько крупных инвестиционных проектов по строительству современных марин на тысячи мест. Так, в Геленджике продолжаются работы по возведению многофункционального комплекса «Геленджик Марина», проект которого привлек частных инвестиций больше 100 млрд руб. Объем инвестиций в другой крупный проект, «Новая Анапа», являющийся частью федеральной программы «Пять морей и озеро Байкал», составил больше 500 млрд руб. Предполагается, что его завершение позволит создать около 15 тыс. новых гостиничных номеров и дополнительно открыть около 22 тыс. рабочих мест²³.

²² На Азовском море построят 20 курортов для семей с детьми [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kuban.kp.ru/online/news/5856757/> (дата обращения: 29.08.2024).

²³ Storm crew : сайт [Электронный ресурс]. Available at: <https://stormcrew.ru/> (accessed 21.06.2024).

На основе анализа привлекательности Краснодарского края и новых российских приазовских регионов для активного развития яхтенного туризма выявлены перспективы в данной области, которые связаны со следующими конкурентными преимуществами названных регионов:

- благоприятное экономико-географическое положение, водные и сухопутные границы с другими территориями;

- наличие стимулирующих становление отрасли условий: климатических, морской акватории, развитой в Краснодарском крае курортной индустрии, намеченного Правительством РФ процесса модернизации местной яхтенной инфраструктуры;

- технические характеристики порта Бердянска в Запорожской области позволяют проектировать через него серьезные морские туристские маршруты до Керчи и дальше по южному берегу Кубани в сторону Абхазии; либо от побережья Крыма в сторону Турции. Глубина причала и фарватер достаточны для того, чтобы в порт заходили и выходили из него большие корабли, в том числе пассажирские туристические лайнеры;

- развитая транспортная сеть Краснодарского края, что дает возможность попасть в другие регионы; строительство автомагистралей и железных дорог на новых территориях, восстановление двух морских портов (Бердянск и Мариуполь);

- возможность совмещать яхтенный туризм с другими видами рекреации и отдыха;

- отсутствие конкуренции со стороны ближайших территорий внутри страны.

Таким образом, Краснодарский край, а также Донецкая, Херсонская и Запорожская области обладают значительным потенциалом для развития яхтенного туризма. Создание единой сети яхтенных марин в морской акватории Азово-Черноморского побережья с учетом новых территорий позволит собственникам яхт перебазировать их из зарубежных марин в отечественные, что будет содействовать повышению доходов населения названных регионов за счет функционирования надлежащей инфраструктуры и роста занятости.

Выявлено, что благоприятным внешним фактором развития рассматриваемой отрасли стали введенные санкционные ограничения, которые привели к перемещению яхт из зарубежных морских портов на постоянные места стоянки в марины Санкт-Петербурга и Сочи. Значительно сократилось количество россиян, выезжающих за рубеж с целью яхтенного туризма, а значит, увеличилось количество запросов на аренду маломерных судов в России. В связи с ощутимым притоком клиентов парусные клубы активизировались и расширили как географию, так и объемы деятельности. Специалисты отмечают, что спрос на покупку отечественных маломерных судов заметно вырос и большинство верфей загружены заказами на два-три года вперед²⁴.

В условиях повышения спроса проблемы функционирования отечественного яхтенного туризма приобрели особую актуальность. Согласно данным социологического опроса, морская навигация в нашей стране для действующих яхтсменов малопривлекательна: большинство (52 %) респондентов отметили устоявшуюся тенденцию ходить под парусом исключительно за рубежом, остальные (48 %) – как

²⁴ Storm crew : сайт [Электронный ресурс]...

за рубежом, так и в морской акватории России. Среди причин такого отношения чаще звучали отсутствие яхтенной инфраструктуры европейского уровня (96 %), ограниченное число туристских водных маршрутов (67 %) и высокие цены на услуги (67 %). Опрошенные отмечали, что чартер яхт в настоящее время для многих – непозволительная роскошь. В качестве целей использования яхт клиентами были указаны аренда со шкипером (67 %), короткие прогулки (65 %), рыбалка (49 %), регаты (43 %), аренда кают (41 %), бербоут-чартер (42 %).

Наиболее значимыми проблемами отечественного яхтенного туризма, по мнению участников опроса, являются конкуренция с другими видами туризма и иными более доступными хобби (79 %), материальные, например стоимость участия, экипировки (57 %), высокие цены на аренду (52 %) (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, наиболее острые проблемы, стоящие перед отечественным яхтенным туризмом?», %

Table 2. Distribution of answers to the question “What, in your opinion, are the most acute problems facing domestic yacht tourism?”, %

Вариант ответа / Answer option	Значение / Meaning
Конкуренция с другими видами туризма и иными хобби (более доступными) / Competition with other types of tourism and other hobbies (more affordable)	79
Стоимость участия, экипировки / Cost of participation, equipment	57
Высокие цены на аренду яхт / High prices for yacht rentals	52
Отсутствие доступности и привлекательности яхт для новичков / Lack of accessibility and attractiveness of yachts for beginners	49
Слабая популярность яхтенного туризма среди потенциальных потребителей / Weak popularity of yacht tourism among potential consumers	42
Другое / Other	16
Итого / Total	295

Примечание / Note. Сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов / Total exceeds 100 % due to multiple responses.

В числе приоритетных перспективных ориентиров становления яхтенного туризма на рассматриваемых территориях были названы его популяризация (95 %); зрелищность и эффективное освещение в средствах массовой информации (75 %); соответствие яхтенной инфраструктуры, включая сервис для яхтсменов, европейским стандартам (75 %); массовое привлечение детей и молодежи прибрежных территорий к яхтенному туризму и парусному спорту (65 %); поддержка через государственные и законодательные органы с целью создания комфортных условий для развития парусных школ (62 %); пропаганда яхт недорогого сегмента (58 %); продуктивная кадровая политика по привлечению квалифицированных сотрудников (38 %).

Также изучались важные для развития яхтенного туризма, по мнению опрошенных, коммуникационные каналы (табл. 3). Как наиболее значимые респонденты указали социальные сети, телевидение, мессенджеры; наименее популярными посчитали наружную рекламу, а также информацию, полученную от окружающих.

Т а б л и ц а 3. Распределение ответов на вопрос «Какие каналы коммуникации являются наиболее эффективными для продвижения яхтенного туризма?», %

Table 3. Distribution of answers to the question “Which communication channels are the most effective for yacht tourism promotion?”, %

Вариант ответа / Answer option	Значение / Meaning
Социальные сети / Social network	84
Телевидение / Television	73
Мессенджеры / Messengers	69
Тематические сайты / Thematic sites	59
Email-оповещение / Email notification	49
Наружная реклама / Outdoor advertising	44
Информация от окружения / Information from the environment	25
Итого / Total	403

Примечание / Note. Сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов / Total exceeds 100 % due to multiple responses.

Обобщение данных эмпирического исследования позволило выделить проблемы в области функционирования яхтенного туризма в Краснодарском крае и новых территориях в современных условиях.

Первая группа проблем касается правового регулирования отрасли в нашей стране в целом. Отечественные законодательные акты не содержат положений относительно регламентирования данного сектора туризма, в частности определяющих организационные аспекты навигационно-гидрографического обеспечения судоходства в морском пространстве России и др.

Вторую группу образуют материально-технические проблемы на местах, преимущественно связанные с низким уровнем яхтенной инфраструктуры. Так, инженерная яхтенная инфраструктура характеризуется моральным и физическим износом. Это касается электро- и водоснабжения, наличия заправочных станций, очистных и прочих сооружений, не соответствующих уровню современных объектов яхтенных марин.

Третья группа представлена проблемами экологического формата, обусловленными загрязнением морской воды и окружающей среды в целом в результате боевых действий. К ним следует отнести нарушение сложившегося экологического баланса, разрушение мест обитания и гибель растений и животных, загрязнение земной поверхности, воздуха и воды содержащимися в снарядах токсинами и тяжелыми металлами, что ведет к дефициту годной для употребления питьевой воды и мест, пригодных для проживания. Следствием боевых действий также является нарушение ландшафта, промышленной инфраструктуры и жилой застройки новых российских территорий.

Четвертая группа проблем связана со слабой информационной поддержкой развития яхтенного туризма, а также недостаточной работой по его популяризации и массовизации.

Кроме того, недостаточное развитие яхтенного туризма на новых территориях обусловлено напряженной ситуацией в связи с недавними боевыми действиями.

Главной базой парусного спорта этих регионов является яхт-клуб «Азовсталь», насчитывавший 86 единиц плавсредств, часть из которых разрушена. Несмотря на сложности, яхт-клуб продолжает работать и проводить мастер-классы по подготовке судов к спуску на воду и выходу в море. Подобные мероприятия ведутся в детско-юношеском спортивно-морском центре Бердянска (Запорожская область); парусные регаты – в Мариуполе («Кубок Нового Света 2024», «Приз открытия сезона 2024» и др.).

Эргономичное функционирование яхтенного туризма в южных регионах, как нам представляется, связано с решением обозначенных выше проблем. Предлагаются следующие меры.

1. Включение в законодательные акты ряда корректив, ориентированных на упрощение процедуры передвижения в российской морской акватории иностранных яхт. Обеспечение для малого и среднего бизнеса ясной законодательной базы и легальной возможности развиваться в этой области самостоятельно, что позволит в короткие сроки сделать сферу яхтенного туризма экономически эффективной.

2. Привлечение с целью развития рассматриваемого сектора туризма средств частных инвесторов и возможностей частных яхт-клубов.

3. Выделение субсидий на развитие туристской, в том числе яхтенной²⁵, инфраструктуры на новых российских территориях, что поможет привлечь больший поток туристов, создать дополнительные рабочие места и в целом стимулировать экономический рост данных регионов. При этом укрепление сектора яхтенного туризма будет способствовать повышению престижа и узнаваемости воссоединенных с Россией регионов, а также сохранению и продвижению их уникальных культурных и природных достопримечательностей.

4. Ориентация на реализацию комплексных программ сервисного обслуживания яхтенных туристов, включая создание системы топливных заправочных станций, портоубежищ, предприятий туристского сектора, что позволит активизировать интерес населения через формирование популярного конкурентного сервисного продукта.

5. Популяризация данного вида рекреации среди местного населения (в том числе через организацию соответствующего направления допрофессиональной подготовки), что повысит его доступность и массовость.

Обсуждение и заключение. Яхтенный туризм в настоящее время понимается как феномен в мире морской и парусной культуры, объединяющий не только вид спорта и активного отдыха, но и яхтенную индустрию, инфраструктуру яхтенных марин, собственно туристскую деятельность.

На основе изучения статистических данных, нормативных и программных документов, а также результатов проведенного социологического опроса определены проблемы и перспективные сценарии развития яхтенного туризма в Краснодарском крае и новых российских территориях. Выявлено, что прогрессивное развитие названного сектора туризма здесь осложняется в связи с несоответствием имеющейся инфраструктуры современным международным стандартам, а также

²⁵ Yao Y., Li Z., Zhou X., Parmak M. Yachting Tourism Consumption Potential and Its Influencing Factors: Considering 12 Coastal Cities in China as Examples // Sustainability. 2023. Vol. 15. Pp. 12490. <https://doi.org/10.3390/su151612490>

недостаточностью инвестиций в ее совершенствование; основные перспективы развития связаны с модернизацией инфраструктуры, привлечением средств инвесторов и популяризацией данного вида туризма среди населения.

Очевидно, что реализация крупных проектов по строительству яхтенной инфраструктуры будет удовлетворять спрос на аренду яхт и покупку чартеров. Подобная модернизация систем жизнеобеспечения яхтенного туризма в Мариуполе и Бердянске будет способствовать его устойчивому развитию на новых территориях.

Модернизация яхтенной инфраструктуры – важный шаг на пути становления туристической отрасли не только Краснодарского края и новых, воссоединившихся с Россией, регионов, но всей страны в целом. Это позволит соответствовать темпам роста интереса к яхтенному туризму, содействовать развитию актуальных туристских направлений, привлечь больше посетителей, что, в свою очередь, создаст возможности для роста экономики и повышения жизненного уровня местного населения.

Полученные результаты и сформулированные выводы могут быть полезны органам региональной власти при принятии решений по развитию и продвижению брендинга территорий, новых туристических кластеров и инвестиционных программ. Постановка проблем и обсуждение перспектив развития яхтенного туризма способствуют проведению новых комплексных научных исследований, призванных адаптировать накопленный мировым сообществом опыт к реалиям Краснодарского края и новых российских регионов.

Ограничения настоящей работы обусловлены ее географическими и временными параметрами. Представленные выводы распространяются исключительно на прибрежные территории Азовского и Черного морей. Эмпирические данные были собраны в первой половине 2024 года, что не позволяет учесть динамические изменения социально-экономической ситуации, которые могли возникнуть в течение оставшейся части года.

Перспективы дальнейших исследований определяются необходимостью изучения вопросов популяризации яхтенного туризма среди различных сегментов населения, разработки эффективных стратегий его продвижения с использованием современных инструментов маркетинга, а также подготовки рекомендаций в области правового регулирования данной сферы деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Poddubnaya T.N., Minchenco V.G., Zadneprovskaya E.L., Voevodina S.S., Iljinova N.A., Abregova N.V. Marketing Research into Youth Tourist Preferences. *Revista GEINTEC*. 2021;11(4):683–697. <https://www.elibrary.ru/cjmwee>
2. Гришин Н.А. Марины (порты для яхт). *Academia. Архитектура и строительство*. 2022;(3):88–96. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2022-3-88-96>
Grishin N.A. Marinas (Ports for Yachts). *Academia. Architecture and Construction*. 2022;(3):88–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2022-3-88-96>
3. Кучумов А.В., Печерица Е.В., Гладская И.Г. Перспективы развития яхтенного туризма в Санкт-Петербурге. *Вестник Национальной академии туризма*. 2020;3(55):61–62. <https://www.elibrary.ru/lgauyr>
Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V., Gladskaya I.G. Prospects for Yacht Tourism Development in Saint Petersburg. *Vestnik Natsionalnoi akademii turizma*. 2020;3(55):61–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/lgauyr>

4. Lazarus E.D., Ziros L.A. Yachts and Marinas As Hotspots of Coastal Risk. *Anthropocene Coasts*. 2021;(4):61–76. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1139/anc-2020-0012> (accessed 21.03.2025).
5. Hojnik J., Biloslavo R., Cicero L., Cagnina M.R. Sustainability Indicators for the Yachting Industry: Empirical Conceptualization. *Journal of Cleaner Production*. 2020;(249):1–12. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119368>
6. Chudnovckiy A.D., Zhukova M.A. Formation of Consumer Preferences in the Business Travel Industry. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013;16(12):1735–1740. Available at: [http://www.idosi.org/mejsr/mejsr16\(12\)13.htm](http://www.idosi.org/mejsr/mejsr16(12)13.htm) (accessed 21.06.2024).
7. Cuculeski N., Mircevska T.P., Petrovska I. Sustainable Marketing and Consumers' Preferences in Tourism. *Journal of Tourism and Hospitality*. 2016;5(1). Available at: <https://clck.ru/3JkDHC> (accessed 21.06.2024).
8. Ioannidis S.A.K. An Overview of Yachting Tourism and its Role in the Development of Coastal Areas of Croatia. *Journal of Hospitality and Tourism Issues*. 2019;1(1):30–43. Available at: <https://clck.ru/3JkUpu> (accessed 21.06.2024).
9. Bakulev S.E., Ashkinazi S.M., Kulikov V.S., Ryabchikov V.A., Tajmazov V.V. Data Analysis Systems for Sailing Sports Reserve Training Service. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2021;(1):36–37. Available at: <http://tpfk.ru/index.php/TPPC/issue/view/23/22> (accessed 21.06.2024).
10. Абрамчук А.Б. Совершенствование технической подготовленности яхтсменов-гонщиков в классе «Кадет». *Теория и практика физической культуры*. 2016;(6):20. <https://www.elibrary.ru/zykdwc>
Abramchuk A.B. [Improving the Technical Preparedness of Yachtsmen-Racers in the Cadet Class]. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2016;(6):20. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/zykdwc>
11. Пискун Е.И., Шабалина Е.И. Устойчивое развитие яхтенного туризма в Российской Федерации. *Вестник Керченского государственного морского технологического университета*. 2024;(4):162–170. <https://www.elibrary.ru/oppzlf>
Piskun E.I., Shabalina N.V. Sustainable Development of Yacht Tourism in the Russian Federation. *Vestnik Kerchenskogo gosudarstvennogo morskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2024;(4):162–170. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/oppzlf>
12. Турлучев А.П., Филобок А.А. Особенности информационного обеспечения яхтенного туризма и пространственного расположения марин на Черноморском побережье. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология*. 2021;7(2):209–218. <https://www.elibrary.ru/khlrva>
Turluchev A.P., Filobok A.A. Features of Information Supply of Yacht Tourism and Spatial Location of Marinas on the Black Sea Coast. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*. 2021;7(2):209–218. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/khlrva>
13. Поддубная Т.Н., Заднепровская Е.Л. Яхтенный туризм на Азово-Черноморском побережье России как фактор туристской привлекательности региона. *Регионоведение*. 2022;30(2):324–341. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.324-341>
Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L. Yacht Tourism on the Azov-Black Sea Coast of Russia as a Factor of Tourist Attractiveness of the Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):324–341. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.324-341>
14. Поддубная Т.Н., Заднепровская Е.Л., Кумпилова А.Р., Сидарков Д.С. Перспективы развития яхтинга как фактора привлекательности региона. *Теория и практика физической культуры*. 2022;(5):43–45. URL: <http://www.teoriya.ru/ru/node/15513> (дата обращения: 21.06.2024)
Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L., Kumpilova A.R., Sidarkov D.S. Prospects for the Development of Yachting as a Factor of Attractiveness of the Region. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2022;(5):43–45. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.teoriya.ru/ru/node/15513> (accessed 06/21/2024)
15. Zadneprovskaya E.L. et al. Development of Youth Tourism Based on Public-Private Partnership on the Example of the Krasnodar Territory. *International Journal of Disaster Recovery and Business*

- Continuity*. 2020;11(1):1390. Available at: <http://sersc.org/journals/index.php/IJDRBC/article/view/17928> (accessed 21.06.2024)
16. Поддубная Т.Н., Заднепровская Е.Л., Джум Т.А. Тенденции развития круизного туризма в Краснодарском крае. *Бизнес. Образование. Право*. 2020;4(53):58–63. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.53.466>
 Poddubnaya T. N., Zadneprovskaya E. L., Dzhum T. A. Trends of Development of the Cruise Tourism in the Krasnodar Region. *Business. Education. Law*. 2020;4(53):58–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.53.466>
 17. Панина Е.А., Хатит Ф.Р., Кахуужева З.К., Симбулетова Р.К. Современные возможности развития яхтинга в контексте модернизации яхтенной инфраструктуры. *Теория и практика физической культуры*. 2023;(5):72–74. <https://www.elibrary.ru/dlmujn>
 Panina E.A., Khatit F.R., Kahuzheva Z.K., Simbuletova R.K. Modern Opportunities for the Development of Yachting in the Context of the Modernization of Yacht Infrastructure. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2023;(5):72–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/dlmujn>
 18. Волостных В.В., Александров В.Л. Государственное управление в сфере туризма и яхтинга. *Управленческое консультирование*. 2017;(6):111–120. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-6-111-120>
 Volostnykh V.V., Alexandrov V.L. Public Administration in the Sphere of Tourism and Yachting. *Administrative Consulting*. 2017;(6):111–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-6-111-120>
 19. Derkacheva L.N., Kosolapov A.B., Galenko E.V., Makartseva E.V. Marine Tourism in the South East of Russia: the State and Development Tendencies. *International Review of Management and Marketing*. 2016;6(4):673–676. Available at: <https://clck.ru/3JkKXo> (accessed 21.06.2024).
 20. Савоськин Д.О., Минченко В.Г. Власти Кубани поддержали предложение Крыма по развитию яхтенного туризма. *Вестник спортивной истории*. 2019;3(18):69–74. <https://www.elibrary.ru/yovidz>
 Savoskin D.O., Minchenko V.G. Kuban Authorities Supported Crimea Proposal on the Development of Yacht Tourism. *Herald of Sports History*. 2019;3(18):69–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/yovidz>

Об авторах:

Овчаренко Людмила Александровна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры туризма Донецкой академии управления и государственной службы (283015, Российская Федерация, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163-а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1289-2785>, Researcher ID: NIU-3657-2025, SPIN-код: 7785-1107, tafonidhidas2012@yandex.ru

Панина Елена Александровна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник управления научной деятельностью Майкопского государственного технологического университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4998-5333>, Researcher ID: ABB-8420-2021, Scopus ID: 57815714400, SPIN-код: 2433-7660, len_le@mail.ru

Франченко Евгений Сергеевич, кандидат технических наук, доцент кафедры общественного питания и сервиса Кубанского государственного технологического университета (350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4400-6394>, Researcher ID: NIS-9283-2025, SPIN-код: 6463-5661, zamdekfood2013@yandex.ru

Вклад авторов:

Л. А. Овчаренко – разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений.

Е. А. Панина – формулирование целей и задач исследования; критический анализ черновика рукописи; осуществление научно-исследовательского процесса; внесение замечаний и исправлений.

Е. С. Франченко – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 25.09.2024; одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 04.11.2024.

About the authors:

Liudmila A. Ovcharenko, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Tourism, Donetsk Academy of Management and Public Service (163 Chelyuskintsev St., Donetsk 283015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1289-2785>, Researcher ID: NIU-3657-2025, SPIN-code: 7785-1107, tafonidhidas2012@yandex.ru

Elena A. Panina, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Senior Researcher of the Scientific Activity Management, Maykop State Technological University (191 Pervomaiskaya St., Maykop 385007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4998-5333>, Researcher ID: ABB-8420-2021, Scopus ID: 57815714400, SPIN-code: 2433-7660, len_le@mail.ru

Evgeniy S. Franchenko, Cand.Sci. (Engin.), Associate Professor of the Chair of Public Catering and Service, Kuban State Technological University (2 Moskovskaya St., Krasnodar 350072, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4400-6394>, Researcher ID: NIS-9283-2025, SPIN-code: 6463-5661, zamdekfood2013@yandex.ru

Contribution of the authors:

L. A. Ovcharenko – developing research methodology; collecting data; analyzing results.

E. A. Panina – scientific problem formulation; data processing and analysis; critical analysis and revision of the text.

E. S. Franchenko – formulation of conclusions; literature review on the research topic.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 25.09.2024; revised 28.10.2024; accepted 04.11.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.239-256>

EDN: <https://elibrary.ru/qmkcm>

УДК / UDC 325.1:323(470.26)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Миграция предпринимателей из регионов России в Калининградскую область: возможности и ограничения использования их потенциала

К. Ю. Волошенко¹

А. В. Лялина¹✉

О. П. Иванова²

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(г. Калининград, Российская Федерация)

² Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Российская Федерация)

✉ anuta-mazova@mail.ru

Аннотация

Введение. Калининградская область остается миграционно привлекательным регионом России, несмотря на усиление после 2022 г. рисков и угроз. Для российского эксклава, где сформировалась активная предпринимательская среда, значительный научный интерес представляет изучение мигрантов-предпринимателей, открывающих новый или релоцирующих существующий бизнес. Цель настоящей работы состоит в исследовании миграции предпринимателей в Калининградскую область с точки зрения расширения использования их потенциала, что имеет высокую практическую значимость для роста вовлеченности внутренних мигрантов в экономику региона.

Материалы и методы. Работа основана на результатах социологических исследований, проведенных в 2022 и 2024 гг. в Калининградской области. В рамках репрезентативного опроса населения (1005 чел.) отобраны и изучены миграционные настроения предпринимателей (89 чел.). Выборка репрезентирует жителей региона по полу и возрасту, типу населенного пункта (городской/сельский). С использованием метода глубинных интервью выявлены стратегии миграции предпринимателей (13 чел.) в область из других регионов России. Пул информантов формировался методом снежного кома; отбор осуществлялся по сферам, наиболее привлекательным для внутренних мигрантов-предпринимателей.

Результаты исследования. Определены миграционные настроения, а также факторы притяжения и выталкивания; оценены возможности и ограничения реализации потенциала мигрантов-предпринимателей. Доказано, что совокупность выталкивающих и притягивающих факторов зависит от индивидуальных и средовых характеристик, миграционного и предпринимательского опыта, финансовых возможностей. Установлено, что для опрошенных предпринимателей, самозанятых и руководителей организаций региона характерна высокая миграционная подвижность, при этом

© Волошенко К. Ю., Лялина А. В., Иванова О. П., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

настрой на смену места жительства представлен слабо. Выделены и обоснованы ключевые стратегии миграции предпринимателей: 1) выбор наилучших условий для бизнеса, 2) улучшение условий проживания, 3) творческий порыв. Разработаны рекомендации по росту вовлеченности внутренних мигрантов в экономику региона для наиболее полной реализации их предпринимательского потенциала. **Обсуждение и заключение.** В соответствии с выделенными стратегиями миграции предложены и обсуждаются требуемые меры и механизмы поддержки бизнеса, которые могут способствовать более активному использованию потенциала предпринимателей и снятию ограничений в расширении их проектов. Результаты работы могут быть полезны при подготовке направлений реализации региональной политики по привлечению внутренних мигрантов в Калининградскую область, что имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением склонности внутренних мигрантов к предпринимательству в сравнении с местным населением.

Ключевые слова: факторы миграции, стратегии миграции, Калининградская область, мигранты-предприниматели, миграционные настроения

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-77-01102 «Миграционные факторы и риски в развитии трудового потенциала эксклавного региона в эпоху геополитической турбулентности», <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Волошенко К.Ю., Лялина А.В., Иванова О.П. Миграция предпринимателей из регионов России в Калининградскую область: возможности и ограничения использования их потенциала. *Регионоведение*. 2025;33(2):239–256. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.239-256>

Entrepreneurial Migration in the Kaliningrad Region: Exploring Potential and Constraining Factors

K. Yu. Voloshenko¹, A. V. Lialina¹✉, O. P. Ivanova²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)

² Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russian Federation)

✉ anuta-mazova@mail.ru

Abstract

Introduction. The Kaliningrad Region remains an attractive region for migrants in Russia, despite the increase in risks and threats after 2022. For the Russian exclave, where an active entrepreneurial environment has been formed, the study of migrant entrepreneurs starting new or relocating existing businesses is of considerable scientific interest. The aim of this paper is to study the migration of entrepreneurs to the Kaliningrad Region from the point of view of expanding the use of their potential, which is of high practical significance for increasing the involvement of internal migrants in the region's economy.

Materials and Methods. The study is based on the results of a representative survey of the population of the Kaliningrad Region (2024) and in-depth interviews with migrant entrepreneurs from other regions of Russia (2022). Migration aspirations of entrepreneurs, factors of attraction and repulsion of migrant entrepreneurs, as well as opportunities and limitations in realizing the potential of migrant entrepreneurs are revealed. The correspondence between the identified factors, individual and environmental characteristics of migrant entrepreneurs was established in order to determine the migration strategies of entrepreneurs.

Results. Migration attitudes, as well as pull and push factors, have been determined; opportunities and limitations for the realization of migrant entrepreneurs' potential have been assessed. It is proved that the totality of push and pull factors depends on individual and environmental characteristics, migration and entrepreneurial experience, and financial opportunities. It is found that the surveyed entrepreneurs, self-employed and heads of organizations in the region are characterized by high migration mobility, while the mood to change the place of residence is poorly represented. The key migration strategies of entrepreneurs were identified and substantiated: 1) choosing the best conditions for business, 2) improving living conditions, 3) creative impulse. Recommendations have been developed to increase the involvement of internal migrants in the region's economy with the purpose of the realization of their entrepreneurial potential.

Discussion and Conclusion. A number of proposed measures and mechanisms of business support were outlined and discussed. Their goal is to promote the active use of the potential of migrant entrepreneurs. It is proved that increasing the level of business development, including at the expense of migrants, allows to strengthen the position of economic security of the Russian exclave.

Keywords: migration factors, migration strategies, Kaliningrad Region, migrant entrepreneurs, migration attitudes

Funding. The research was funded by the Russian Science Foundation Grant (no. 23-77-01102 “Migration Factors and Risks in the Development of Labor Potential of the Exclave Region in the Era of Geopolitical Turbulence”, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>).

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Voloshenko K.Yu., Lialina A.V., Ivanova O.P. Entrepreneurial Migration in the Kaliningrad Region: Exploring Potential and Constraining Factors. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):239-256. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.239-256>

Введение. Калининградская область – традиционно высокопривлекательный для мигрантов регион России. Несмотря на эксклавное положение и изменение экономических условий после 2022 г., а именно низкую и снижающуюся в 2023 г. отраслевую шокоустойчивость [1; 2], данная территория продолжает представлять интерес для предпринимателей из числа мигрантов по ряду причин.

Во-первых, доля малого и среднего предпринимательства (МСП) здесь превышает 44 % (8-е место среди субъектов РФ)¹. В совокупности занятые в МСП формируют до 34,4 % валового регионального продукта, 14,4 % налоговых поступлений в бюджет области².

Во-вторых, сохраняется потенциал развития отдельных отраслей с высокой долей МСП, таких как туризм и рекреация, ИТ-сфера, общественное питание, платные услуги, что выступает притягивающим фактором для мигрантов-предпринимателей. Эти сферы представляют наибольший интерес для переселенцев, поскольку они относительно просты для входа и сегодня демонстрируют опережающий рост, особенно на фоне увеличения туристического потока [3; 4]. Заметим, что совокупный ежегодный туристический поток превышает численность населения данной территории в 2 раза; в рейтинге туристической привлекательности регионов России Калининградская область в 2024 г.³ заняла 19-е место, а в Национальном инвестиционном рейтинге 2024 г.⁴ по показателям оценки инвестиционного климата делит 14-ю позицию с другими субъектами РФ.

В-третьих, среди внутренних мигрантов высока доля лиц с высшим образованием: 41 % прибывших из других регионов РФ в 2022 г. при 30 % в структуре местных

¹ Рейтинг регионов по занятости в малом и среднем бизнесе России – 2023 [Электронный ресурс] / РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230912/630248863.html> (дата обращения: 11.11.2024).

² О параметрах прогноза социально-экономического развития Калининградской области на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов: доклад министра экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области [Электронный ресурс] // Материалы к заседанию Правительства Калининградской области. 29 октября 2024 года. URL: <https://gov39.ru/upload/iblock/4bb/xnrg8e9qqj71xsqhk6fqjml529hyk7o2/Materialy-ZPKO-29.10.24.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Опубликован рейтинг туристической привлекательности регионов РФ за 2024 год [Электронный ресурс] / Интерфакс-Россия. URL: <https://clck.ru/3LxqUj> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ Национальный инвестиционный рейтинг [Электронный ресурс] / Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 12.12.2024).

жителей, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.⁵ Это указывает на миграцию в регион лиц, имеющих высокий профессиональный уровень, что в условиях сформированной предпринимательской среды позволит задействовать их трудовой потенциал в развитии собственного бизнеса.

В-четвертых, учитывая представления [5] о тесной прямой связи между готовностью к миграционным рискам и рискам предпринимательства, Калининградская область ввиду своей отделенности и удаленности от «материнского» государства может быть ассоциирована с дополнительными рисками. В соответствии с этим можно ожидать, что граждане, решившиеся на переезд в эксклав, склонны к предпринимательству. Этому также могут способствовать их более высокие доходы (взаимосвязь описана в [5]), что объясняется географией территорий – доноров мигрантов в рассматриваемый регион. Сегодня это преимущественно регионы Севера, Сибири, Дальнего Востока России, для жителей которых установлены надбавки к окладу (в отдельных местностях согласно законодательству РФ), так называемые северные.

Цель настоящего исследования состоит в изучении особенностей миграции предпринимателей и потенциала роста предпринимательской активности среди переселенцев в Калининградскую область. Результаты работы представляют интерес с практической точки зрения в части расширения использования потенциала мигрантов на уровне отдельных регионов, а именно эксклавной Калининградской области; в теоретическом разрезе – в рамках анализа степени развития предпринимательства среди внутренних мигрантов, выявления их роли и значения для некоторых экономических сфер территории вселения.

Выводы исследования дополняют представления о миграции предпринимателей в части выделения ключевых стратегий внутренних переселенцев-предпринимателей в названной местности, а также факторов, способных вытолкнуть предпринимателей из данного региона.

Обзор литературы. Миграции предпринимателей посвящен ряд зарубежных⁶, например [6], и российских материалов⁷, в частности [7]. В поле внимания авторов попадают вопросы как релокации, так и открытия переселенцами нового бизнеса в месте вселения. Объектом анализа главным образом является международная миграция, нередко в контексте этнического предпринимательства и этнической экономики, что справедливо критикует В. М. Пешкова [7; 8]. Хотя предметом настоящего исследования выступает внутренняя миграция предпринимателей, которая имеет существенные отличия от международной, считаем правильным обратиться к некоторым работам, рассматривающим именно международный аспект тематики, поскольку их результаты имеют прикладную значимость для целей данной статьи.

Отмечается, что мигранты более склонны и готовы к предпринимательству по сравнению с людьми, которые не имеют миграционного опыта, по причине схожести рисков, возникающих при принятии решения о переезде и при открытии

⁵ Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.11.2024).

⁶ Handbook of Research on Ethnic Minority Entrepreneurship / Dana L.-P. (ed.). Cheltenham : Edward Elgar, 2007. <https://doi.org/10.4337/9781847209962>

⁷ Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске) : монография. М. : Наталис, 2000. 190 с.

своего дела [9; 10]. При этом на предпринимательскую активность в месте вселения положительно влияет уровень развития предпринимательства и соответствующей культуры на прежнем месте проживания [5; 11].

Отдельные стратегии международной миграции предпринимателей могут быть актуальны и для внутристрановой мобильности. Так, открытие бизнеса как ответная реакция на сложности с трудовой адаптацией и социальной маневренностью по сути служит средством выживания⁸ [12–14]. Чем больше дистанция (культурная, этническая, языковая) между мигрантом и принимающим сообществом, тем выше риски трудовой адаптации и ориентация мигранта на самозанятость [15]. Стратегия выбора наилучших условий для ведения бизнеса определяется доступом к кредитам и потенциалом его развития в конкретных сферах⁹ [12]. Стратегия реализации культурного (этнического) потенциала подразумевает, что некоторые культуры предрасполагают носителей к успешному достижению предпринимательских целей.

Выделяемые стратегии, как правило, опираются на возможности ведения бизнеса в конкретном регионе и потребности населения, этнические ресурсы, персональные характеристики мигранта и его предпринимательский опыт [9; 16–18].

Миграция предпринимателей, будучи частью квалифицированной миграции, оказывает влияние на экономическое и инновационное развитие региона вселения. При этом позитивный эффект проявляется в отсутствии на рынке труда прямой конкуренции с работниками из числа местного населения [10] и повышении благосостояния самих мигрантов¹⁰ [19].

Внутренняя мобильность предпринимателей довольно редко становится объектом отдельных исследований, хотя мигранты данной категории, как и трансграничные, более склонны к предпринимательству, чем коренное население [5]. Причина подобной склонности связана с селективной функцией миграции [5; 19]. Отметим, что среди внутренних мигрантов растет заинтересованность в предпринимательстве¹¹.

Факторы, определяющие предпринимательскую активность внутренних мигрантов, могут быть сгруппированы как внутренние и внешние [19; 20–25]. К первым относятся социальные связи, а также индивидуальные качества человека, например умение управлять бизнесом, опыт предпринимательства, трудолюбие, уровень грамотности и образования, готовность к рискам. Внешние факторы характеризуются качеством среды вселения, включая государственную поддержку и регулирование предпринимательской деятельности, отраслевую структуру и степень технологического развития экономики, рыночные риски, неформальные нормы, ценности и обычаи. Также сюда можно отнести освоенную степень предпринимательской культуры в регионе исхода.

⁸ Jenkins S. P. *Winners and losers: A portrait of the U.K. income distribution in the 1980s* / Discussion paper series ; University College of Swansea. 1994. Available at: <https://clck.ru/3LxyUS> (accessed 21.02.2024) ; Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 73–86.

⁹ Амирханян А. Г., Бородкина О. И. Социальная интеграция мигрантов на Дальнем Востоке // Романенко В. В., Мубаракшина Д. И., Якимов А. Н. и др. *Международная миграция в России: профилактика социальных рисков : коллективная монография*. СПб. : Скифия-принт, 2018. С. 170–190

¹⁰ Baycan Levent T., Masurel E., Nijkamp P. Diversity in entrepreneurship: ethnic and female roles in urban economic life // *International Journal of Social Economics*. 2003. Vol. 30, no. 11. Pp. 1131–1161. <https://doi.org/10.1108/03068290310497495>

¹¹ He S., Wang K. China's New Generation Migrant Workers' Urban Experience and Well-Being // *Mobility, Sociability and Well-being of Urban Living*. 2015. https://doi.org/10.1007/978-3-662-48184-4_4

Выявлены такие мотивы предпринимательства межрегиональных мигрантов, как желание заработать и развить человеческий капитал посредством неформального обучения в городе [19]. Значение имеет и дальность миграции: например, уровень самозанятости внутренних мигрантов в США (переехавших в удаленный штат) максимальный (на 43 % выше) относительно аналогичного параметра для коренного населения; напротив, разница менее значима в случае переселения в пределах одного штата или соседних [5].

Таким образом, на сегодня в изучении внутренней миграции предпринимателей накоплено множество пробелов, и прежде всего в контексте изучения особенностей, стратегий и факторов их внутренней миграции в региональном аспекте, что определяет необходимость проведения исследования.

Материалы и методы. Исследование основано на материалах, полученных с использованием социологических методов: глубинных интервью внутренних мигрантов-предпринимателей (13 чел.) и опроса предпринимателей (89 чел.) в рамках репрезентативного анкетирования населения Калининградской области (1005 чел.). Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

С применением социологических методов в логике настоящего исследования решались взаимосвязанные задачи, в совокупности описывающие входящую и исходящую миграцию предпринимателей в Калининградской области.

Первая задача состояла в изучении проблем и перспектив предпринимательской деятельности переселенцев из других регионов России в Калининградскую область. Были проведены 13 глубинных интервью субъектов МСП летом 2022 г. Качественный метод исследования применялся к внутренним мигрантам-предпринимателям, представляющим собой, по сути, закрытую группу, входение в которую затрудняется в связи с рядом ограничений. Не обеспечивая репрезентативности выборки, такой метод, однако, дал возможность собрать необходимую качественную информацию, достаточную для решения поставленной задачи.

Результаты интервью позволили комплексно изучить мотивацию внутренних мигрантов-предпринимателей и причины, побудившие их к релокации существующего или открытию нового бизнеса на названной территории. Пул информантов формировался методом снежного кома. Точкой входа послужили представители регионального профессионального сообщества в сфере креативных индустрий («Креспектива») и сообществ переселенцев в Калининградскую область из других регионов РФ в социальных сетях. Ключевым критерием отбора участников выступил вид их экономической деятельности. Акцент был сделан на отборе респондентов, обеспечивающих разнообразную и значимую информацию по важным вопросам исследования¹².

План-путеводитель глубинного интервью составлялся с опорой на ранние исследования [5; 11; 24; 25] и включал в себя 10 содержательных и 7 персональных вопросов. Наиболее важными в нем являлись вопросы о мотивах и причинах переезда, а также выбора названной территории, об отношении к мерам поддержки бизнеса и предпринимательской среды здесь. Кроме того, выяснялись

¹² Ядов В. А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 1991. № 1. С. 14—31.

институциональные условия предпринимательства в регионах исхода и вселения; уровень образования и предпринимательский опыт людей. Для изучения влияния эксклавности на мотивацию переселения предлагалось поразмышлять о рисках релокации и открытия бизнеса в Калининградской области. Ряд вопросов был посвящен изменениям в профессиональном плане, произошедшим после переезда, и именно они вызвали наибольшую сложность, поскольку многие респонденты сменили сферу бизнеса или впервые открыли свое дело на новом месте жительства. Напротив, достаточно подробно информанты обсуждали сложности предпринимательства и его потенциальные направления, сравнивали опыт, полученный ранее (если он имелся), и в Калининградской области.

Группу опрашиваемых образовали шесть мужчин и семь женщин в возрасте 25–49 лет, проживающих в регионе не больше 10 лет. Практически все они имеют высшее образование и бизнес в сферах экономики, характеризующихся наиболее высоким потенциалом для вхождения мигрантов¹³. Среди регионов исхода оказались Санкт-Петербург, Москва, города Сибири (Томск, Омск, Кемерово) и Приволжья (Пермь). Большинство информантов открыли в Калининградской области новый бизнес, и только четверо его релоцировали.

Вторая задача предполагала изучение калининградских предпринимателей¹⁴ и факторов, выталкивающих их из региона (актуальных на февраль-март 2024 г.). Для этого использовались результаты репрезентативного опроса жителей Калининградской области в возрасте 18–50 лет, проведенного количественным методом как наиболее эффективным для анализа распространенности миграционных настроений. Были опрошены 1005 человек методом «face-to-face» по выборке, репрезентирующей респондентов по полу и возрасту, типу населенного пункта (городской/сельский) с помощью стандартизированного инструментария (анкеты). В выборку попали 73 предпринимателя и 16 руководителей организаций, преимущественно мужчины (50 чел.), в возрасте 31–44 лет (56 чел.) с высшим образованием (46 чел.), проживавшие в областном центре (53 чел.). Основная сфера занятости большинства из них – торговля и сфера услуг (36 чел.), а также строительство и ИТ (7 чел.).

На основе описанного информантами миграционного опыта ближайшего окружения были также собраны характеристики предпринимателей, покинувших Калининградскую область после 2022 г.

Систематизация и структурирование эмпирического материала проводились в соответствии с имеющимися теоретическими представлениями о миграции предпринимателей в программной среде Microsoft Excel. На этом основании выявлялось пересечение обнаруженных факторов с индивидуальными и средовыми характеристиками, сопутствующими миграции предпринимателей и положенными в основу эмпирических стратегий.

¹³ К таковым отнесены виды экономической деятельности, не требующие высокой квалификации (например, торговля, платные услуги населению), а также с высоким потенциалом роста в регионе (туризм и рекреация, в том числе гостиницы и рестораны, производство готовых изделий, таких как одежда, сумки, игрушки и др., ИТ и креативные индустрии).

¹⁴ Здесь и далее при описании результатов репрезентативного опроса населения под предпринимателями понимается совокупность собственно предпринимателей (согласно ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ), самозанятых и руководителей компаний.

Результаты исследования. Миграционные настроения и факторы выталкивания. Согласно результатам репрезентативного опроса населения, предприниматели в Калининградской области почти в 1,5 раза чаще, чем другие категории жителей, имели миграционный опыт – 47 из 89 чел. (табл. 1). Гораздо представительнее среди них и группа новоселов, проживающих в регионе менее 10 лет, и часть респондентов с многократным миграционным опытом (2 и более раз). Это определяет их высокую миграционную подвижность. В географии территорий исхода предпринимателей с миграционным опытом незначительно преобладают регионы России (у 26 из 47 чел.), остальные до переезда проживали за рубежом.

Таблица 1. Распределение респондентов по миграционному опыту, чел.¹⁵

Table 1. Distribution of respondents by migration experience, per.

Варианты ответов / Answer options	Категория опрошенных / Category of respondents	
	а) предприниматели, руководители организаций, самозанятые / a) entrepreneurs, heads of organizations, self-employed	б) вся выборка / b) whole sample
Родился и всегда жил здесь / Was born and always lived here	42	637
Переехал в советский период / Moved in the Soviet period	3	28
Переехал в 1990-е гг. / Moved in the 1990s	11	55
Переехал в 2000–2014 гг. / Moved in 2000–2014	10	129
Переехал в 2015–2021 гг. / Moved in 2015–2021	16	115
Переехал в 2022–2024 гг. / Moved in 2022–2024	7	41

Примечание / Note. Заливкой выделена группа новоселов / The group of new settlers is highlighted in the fill.

Среди в целом небольшого количества ответов о причинах переезда в Калининградскую область респондентами чаще всего назывались более благоприятные условия для жизни (морской теплый климат, чистый и влажный воздух, облик территории), что подтверждает результаты ранее проведенных исследований о мотивации миграции в рассматриваемый регион [26].

Миграционные настроения у опрошенных предпринимателей распространены слабо: лишь 14 из 89 чел. высказали желание сменить место жительства, при этом предпочтение отдавая отъезду из региона (табл. 2). Это выделяет предпринимателей среди иных профессиональных групп местного населения, для которых интерес к переезду более характерен, что может свидетельствовать о достаточно высоком уровне закрепления первых в регионе. В то же время рассуждения об эмиграции несколько чаще встречаются именно у предпринимателей. Наиболее привлекательными для них выглядят столица России, Краснодар и Калуга, а также развитые страны запада (Польша, Германия, Канада и США).

¹⁵ Таблицы 1, 2 составлены авторами по материалам репрезентативного опроса населения Калининградской области, проведенного в рамках исследования.

Таблица 2. Миграционные настроения респондентов, %

Table 2. Migration attitudes of the respondents, %

Варианты ответов / Answer options	Категория опрошенных / Category of respondents	
	а) предприниматели, руководители организаций, самозанятые / a) entrepreneurs, heads of organizations, self-employed	б) вся выборка / b) whole sample
Нет, не хотел бы куда-нибудь переезжать / No, I would not like to move anywhere	69	762
Хотел бы переехать в другой населенный пункт нашей области / I would like to move to another locality in my region	5	74
Хотел бы переехать в другой регион России / I would like to move to another region of Russia	5	120
Хотел бы переехать за границу, в другие страны / I would like to move abroad, to other countries	4	24
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	6	25

Желание покинуть Калининградскую область обосновывалось главным образом возможностью реализовать свой трудовой потенциал в другом месте, ухудшающимися экономическими условиями проживания в регионе, издержками географического положения и обострением геополитической обстановки вокруг эксклава, состоянием местной системы здравоохранения.

Миграционные настроения заметно чаще высказывали мужчины, хотя в структуре желающих остаться их перевес не наблюдался. В большинстве своем они входят в возрастные группы 31–37 либо 38–44 года, не состоят в браке (зарегистрированном или нет) и являются представителями отрасли торговли и услуг, а также ИТ-сферы. Финансовое благополучие данной категории предпринимателей, согласно их собственным оценкам, несколько хуже, чем тех, кто не рассматривает такую стратегию.

Миграция предпринимателей после 2022 г. в ближайшем окружении калининградцев. В окружении опрошенных калининградцев 40 предпринимателей и самозанятых, а также 6 руководителей компаний покинули регион после 2022 г. Их совокупная доля от общего числа совершеннолетних переехавших (271 чел.) составила 17 %.

Большинство охарактеризованных предпринимателей – лица мужского пола преимущественно в возрасте 25–34 и 35–44 года. Обращает на себя внимание их уровень образования: по сравнению с другими профессиональными группами мигрантов, покинувшими область после 2022 г., среди предпринимателей в 1,5 раза чаще встречаются люди с высшим образованием (представители сферы торговли и услуг, ИТ, строительства).

Мотивация миграции предпринимателей в указанный период, что ожидаемо, была смещена в сторону оценки собственной безопасности, а именно рисков изоляции региона, чувства незащищенности. В то же время еще более важным, с точки

зрения респондентов, представлялось наличие более широких возможностей осуществления трудовой деятельности, а также общее улучшение экономических условий проживания в потенциальных регионах вселения. Эти причины почти в половине ответов назывались в качестве ведущих. Заметно реже указывалась неудовлетворенность экономическими условиями проживания и ведения бизнеса.

Стратегии внутренних мигрантов-предпринимателей в Калининградской области. На основе результатов глубинных интервью и сопоставления факторов притяжения и выталкивания внутренних мигрантов-предпринимателей были выделены ключевые стратегии их переезда в регион.

Стратегия выбора наилучших условий для ведения бизнеса оказалась наиболее популярна при решении начать свое дело в Калининградской области. В пяти случаях (в сфере ресторанного, гостиничного и туристического бизнеса, а также торговли спецоборудованием) она стала определяющей на этапе отбора региона вселения. Еще для четырех информантов (сектор ИТ, ресторанный бизнес, производство одежды и образовательные услуги), выбравших территорию с позиции улучшения условий проживания (природно-климатических и ритма жизни), возможности самореализации в качестве предпринимателей сыграли ключевую роль при трудовой адаптации.

При выборе стратегии информанты руководствовались следующими соображениями:

- наличием свободных ниш на рынке (цена, качество продукции, форматы и др.);
- востребованностью услуг (например, ростом туристического потока);
- опорой на профессиональный опыт (в выбранной сфере были заняты в регионе исхода);
- инициативой, личными амбициями и желанием монетизировать любимое дело.

Большинство информантов в регионе исхода, а также в первые годы после переезда нередко работали в найме и только позже открывали бизнес. При этом они отмечали низкую активность калининградского бизнеса и населения: «...ленивые местные не торопятся что-то создавать, осваивать... есть свободные ниши для развития бизнеса, конкуренция слабая. Имеется... спрос на товары и услуги со стороны местного сообщества, а также туристов из России. Хорошая инфраструктура...» (Глеб, 34 года, Томск).

Конкурентным преимуществом региона в разрезе размещения бизнеса респонденты видят близость европейского рынка, однако для одних сфер оно было утрачено (например, для производства готовых изделий), для других сохранило актуальность (в частности, для ИТ-бизнеса). Также отмечались поддержка и заинтересованность со стороны региональных и местных органов государственной власти: «...задумывался и мечтал об открытии бизнеса в Германии, продажах за рубеж, в том числе через ETSY-площадку, но в нынешних условиях это невозможно. Раньше за рубеж отправляли 5 %, сейчас – 0 %.» (Иван, 31 год, Томск); «...есть прямая, практически, связь с правительством, губернатором, главами администраций – это то, чего нет в Москве, инвестиционный и “людской” фон гораздо лучше, чем в Москве. Здесь человеческий язык общения, жизнь по восточноевропейскому времени – возможность для работы с партнерами...» (Андрей, 25 лет, Москва).

В развитии бизнеса наиболее часто возникают проблемы со сбытом произведенной продукции или ее доставкой для продажи в регионе (со временем и стоимостью доставки, сертификатами происхождения, продвижением товаров и услуг за пределами территории и др.).

В целом открытие бизнеса и сохранение заинтересованности в его развитии и расширении обуславливалось такими особенностями:

1) небогатым миграционным опытом (как правило, однократным), что способствует укоренению мигрантов и их бизнеса в регионе,

2) профессиональными знаниями или опытом предпринимательства, чаще всего приобретенными в регионе исхода,

3) развитыми родственными или социальными связями в регионе вселения.

Интересна и показательна география регионов исхода (города Сибири, Москва и Санкт-Петербург).

Опрошенные выбирали регион, подходящий как для комфортного проживания (величина города, природно-климатические условия и т. д.), так и для возможного открытия бизнеса. Однако достаточно часто начало своего дела было связано с несоответствием ожиданиям в части оплаты труда при работе в найме: «...Я работала в школе с одним ребенком с ограниченными возможностями по здоровью и двумя с задержкой психического развития, поэтому сверху получала еще один оклад. Этот класс выпускался, поэтому понимала, что в следующем году оплата упадет в 2 раза. Уволилась. Стала самозанятой и открыла образовательный центр для детей...» (Елена, 25 лет, г. Красноярск); «После переезда в регион работал в трех компаниях... но понял, что работа по найму не приносит желаемого дохода...» (Руслан, 36 лет, г. Пермь).

Релокация бизнеса в рассматриваемый регион оказалась менее распространена и отмечена только тремя респондентами (сферы химчистки, пошива сумок, дизайна). Она была связана не с профессиональной реализацией, а оказалась инструментом выживания и источником дохода в условиях переезда, главным образом по причине *улучшения условий проживания*. При этом оценивалось соотношение выталкивающих и притягивающих факторов по линии природно-климатических условий, состояния экологии, индивидуального ощущения безопасности.

При выборе этой стратегии были значимы следующие суждения информантов:

– наличие бизнеса, функционирующего не менее 3 лет (в том числе клиентской базы, профессионального уровня и опыта, партнеров и др.);

– влияние пандемии COVID-19 (а именно жестких ограничений в регионах исхода);

– есть пространство для переноса и внедрения известных практик (Москва, Санкт-Петербург);

– обретение чувства безопасности в Калининграде и области;

– усталость от условий в регионах исхода (качества и ритма жизни, экологии и т. д.).

Ключевыми для принятия решения о переезде в Калининградскую область стали индивидуальные и средовые характеристики переселенцев, в первую очередь наличие однократного миграционного опыта. Регионами исхода выступали крупные города России, прежде всего Москва и Санкт-Петербург, а также территория Кемеровской области, отличающаяся неблагоприятной экологической обстановкой.

Наличие социальных связей не имело критического значения, в большей степени влияли внешние условия в регионе исхода: «...в Калининград постепенно стала переманивать мама, но мы не решались переезжать, потому что был свой бизнес, дела шли неплохо, бабушка и дедушка проживали в Кемерово и требовали ухода. Задумывались о приобретении только недвижимости в Калининграде. В разгар пандемии из-за жестких ограничений со стороны местных властей в передвижении... и накапливающимися проблемами по части экологии решили... выбрать лучшие условия для жизни...» (Николай, 33 года, г. Кемерово).

Релокация бизнеса в Калининградскую область для внутренних мигрантов-предпринимателей имела различные результаты. В отдельных случаях развитие бизнеса становилось успешнее, но иногда возникали сложности: «...География поставок изменилась в лучшую сторону. Сократились сроки... Раньше везли так: Польша – Москва – Новосибирск – Кемерово. Сейчас Польша – Калининград. Дополнительное оборудование успели купить до 22.02.2022 г. <...> Здесь стали чаще заказывать услуги юридические лица (гостиницы, общепит)... Технологии используются те же самые, но меняются сроки оказания услуг. Выгодно!» (Николай, 33 года, г. Кемерово); «...финансовые показатели за три года значительно варьировались, как на качелях. Объемы производства с февраля 2022 г. сократились сначала из-за возможностей рекламы, так как основной доход приходил через Инстаграм. Затем стали арестовывать партии на таможне из-за отсутствия сертификатов производства в Калининградской области, которые мы не могли получить...» (Иван, 31 год, Томск); «...художники плохо умеют продавать – нужен человек в команду, который занимался бы продвижением и технической стороной продаж. Нет выхода на маркетплейсы в связи с географическим положением области (продажа только через почту России не интересна клиентам)...» (Дарина, 39 лет, г. Санкт-Петербург).

В процессе релокации бизнеса в основном перевозилось оборудование, в редких случаях материалы, упаковка и др. Наём персонала, квалификация которого удовлетворяла запросам информантов, осуществлялся внутри региона. Изменение географии бизнеса во многих случаях требовало изменения не только логистики, но и поставщиков, партнеров.

Самой редкой для релокации бизнеса стала стратегия «творческого порыва», когда Калининградская область выбиралась для переезда с точки зрения ее возможностей для реализации творческого потенциала одного информанта (сфера бизнеса – производство готовых изделий, а именно пошив игрушек): «...выбирали место для вдохновения по двум критериям: наличие моря и побережья, доступность аренды жилья. Обязательно было наличие почты и стабильного интернета – для работы...» (Наталья, 30 лет, г. Москва).

Независимо от доминирующей стратегии переезда никто из опрошенных даже при имеющихся трудностях ведения бизнеса не собирается покидать Калининградскую область. Все внутренние мигранты-предприниматели планируют расширение бизнеса (за счет выхода на маркетплейсы, открытия магазинов, новых кафе, ресторанов и апартаментов и т. д.) или его диверсификацию в смежных сферах. Действующие меры государственной поддержки они оценивают положительно, но обращаются к ним нечасто по причине «забюрократизированности» процессов.

Отклик со стороны респондентов находит участие в образовательных программах для предпринимателей в качестве как слушателей, так и лекторов с целью обмена опытом и практикой ведения бизнеса.

Обсуждение и заключение. Исследование выявило, что переселенческие настроения среди предпринимателей Калининградской области распространены слабо, в том числе по причине относительно эффективного закрепления мигрантов в регионе. Однако потенциал внутренних мигрантов-предпринимателей задействован недостаточно. Это объясняется как традиционными ограничениями бизнеса в регионе (удаленностью, малым размером экономики, дополнительными транспортными затратами и др.), так и отсутствием условий для вовлечения в текущий миграционный поток большего числа предпринимателей (открытия нового дела, релокации имеющегося).

Основными ограничениями использования предпринимательского потенциала мигрантов в современных экономических условиях выступают:

1) усиление влияния эксклавности, отделенности и удаленности, описанных в [27], что определяет дополнительные экономические издержки. Данное обстоятельство затрудняет миграционный поток в регион, а значит, снижает число предпринимателей и одновременно обуславливает необходимость компенсации эксклавных экономических издержек. Последнее осуществимо посредством усиления и расширения государственной поддержки или дополнительных регуляторных механизмов (см. ниже), так как внутренний рынок рассматриваемой территории достаточно узкий;

2) риск оттока новоселов, особенно при ухудшении экономических условий в российском эксклаве относительно других регионов России, в связи с чем могут возникнуть дополнительные трудности. Несмотря на слабую выраженность миграционных настроений у опрошенных калининградских предпринимателей в целом, они сохраняются среди отдельных категорий последних (в ИТ-сфере, торговле).

Реализация предпринимательского потенциала мигрантов связана с созданием максимально благоприятных условий для использования его возможностей через преодоление существующих ограничений. Предложенные респондентами в ходе интервью меры государственной поддержки могут быть сформированы в виде ряда механизмов:

- организационно-административных: продвижение приоритетных территорий релокации бизнеса и направлений предпринимательства в регионе, информационная поддержка и расширение льготных режимов по отношению к уже действующему бизнесу,

- экономических: финансовая поддержка, включая софинансирование расходов, льготное кредитование и льготные налоговые режимы (временные), грантовую поддержку стартапов, кризисное субсидирование,

- институциональных: содействие в преодолении издержек эксклавности, имеющих критическое значение для ведения предпринимательской деятельности (транспортных издержек, сертификации товаров, произведенных в регионе и др.), а также диалогу между стейкхолдерами в сфере предпринимательства (бизнес-сообществами, представителями региональной и муниципальной власти и др.) через проведение крупных бизнес-мероприятий. К этой же группе механизмов

отнесем информирование местного населения о возможностях и ограничениях ведения бизнеса, продвижение отдельных территорий, обладающих наибольшим потенциалом для предпринимательской деятельности, развитие сервисов поддержки бизнеса и профессиональных сетей,

- инфраструктурных: развитие транспортной, жилой и промышленной инфраструктуры, в том числе востребованной предпринимателями,

- социальных: поддержка предпринимателей с точки зрения кадрового обеспечения (подбор персонала и его обучение).

Возможности активного включения предпринимательского потенциала мигрантов в экономику региона и предупреждения их оттока связаны со следующими ключевыми условиями.

Во-первых, поддержанием и развитием существующего бизнеса, в том числе за счет расширения присутствия в новых сферах экономической деятельности.

Во-вторых, ростом предпринимательской активности новоселов за счет обеспечения прозрачности и доступности информации о целевых рынках, действующих мерах государственной поддержки, особенностях организации и ведения бизнеса в регионе.

В-третьих, использованием предпринимательского опыта мигрантов, их лучших практик и профессиональных знаний в обучении и консультациях. Это представляет интерес не только для предпринимателей и обучающихся (среднего и высшего звена образования), но и для лиц, рассматривающих перспективы предпринимательской деятельности в сельской местности, а также для предпринимателей с миграционными настроениями или находящихся в тяжелой экономической ситуации. Подобное профессиональное ориентирование на предпринимательство может содействовать закреплению иногородних выпускников в регионе.

В-четвертых, расширением содействия со стороны Центра «Мой бизнес»¹⁶ предпринимателям, испытывающим трудности в ведении бизнеса при изменении экономических условий в эксклавном регионе после 2022 г. Большое значение имеет также поддержка в части выхода на новые рынки, решения логистических проблем и затруднений с оформлением транзитных документов.

Результаты исследования дополняют современные положения о факторах и ограничениях внутренней миграции предпринимателей. Они представляют интерес для ученых, занимающихся миграционной проблематикой, а также представителей органов государственной власти.

Перспективы дальнейшего изучения рассматриваемого вопроса связаны с решением следующих нетривиальных задач: 1) определить, каковы должны быть направления и механизмы привлечения внутренних мигрантов-предпринимателей в регион; 2) насколько различается предпринимательская активность мигрантов и местного населения; 3) каковы отраслевые и пространственные особенности предпринимательства внутренних мигрантов и местного населения.

Ограничения исследования связаны, прежде всего, со сложностями статистического учета предпринимательства среди мигрантов в России, а в случае внутренних мигрантов – с его отсутствием. Единственным доступным способом получения относительно полных данных при этом становится социологический

¹⁶ Центр поддержки предпринимательства Калининградской области.

подход, что, в свою очередь, ограничивает проведение полномасштабного изучения вопроса на национальном уровне. Репрезентативность и сопоставимость полученных данных значительно снижается в периоды нестабильной экономической ситуации – при общем ухудшении ожиданий и настроений предпринимателей выделить влияние миграционного опыта и укорененности становится затруднительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Земцов С.П., Волошинская А.А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024;3(64):54–83. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_54-83
Zemtsov S.P., Voloshinskaya A.A. Russian Regional Resilience under Sanctions. *Journal of the New Economic Association*. 2024;3(64):54–83. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_54-83
2. Лялина А.В. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2024;(1):85–106. <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2024-1-6>
Lialina A.V. Social and Economic Development of the Kaliningrad Region in New Conditions: Local Specifics. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Science*. 2024;(1):85–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2024-1-6>
3. Волошенко К.Ю., Фидря Е.С., Лялина А.В., Фарафонова Ю.Ю., Новикова А. А. Мотивы переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из регионов России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023;(5):151–176. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/144/84> (дата обращения: 15.03.2025).
Voloshenko K.Y., Fidrya E.S., Lialina A.V., Farafonova Y.Y., Novikova A.A. Motives for the Migration of It Specialists to the Kaliningrad Region from Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(5):151–176. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/144/84> (accessed 15.03.2025).
4. Волошенко К.Ю., Лялина А.В., Фарафонова Ю.Ю., Новикова А.А. Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России. *Регионоведение*. 2023;31(1):143–165. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>
Voloshenko K.Yu., Lialina A.V., Farafonova Yu.Yu., Novikova A.A. Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants to the Kaliningrad Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):143–165. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>
5. Manuel N. Migration and Self-Employment: The Case of Internal Migrants. *Journal of Business Economics*. 2024;(94):613–637. <https://doi.org/10.1007/s11573-023-01178-0>
6. Solano G., Schutjens V., Rath J. Multifocality and Opportunity Structure: Towards a Mixed Embeddedness Model for Transnational Migrant Entrepreneurship. *Comparative Migration Studies*. 2022;10(3):1–24. <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00270-0>
7. Пешкова В.М. Предпринимательство иммигрантов: аналитический обзор зарубежных подходов. *Социологический журнал*. 2022;28(1):171–189. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8884>
Peshkova V.M. Immigrants' Entrepreneurship: Analytical Overview of Foreign Approaches. *Sotsiologicheskii Zhurnal*. 2022;28(1):171–189. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8884>
8. Пешкова В.М. Предпринимательство мигрантов в России: структурные возможности. *Общенациональный научно-политический журнал «Власть»*. 2018;(1):107–115. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/issue/view/370> (дата обращения: 15.03.2025).
Peshkova V.M. Migrant Entrepreneurship in Russia: Structural Capabilities. *Obshchenatsionalnyi nauchno-politicheskii zhurnal "Vlast"*. 2018;26(1):107–115. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/issue/view/370> (accessed 15.03.2025).

9. Hormiga E., Bolívar-Cruz A. The Relationship Between the Migration Experience and Risk Perception: A Factor in the Decision To Become an Entrepreneur. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2014;(10):297–317. <https://doi.org/10.1007/s11365-012-0220-9>
10. Sahin M., Nijkamp P., Suzuki S. Contrasts and Similarities in Economic Performance of Migrant Entrepreneurs. *IZA Journal of Migration*. 2014;3(7):1–21. <https://doi.org/10.1186/2193-9039-3-7>
11. Lassmann A., Busch C. Revisiting Native and Immigrant Entrepreneurial Activity. *Small Business Economics*. 2015;45(4):841–873. <https://doi.org/10.1007/s11187-015-9665-x>
12. Шакиров А.А., Дубровская Е.С. Предпринимательская миграция и региональные возможности в развивающихся странах. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019;10(38):154–157. URL: <https://sciff.ru/arhiv/vypusk-10-38-oktjabr-2019/> (дата обращения: 15.03.2025).
Shakirov A.A., Dubrovskaya E.S. Entrepreneurial Migration and Regional Opportunities in Developing Countries. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*. 2019;10(38):154–157 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sciff.ru/arhiv/vypusk-10-38-oktjabr-2019/> (accessed 15.03.2025).
13. Рожкова Л.В. Предпринимательство как способ социальной адаптации этнических мигрантов. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки*. 2009;1(9):131–141. URL: <https://clck.ru/3LsWDb> (дата обращения: 15.03.2025).
Rozhkova L.V. Entrepreneurship as a Way of Social Adaptation of Ethnic Migrants. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2009;1(9):131–141. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3LsWDb> (accessed 15.03.2025).
14. Elo M., Ermolaeva L., Ivanova-Gongne M., Klishevich D. Resilience and Business Model Adaptation in Turbulent Times: Experiences of Russophone Migrant Entrepreneurs in Germany During COVID-Pandemic. *Small Enterprise Research*. 2022;29(3):250–272. <https://doi.org/10.1080/13215906.2022.2134916>
15. Bauernschuster S., Falck O., Heblich S., Suedekum J., Lameli A. Why Are Educated and Risk-Loving Persons More Mobile Across Regions? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2014;(98):56–69. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2013.12.011>
16. Самарина Е.Л. Типы стратегий адаптации этнических предпринимателей на примере латиноамериканской группы в современной России. *Научное мнение*. 2014;(5):189–194. URL: <https://unipress.pro/catalog.php?pid=54&aid=1272> (дата обращения: 15.03.2025).
Samarina E.L. [Types of Strategies of Ethnic Entrepreneurs' Adaptation - the Case of Latin Americans in Modern Russia.] *Nauchnoe mnenie*. 2014;(5):189–194. (In Russ.) Available at: <https://unipress.pro/catalog.php?pid=54&aid=1272> (accessed 15.03.2025).
17. Пешкова В.М. Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России. На примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области. *Экономическая социология*. 2018;19(5):11–40. URL: https://ecsoc.hse.ru/2018-19-5/annot.html#doc_228631342 (дата обращения: 15.03.2025).
Peshkova V. Entrepreneurial Activity of Foreign Labor Migrants in Russia: On the Example of Kyrgyz Migrants in Moscow and the Moscow Region. *Journal of Economic Sociology*. 2018;19(5):11–40. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://ecsoc.hse.ru/2018-19-5/annot.html#doc_228631342 (accessed 15.03.2025).
18. Пешкова В.М. Трудовая миграция и предпринимательство в России: анализ бизнес-платформы «Табарман». *Социологическая наука и социальная практика*. 2019;1(25):99–112. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6272>
Peshkova V.M. Labour Migration and Entrepreneurship in Russia: Analysis Business Platform “Tabarman”. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. 2019;1(25):99–112. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6272>
19. Zakpa J. Self-Employment Entrepreneurial Motivation: The Case of Internal Ethnic Migrants in Sekondi-Takoradi Metropolis. *International Journal of Business and Globalisation*. 2019;23(2):289–344. <https://doi.org/10.1504/ijbg.2019.102467>
20. Yang H., Zhang X. Persistence of Culture: How the Entrepreneurial Culture of Origin Contributes to Migrant Entrepreneurship. *Small Business Economics*. 2023;(61):1179–1204. <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00699-2>

21. Bespalyy S.V. Opportunities for the Development of Entrepreneurship Through Labor Mobility. *Bulletin of the Innovative University of Eurasia*. 2020;4(80):69–75. <https://doi.org/10.37788/2020-4/69-75>
22. Lu Y., Zhou Y., Liu P. Improving the Entrepreneurial Ability of Rural Migrant Workers Returning Home in China: Study Based on 5,675 Questionnaires. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023;10(150):1–10. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01663-5>
23. Yu L., Yin X., Zheng X., Li W. Lose To Win: Entrepreneurship of Returned Migrants in China. *Annals of Regional Science*. 2017;(58):341–374. <https://doi.org/10.1007/s00168-016-0787-0>
24. Nguyen B. Internal Migration and Earnings: Do Migrant Entrepreneurs and Migrant Employees Differ? *Papers in Regional Science*. 2022;101(4):901–945. <https://doi.org/10.1111/pirs.12689>
25. Cheng Zh., Smyth R. Education and Migrant Entrepreneurship in Urban China. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2021;(188):506–529. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.05.040>
26. Волошенко К.Ю., Лялина А.В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России. *Балтийский регион*. 2022;14(30):102–128. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
Voloshenko K.Yu., Lialina A.V. Attractiveness of the Kaliningrad Region: Pull Factors and Reasons for Disappointments of Migrants from Russian Regions. *Baltic Region*. 2022;14(30):102–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>
27. Волошенко К.Ю. Фактор эксклавности в обеспечении экономической безопасности Калининградской области в национальных интересах России. *Экономическая безопасность*. 2024;7(11):2685–2708. <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.11.122134>
Voloshenko K.Y. The Role of Exclavity in Ensuring the Economic Security of the Kaliningrad Region in Russia's National Interests. *Economic Security*. 2024;7(11):2685–2708. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.11.122134>

Об авторах:

Волошенко Ксения Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, директор Центра социально-экономических исследований региона Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>, Researcher ID: E-5155-2018, Scopus ID: 57201603503, SPIN-код: 6844-1100, KVoloshenko@kantiana.ru

Лялина Анна Валентиновна, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>, Researcher ID: R-3538-2017, Scopus ID: 57204661829, SPIN-код: 5978-9723, anuta-mazova@mail.ru

Иванова Ольга Петровна, доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (173003, Российская Федерация, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9563-4166>, Researcher ID: P-2974-2018, Scopus ID: 57194044553, SPIN-код: 7566-6369, prof-ivanova@mail.ru

Вклад авторов:

К. Ю. Волошенко – формулирование целей и задач исследования; разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; применение вычислительных и иных формальных методов для анализа данных исследования; контроль и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; создание и подготовка рукописи.

А. В. Лялина – формулирование идеи, целей и задач исследования; разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; применение вычислительных и иных формальных методов для анализа данных исследования; создание и подготовка рукописи.

О. П. Иванова – разработка методологии исследования; критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 19.12.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

About the authors:

Ksenia Yu. Voloshenko, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Director, Center for Socio-Economic Research of the Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>, Researcher ID: E-5155-2018, Scopus ID: 57201603503, SPIN-code: 6844-1100, KVoloshenko@kantiana.ru

Anna V. Lialina, Cand.Sci. (Geogr.), Researcher at the Center for Socio-Economic Research of the Region Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>, Researcher ID: R-3538-2017, Scopus ID: 57204661829, SPIN-code: 5978-9723, anuta-mazova@mail.ru

Olga P. Ivanova, Dr.Sci. (Econ.), Deputy Director, Institute of Economics, Management and Law Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod 173003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9563-4166>, Researcher ID: P-2974-2018, Scopus ID: 57194044553, SPIN-code: 7566-6369, prof-ivanova@mail.ru

Contribution of the authors:

K. Yu. Voloshenko – formulation research goals and aims, development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically data collection; application of computational and other formal techniques to analyze study data; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution; preparation and creation of the work.

A. V. Lialina – formulation research ideas, goals and aims, development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically data collection; application of computational and other formal techniques to analyze study data; preparation and creation of the work.

O. P. Ivanova – development of methodology; preparation of the work, specifically critical review, commentary and revision.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 19.12.2024; revised 10.03.2025; accepted 19.03.2025.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY**<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>EDN: <https://elibrary.ru/rjwrcj>

УДК / UDC 325.1-054.6(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Влияние институциональной среды на процессы
международной трудовой миграции
в регионы Российской Федерации****Р. С. Мухаметов**

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
muhametov2007@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью международной трудовой миграции в социально-экономическом развитии регионов России и необходимостью эффективного управления потоками переселенцев. В условиях демографического спада и дефицита трудовых ресурсов привлечение иностранных мигрантов становится важным фактором экономического роста. Изучение детерминант международной трудовой миграции часто фокусировалось на социально-экономических характеристиках пунктов назначения. В данной статье рассматривается влияние качества государственного управления территориями на их способность привлекать трудовых иммигрантов.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступают сведения Росстата, а также информация Атласа «Исламское сообщество Российской Федерации»; основным методом – регрессионный анализ панельных данных (модель с фиксированными эффектами).

Результаты исследования. Статистическая обработка данных показала, что субъекты РФ с более высоким качеством государственного управления привлекают больше международных трудовых мигрантов. При этом большинство социально-экономических факторов, которые традиционно используются для объяснения привлекательности территории назначения, не получили подтверждения, хотя они косвенно входят в категорию «государственная состоятельность». Регрессионный анализ продемонстрировал положительное влияние доли мусульманского населения регионов РФ на численность (в относительном выражении) иностранных трудовых мигрантов. Концепция этнических сетей не прошла эмпирическую проверку.

Обсуждение и заключение. Международные трудовые мигранты предпочитают приезжать на территорию назначения с более высоким качеством государственного управления. В то же время важно обеспечивать социальную интеграцию иммигрантов и защиту их прав, чтобы избежать проблем в принимающем обществе, которые связаны с социокультурными различиями. Результаты

© Мухаметов Р. С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

исследования могут способствовать росту эффективности управления миграционными процессами на национальном и субнациональном уровнях, а также позволяют прогнозировать направления миграционного потока.

Ключевые слова: миграция, международная трудовая миграция, концепция «притяжения-выталкивания», государственная состоятельность, субъекты РФ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Влияние институциональной среды на процессы международной трудовой миграции в регионы Российской Федерации. *Регионоведение*. 2025;33(2):257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>

Influence of the Institutional Environment on the Processes of International Labor Migration to the Regions of the Russian Federation

R. S. Mukhametov

Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russian Federation)
muhametov2007@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic is determined by the increasing role of international labor migration in the socio-economic development of Russian regions and the need for effective management of migrant flows. In the conditions of demographic decline and labor shortage, the attraction of foreign migrants becomes an important factor of economic growth. The study of the determinants of international labor migration has often focused on the socio-economic characteristics of destinations. This article examines the impact of the quality of public administration of territories on their ability to attract labor immigrants.

Materials and Methods. The empirical basis of the study was the data of Rosstat, as well as information from the Atlas “Islamic Community of the Russian Federation”. The research method was regression analysis of panel data (fixed effects model).

Results. Statistical processing of the data showed that the constituent entities of the Russian Federation with a higher quality of state governance attract more international labor migrants. At the same time, most socio-economic factors that are traditionally used to explain the attractiveness of the destination territory were not confirmed, although they are indirectly included in the category of “state capacity”. Regression analysis demonstrated a positive impact of the share of Muslim population in the Russian regions on the number (in relative terms) of foreign labor migrants. The concept of “ethnic networks” has not been empirically tested.

Discussion and Conclusion. International labor migrants prefer to come to destination territories with a higher quality of public administration. At the same time, it is important to ensure social integration of immigrants and protection of their rights in order to avoid problems in the host society that are related to socio-cultural differences. The results of the study can contribute to the growth of the efficiency of migration management at the national and sub-national levels, as well as allow forecasting the directions of migration flow.

Keywords: migration, international labor migration, pull-push concept, state capacity, subjects of the Russian Federation

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Mukhametov R.S. Influence of the Institutional Environment on the Processes of International Labor Migration to the Regions of the Russian Federation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>

Введение. Миграция населения является одной из наиболее актуальных тематик для российских авторов. Данное академическое направление находится в центре внимания таких дисциплин, как экономика, география, демография, социология, политология и т. д. По мнению ученых, исследование процессов переселения в России в последние десятилетия активно развивалось, расширяя свою предметную

область [1]. В связи с этим значительная часть работ посвящена вопросам миграционной политики и режимов, проблемам формирования глобального управления миграцией [2]. При этом рассмотрение названного феномена в сравнительном аспекте постепенно обособляется в отдельную отрасль [3]. Многочисленные отечественные публикации сфокусированы на внутренней молодежной миграции [4; 5], а также трудовой миграции в стране [6]. Большое количество современных специалистов сосредоточено на обзорах имеющихся миграционных исследований [7; 8].

Мобильность населения в течение двух последних десятилетий как в нашей стране, так и в мире привлекает не только представителей академического сообщества, но и государственных деятелей. Это обусловлено тем, что, согласно данным ООН, по состоянию на 2020 г. Россия по числу жителей иностранного происхождения (иммигрантов) занимала 4-е место в мире (11,6 млн), уступая лишь США (50,6 млн), Германии (15,8 млн) и Саудовской Аравии (13,5 млн)¹. Иными словами, российское государство – важный пункт назначения для трансграничной миграции. По сведениям Министерства внутренних дел РФ, за 2022 г. было поставлено на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства 16,8 млн чел., в том числе 11,8 международных трудовых мигрантов².

Необходимо подчеркнуть, что отечественные ученые ставят под сомнение расчеты экспертов ООН, полагая, что из 11,6 млн чел. только 3,1 представляют собой международных мигрантов, в то время как остальные являются либо репатриантами, либо переселенцами из бывших советских республик, которые въехали на территорию РФ до 1991 г. включительно. В соответствии со сказанным современная Россия должна находиться на 16-м месте в общемировом рейтинге [9].

Об актуальности темы исследования свидетельствует принятие в 2023–2024 гг. мер по ужесточению миграционной политики в стране. Например, в редакции Закона о гражданстве РФ от 28 апреля 2023 года значительно расширен состав статей (64 вместо 18 в предыдущем варианте), преступления по которым влекут за собой прекращение приобретенного гражданства РФ³. В числе подобных преступлений названы действия по распространению фейков о Вооруженных силах РФ, дискредитация Российской армии, диверсии, призывы к введению санкций и осуществлению экстремистской деятельности, посягательство на нарушение территориальной целостности страны, дезертирство, уклонение от прохождения военной службы, шпионаж и госизмена⁴.

В научной литературе отмечается, что существует ряд детерминантов массовой трудовой миграции в Россию. Первый связан с уровнем заработной платы (он выше, чем в государствах происхождения мигрантов). Второй фактор обусловлен тем, что мигранты заняли ряд ниш на российском рынке труда, а именно те

¹ Доклад о миграции в мире 2022 [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (дата обращения: 13.08.2024).

² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]. Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711> (дата обращения: 13.08.2024).

³ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216> (дата обращения: 13.03.2025).

⁴ В России расширили перечень преступлений, влекущих лишение гражданства [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19080325> (дата обращения: 13.08.2024).

рабочие места, которые не являются привлекательными для коренного населения из-за низкого статуса и тяжелых условий труда. Третий определяется дефицитом трудовых ресурсов в стране [10].

Понятно, что иностранные трудовые мигранты (лица, которые перемещаются из одной страны в другую с целью получения работы) распределены по территории России неравномерно. В 2022 г. список субъектов РФ, куда приехало самое большое количество временных трудовых иммигрантов (в процентах к трудоспособному населению региона), выглядел так: Амурская область (47 %), Магаданская область (44 %), Москва (40 %), Московская область (35 %), Санкт-Петербург и Ленинградская область (33 %), Ямало-Ненецкий автономный округ (30 %), Калужская область (26 %) ⁵. Исходя из этого исследовательские вопросы сформулированы следующим образом: почему в одни субъекты РФ направляется больше внешних трудовых мигрантов, чем в другие? что делает некоторые регионы страны более привлекательными для трудовых иммигрантов? Поиск ответов на данные вопросы и является основной целью настоящей статьи.

Обзор литературы. Опираясь на результаты предыдущих исследований, можно заключить, что экономические факторы служат важной причиной выбора региона в качестве места назначения для внешних трудовых мигрантов [11]. Основная причина переселения – разница в доходах между территориями происхождения и назначения ⁶. В этой схеме люди решаются действовать, потому что расчет затрат и выгод заставляет их ожидать положительной чистой прибыли (обычно денежной) от перемещения [12].

Также в качестве популярного детерминанта выбора региона пребывания рассматриваются мигрантские сети. Ученые понимают их как наборы межличностных связей, которые соединяют действующих и/или бывших мигрантов друг с другом посредством отношений родства, дружбы и общего происхождения [13]. Мигрантские сети могут способствовать миграции тремя различными путями: предоставляя информацию собственно о процессе перемещения; осведомляя о местах назначения и рабочих местах, а также содействуя интеграции по прибытии; наконец, путем оказания помощи в финансировании расходов, вызванных переселением [14].

Исследователи предполагают, что расширение сетей мигрантов и накопление социального капитала инициируют процесс «...кумулятивной причинно-следственной связи», благодаря которому международная миграция становится самовоспроизводящимся процессом, т. е. процессом, который, начавшись, имеет тенденцию продолжаться и даже усиливаться со временем [15]. Важно отметить, что чаще всего данные сети рассматриваются не столько как канал перемещения, сколько как инструмент (барьер) адаптации иммигрантов в принимающем обществе [16; 17].

Одним из факторов, который обычно упускается из виду в академической литературе, является качество государственных институтов в целом. Данная статья

⁵ Рассчитано автором по: Численность населения по полу и возрасту по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://clck.ru/3LhgxP> (дата обращения: 13.08.2024) ; Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам...

⁶ Van Hear N., Bakewell O., Long K. Push-pull plus: reconsidering the drivers of migration // *Aspiration, Desire and the Drivers of Migration*. London : Routledge, 2020. Pp. 19–36.

ориентирована на преодоление этого пробела. В ней рассматривается государственная состоятельность (state capacity) на уровне субъекта РФ как привлекающего внешнюю трудовую миграцию фактора. Непосредственная задача состоит в том, чтобы определить влияние качества государственных институтов в виде детерминанта, фактора «притяжения», трудовых мигрантов из стран Содружества Независимых Государств. Исследование продолжает традицию изучения влияния качества государственного управления на привлекательность мест назначения для мигрантов [18; 19].

Исходя из обзора академической литературы, посвященной концепции государственной состоятельности, можно ожидать, что привлекательность страны / региона назначения для международной трудовой миграции возрастет с повышением качества политических институтов. Рабочая гипотеза заключается в том, что при прочих равных условиях люди предпочтут мигрировать с целью поиска работы на территории с более высоким уровнем государственной состоятельности.

Материалы и методы. Поскольку цель количественных исследований состоит в определении взаимосвязей зависимой и объясняющих переменных, необходимо применение статистических методов анализа. Регрессионный анализ служит главным инструментом для поиска закономерностей в больших наборах данных, в том числе панельных (модель с фиксированными эффектами). Оценка параметров регрессии основана на методе наименьших квадратов (МНК). Множественная линейная регрессия направлена на моделирование взаимосвязи зависимой переменной (переменной, которую пытаемся объяснить) и нескольких независимых переменных (факторов, влияющих на зависимую переменную). Выполнено логарифмическое преобразование переменных, т. е. осуществлена их трансформация в такой формат, который лучше поддерживает анализ для достижения целей исследования. Это было необходимо для устранения влияния разных единиц измерения. Анализ данных производился в прикладном пакете Gretl.

Зависимая переменная («Миграция») соотносится с количеством трудовых иммигрантов из Таджикистана и Узбекистана, которое выражено в процентах от численности трудоспособного населения субъектов РФ. Выбор для изучения переселенцев из этих двух государств обусловлен тем, что, по данным МВД, например за 2022 г., их представители занимают первые два места по числу фактов постановки на миграционный учет, где цель въезда – работа. Трудовыми мигрантами являются 93 % выходцев из Узбекистана, 83 % – из Таджикистана⁷. Отечественные исследователи также отмечают, что граждане Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана на протяжении многих лет составляют основной контингент трудовых мигрантов в России [20]. В качестве международных мигрантов Росстат учитывает только иностранцев, которые зарегистрировались по месту проживания или временного пребывания на срок девять месяцев и больше.

Теоретической основой объясняющей переменной выступает категория «государственная состоятельность». Она служит фактором «притяжения», если ее рассматривать в рамках двухтактной модели (push-pull theory of migration) принятия

⁷ Статистические сведения по миграционной ситуации [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 13.08.2024) ; Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам...

миграционных решений Э. Ли [21]. Многие исследователи разделяют центральную идею о том, что названная дефиниция связана со способностью государства осуществлять свои цели или политику [22]. Наиболее широко используемые концептуализации государственной состоятельности соотносятся с веберовским представлением о государстве как об организации, способной создавать и внедрять правила [23].

Рассматриваемая категория определяется как способность государства к выработке политики или как набор компетенций и ресурсов, необходимых для разработки эффективной политики [24]. Считается, что государственная состоятельность включает в себя ряд элементов/индикаторов:

1) фискальный / бюджетный аспект, т. е. способность правительства собирать налоги для обеспечения общественных благ; это общий доход, который правительство способно получить с налогоплательщиков [25];

2) бюрократический / административный аспект, т. е. способность органов исполнительной власти выполнять поставленные перед ними задачи [26];

3) политический аспект, т. е. способность правительства осуществлять политику; состоит из трех компонентов:

– относительная политическая отдача (*relative political extraction*) – способность распределять часть национального продукта на достижение общественных целей,

– относительный политический охват (*relative political reach*) – способность мобилизовать население, находящееся под контролем,

– относительное политическое распределение (*relative political allocation*) – способность определять приоритетные статьи расходов в государственном бюджете [27].

В настоящей работе государственная состоятельность операционализирована через баллы, полученные регионом в Рейтинге эффективности управления в субъектах РФ за два года (2017, 2018) от Агентства политических и экономических коммуникаций (АПЭК)⁸. Это продолжает традицию отечественных ученых, которые применяют данный рейтинг в академических исследованиях при рассмотрении субнационального уровня в России [28]. Выбор указанного источника обусловлен тем обстоятельством, что при его составлении учитываются не только экспертные оценки, но и региональная статистика. Рейтинг делится на три блока (политико-управленческий, социальный и финансово-экономический), по каждому из которых проводится оценка. Итоговые оценки по каждому направлению представляют собой среднее арифметическое: а) усредненной совокупности статистических показателей; б) средней экспертной оценки.

Контрольные и фиктивные переменные показаны в таблице 1. Хотя первые не являются основным объектом исследования, они помогают установить истинные взаимосвязи независимых и зависимых переменных. Кроме того, контрольные предикторы могут помочь предотвратить влияние на результаты предвзятости в исследованиях (например, наличия пропущенных переменных). Необходимо отметить, что фиктивная переменная – это та, которая принимает значение «0» или «1». Такие переменные добавляются в регрессионную модель для представления бинарных факторов, которые либо наблюдаются, либо нет.

⁸ Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=4332&ysclid=ma29p6hivk89447794 (дата обращения: 13.08.2024) ; VI Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LrbGn> (дата обращения: 13.08.2024).

Таблица 1. Контрольные и фиктивные предикторы

Table 1. Control and dummy predictors

Переменные / Variables	Тип переменной / Type of variable	Операционализация / Operationalization	Единицы измерения / Units of measurement	Источники данных / Data sources
Прожиточный минимум / Living wage	Контрольная переменная / Control variable	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (от общей численности населения региона) / Share of population with monetary income below the subsistence minimum (of the total population of the region)	Проценты / Percentages	Росстат / Rosstat
Зарплата / Salary	Контрольная переменная / Control variable	Среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников организации / Average monthly nominal accrued salary of employees of the organization	Рубли / Rubles	Росстат / Rosstat
Доходы / Income	Контрольная переменная / Control variable	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц / Average per capita income of the population per month	Рубли / Rubles	Росстат / Rosstat
ВВП / GRP	Контрольная переменная / Control variable	Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения / Gross regional product per capita	Рубли / Rubles	Росстат / Rosstat
Безработица / Unemployment	Контрольная переменная / Control variable	Уровень безработицы / Unemployment rate	Проценты / Percentages	Росстат / Rosstat
Этнические сети / Ethnic networks	Контрольная переменная / Control variable	Доля лиц таджикской и узбекской национальностей в общей численности населения российских регионов / Share of persons of Tajik and Uzbek nationalities in the total population of Russian regions	Проценты / Percentages	Росстат / Rosstat
Культура / Culture	Фиктивная переменная / Dummy variable	Переменная получает значение «1», если субъект РФ входит в топ-20 регионов по доле мусульман в общей численности населения; значение «0» – во всех остальных случаях / The variable gets the value “1” if the Russian region is in the top 20 regions in terms of the proportion of Muslims in the total population; the value “0” – in all other cases	1 и 0	Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации / Atlas “Islamic Community of the Russian Federation”

Сведения о числе прибывших трудовых мигрантов из Таджикистана и Узбекистана являются информацией Росстата (2018 и 2019 гг.)⁹. Исследователи отмечают, что существуют проблемы с качеством федерального статистического

⁹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 13.08.2024).

наблюдения за миграционными процессами [29], в основном относящиеся к сфере информационных ресурсов Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. Спецификой ситуации в России можно назвать усложнение доступа пользователей к ним¹⁰. Сведения по контрольным переменным приведены за 2017 и 2018 гг. В работе применялись панельные данные (сбалансированная панель), состоящие из данных временных рядов для каждой отдельной единицы в поперечном разрезе. В итоговую выборку включены 85 субъектов РФ.

В таблице 2 представлены средние, минимальные и максимальные значения переменных, а также медианы и стандартные отклонения.

Таблица 2. Описательная статистика

Table 2. Descriptive statistics

Переменные / Variables	Среднее / Mean	Медиана / Median	Стандартное отклонение / Standard deviation	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum
Миграция / Migration	0,09	0,06	0,11	0	0,62
Состоятельность / Capacity	0,81	0,809	0,08	0,552	1,0
Прожиточный минимум / Living wage	15,4	14,3	5,7	7,4	42,1
Зарплата / Salary	32 982,6	28 163,0	14 472,1	20 629,0	86 647,0
Доходы / Income	28 227,7	25 261,0	11 027,4	14 111,0	69 959,0
ВВП / GRP	502 552,0	339 586,0	743 281,0	106 756,6	5 821 559,8
Безработица / Unemployment	6,76	6,0	3,72	1,6	30,2
Этнические сети / Ethnic networks	0,11	0	0,25	0	1,4
Культура / Culture	0,23	0	0,42	0	1,0

Результаты исследования. Для оценки влияния государственной состоятельности на уровень миграции иностранных трудовых мигрантов была построена модель множественной линейной регрессии с учетом робастных оценок стандартных ошибок, а также с поправкой на гетероскедастичность (табл. 3). Тест на обнаружение мультиколлинеарности проводился методом инфляционных факторов. Расчеты указали на ее отсутствие.

Таблица 3. Регрессионный анализ (зависимая переменная – логарифм количества трудовых иммигрантов)

Table 3. Regression analysis (dependent variable is the logarithm of the number of labor immigrants)

Переменные / Variables	Коэффициенты / Coefficients	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t-statistics	P-значение / P-value
1	2	3	4	5
Log_ Состоятельность / Log_ Capacity	11,76	2,08	5,62	0,0002***
Log_ Прожиточный минимум / Log_ Living wage	2,65	0,90	2,93	0,0149**

¹⁰ Чудиновских О. С. К вопросу о статистическом обеспечении исследований миграции и миграционной политики в России // Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски : сб. ст. М. : ИЕ РАН, 2020. С. 89–90.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Log _ Зарплата / Log _ Salary	–5,94	2,04	–2,90	0,0156**
Log _ Доходы / Log _ Income	2,58	1,33	1,92	0,0825*
Log _ ВВП / Log _ GRP	0,56	1,22	0,45	0,6561
Log _ Безработица / Log _ Unemployment	–0,57	0,44	–1,28	0,2273
Log _ Этнические сети / Log _ Ethnic Networks	–0,16	0,30	–0,55	0,5935
Культура / Culture	2,13	0,67	3,16	0,0100**
const	22,44	6,38	3,51	0,0056***

Примечание / Note. R-квадрат / R-square – 0,81; Исправленный R-квадрат / Corrected R-square – 0,67; Количество наблюдений / Number of observations – 170; *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Рабочая гипотеза, согласно которой субъекты РФ с более высокой государственной состоятельностью привлекают больше международных трудовых мигрантов, эмпирически подтвердилась ($p = 0,0002$, $p < 0,01$). Из таблицы 3 видно, что их тем больше, чем выше субнациональная государственная состоятельность: при прочих равных условиях увеличение качества политических институтов на один пункт приводит к росту иммигрантов на 11,7 пункта. Большинство социально-экономических факторов, которые традиционно используются с целью объяснения привлекательности территории назначения для международной трудовой миграции, не получили подтверждения в чистом виде. Отметим, что данные экономические индикаторы косвенно входят в «государственную состоятельность». Одни переменные показали противоположный характер взаимосвязи («Промежуточный минимум» и «Зарплата»), вторые («ВВП», «Безработица», а также «Этнические сети») оказались статистически незначимыми. Что касается переменной «Доходы», то она продемонстрировала ожидаемый результат: чем выше среднедушевые денежные доходы населения в конкретном субъекте РФ, тем больше трудовых иммигрантов приезжает.

Можно обозначить два объяснения того, почему международные трудовые мигранты при выборе места назначения руководствуются не только экономическими показателями территории, но придерживаются комплексного подхода. Первый тезис опирается на утверждение Ч. Тибо и Г. Таллока о том, что индивид мигрирует в общество, которое наилучшим образом отражает набор его предпочтений, связанных с общественными благами: более низкое реальное налоговое бремя, поскольку при этом, например, его располагаемый реальный доход для покупки товаров выше; более высокие реальные уровни государственных расходов, которые можно непосредственно потреблять или опосредованно извлекать из них значимую пользу¹¹.

Другими словами, при прочих равных условиях люди перемещаются для того, чтобы выразить свои предпочтения в отношении публично предоставляемых товаров и услуг, что можно назвать «голосование ногами». Данное объяснение поддерживается на теоретическом уровне институциональным подходом, согласно которому качество институтов имеет значение для экономического и политического

¹¹Tiebout C. M. A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64, no. 1. Pp. 416–424. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/epdf/10.1086/257839> (accessed 10.04.2025); Tullock G. Public Decisions as Public Goods // Journal of Political Economy. 1971. Vol. 79, no. 4. Pp. 913–918. <https://doi.org/10.1086/259799>

развития. Исследователи полагают, что существует очевидная корреляция между долгосрочным экономическим ростом и такими институтами, как верховенство закона, четко определенные права собственности, финансовые рынки и либеральная демократия [30].

Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон приводят множество исторических примеров, утверждая, что причина, по которой страны терпят неудачу, заключается не в географии, плохой политике или системах ценностей, как пишут некоторые авторы, а скорее в политических институтах, определяющих экономические институты. Они считают, что наличие экстрактивных институтов (которые направляют экономические выгоды в пользу относительно небольшой элиты) препятствует и даже блокирует экономический рост, а присутствие инклюзивных правительств (поддерживающих материальные устремления для большей части населения) создает инновационные стимулы, которые ведут к продолжающемуся росту¹².

Второй подход говорит о том, что территории назначения с более высоким уровнем государственной состоятельности и их институты вызывают большее социальное доверие. Согласно этой теории, современные политические институты являются важными детерминантами социального капитала. Степень воспринимаемой справедливости и беспристрастности институтов, ответственных за реализацию государственной политики, служит основой для создания и поддержания высокого уровня институционального доверия [31].

Обсуждение и заключение. Представляется интересной интерпретация контрольных и фиктивных переменных. Результаты регрессионного анализа показывают положительное влияние культурной близости российских регионов на численность (в относительном выражении) иностранных трудовых мигрантов. Иначе говоря, чем выше доля мусульман в общей доле населения субъектов РФ, тем больше трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана приезжают. Важно отметить, что культурная близость актуализируется при выборе территории не только для постоянного места жительства, но и для заработков. Данный вывод подтверждается исследованиями на примере других стран. Так, обнаружено, что взрослые иммигранты предпочитают переезжать в регионы с культурными корнями, сходными с их собственными [32].

Согласно одному из мнений, мигранты предпочитают переезжать в те страны, где уже проживают их соотечественники. Большая часть существующей литературы сосредоточена на том, как прочные связи с сообществом назначения могут содействовать миграции, предоставляя доступ к информации о рабочих местах. Результаты данной работы не подтверждают этот тезис ($p = 0,5935, p > 0,05$). Ряд исследователей отмечают, что сети, основанные на этнической принадлежности, способствуют эксплуатации, а не солидарности; руководители могут пользоваться своим положением, чтобы вымогать деньги у новых иммигрантов-соотечественников [33].

Кроме того, подобные сети могут функционировать не как трампины к достатку, а скорее как ловушки мобильности для всех, кроме собственников бизнеса и нескольких высокопоставленных персон. Работники-иммигранты сталкиваются с низкой заработной платой, продолжительным рабочим днем и плохими условиями

¹² Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York : Crown Business, 2012. 529 p.

труда, имеют мало возможностей освоить язык принимающего общества и другие навыки, необходимые для выхода за рамки низших должностей. Критики концепции этнических сетей указывают на то, что членство в сети доступно не всем сразу и что доступ к коллективным ресурсам может быть получен только за определенную плату¹³; наличие бывших сограждан также сокращает возможности встречаться и взаимодействовать с местными жителями, изолируя иммигрантов от лучшего трудоустройства [34].

Таким образом, результаты регрессионного анализа показали, что регионы с более высоким уровнем качества государственного управления привлекают больше международных трудовых мигрантов. Это эмпирически подтверждает рабочую гипотезу исследования. Важно отметить, что большинство социально-экономических факторов, которые традиционно используются с целью объяснения привлекательности места назначения для международной трудовой миграции, не получили подтверждения в чистом виде, хотя они косвенно входят в категорию «государственная состоятельность». Статистический анализ продемонстрировал положительное влияние доли мусульманского населения территорий РФ на численность (в относительном выражении) иностранных трудовых мигрантов. Наконец, популярная концепция этнических сетей не прошла проверку.

Основной вывод настоящего исследования указывает на то, что международные трудовые мигранты предпочитают территории назначения с более стабильной экономической и политической ситуацией. Однако важно также обеспечить социальную интеграцию переселенцев и защиту их прав, чтобы избежать в принимающем обществе проблем, которые связаны с социокультурными различиями.

Положения данной работы имеют определенную практическую значимость, относящуюся к выявлению детерминантов, привлекающих иммигрантов в страну. На этой основе можно осуществлять более эффективное управление миграционными процессами на национальном и субнациональном уровнях, а также прогнозировать будущие направления миграционного потока.

Важно сказать и про ограничения исследования, в первую очередь связанные с применением регрессионного анализа. Как и любой другой метод, он имеет недостатки: зависимость от качества данных; риск неточности и ненадежности результатов статистической обработки данных, если имеющаяся в открытом доступе числовая информация, например, низкого качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Лисицын П.П. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(1):11–28. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/26> (дата обращения: 10.04.2025). Lisitsyn P.P. The Scope and Content of the Migration Process: Theoretical Definition and Operationalization of Objects of Migration Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(1):11–28. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/26> (accessed 10.04.2025).

¹³ Gold S. Migrant Networks: a Summary and Critique of Relational Approaches to International Migration // *The Blackwell Companion to Social Inequalities*. Hoboken, NJ : John Wiley and Sons, 2005. Pp. 257–285.

2. Бородин М.А., Внутских А.Ю. Зарубежные исследования международной миграции: методологические проблемы, тематические тренды. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2023;(2):297–308. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-297-308>
Borodkin M.A., Vnutskih A.Yu. [Foreign Studies of International Migration: Methodological Problems, Thematic Trends]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2023;(2):297–308. (In Russ., abstract in Eng.) URL: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-297-308>
3. Резаев А.В. Сравнительные миграционные исследования на постсоветском пространстве: актуальные вопросы и перспективы развития. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(77):1–10. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/353> (дата обращения: 10.04.2025).
Rezaev A.V. Comparative Migration Studies in the Post-Soviet Space: Current Issues and Development Prospects. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(77):1–10. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/353> (accessed 10.04.2025).
4. Рыбаковский Л.Л., Маевский Д.П., Кожевникова Н.И. Миграционная подвижность населения и ее измерение. *Народонаселение*. 2019;(2):4–14. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00011>
Rybakovskiy L.L., Mayevskiy D.P., Kozhevnikova N.I. Migration Mobility of Population and Its Measurement. *Population*. 2019;(2):4–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00011>
5. Чернышёва Н.С., Чжан Ю. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий // *Социологические исследования*. 2022;(11):135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3>
Chernysheva N.S., Zhang Yu. Approaches to the Studying Youth Migration in Russia: Reviewing Discussions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(11):135–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3>
6. Волох В.А., Сулейманова Ш.С. Международная трудовая миграция: роль частных агентств занятости. *Вестник Университета*. 2014;(7):252–256. URL: <https://clck.ru/3LSpby> (дата обращения: 10.04.2025).
Volokh V.A., Sulejmanova S.S. International Labor Migration: Role of Private Employment Agencies. *Vestnik Universiteta*. 2014;(7):252–256. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3LSpby> (accessed 10.04.2025).
7. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Савоскул М.С. Новые данные и традиционные подходы: как российские географы изучают миграцию населения (2010–2021 гг.). *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2022;(3):353–373. URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1592/867> (дата обращения: 10.04.2025).
Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Savoskul M.S. New Data and Traditional Approaches: How Russian Geographers Study Population Migration (2010–2021). *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2022;(3):353–373. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1592/867> (accessed 10.04.2025).
8. Неклюдова Н.П., Секички-Павленко О.О. Миграционные исследования в России: Обзор научной литературы. *Экономика региона*. 2020;(4):1162–1177. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-11>
Neklyudova N.P., Sekitski-Pavlenko O.O. Migration Studies in Russia: A Literature Review. *Economy of Region*. 2020;(4):1162–1177. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-11>
9. Абылкаликов С.И. Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России. *Социологические исследования*. 2016;(4):42–49. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6140 (дата обращения: 10.04.2025).
Abykalkikov S.I. [Natives of the Former USSR Countries in the Structure of the Population of Modern Russia.] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;(4):42–49. (In Russ.) Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6140 (accessed 10.04.2025).
10. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Иностранцы в России: мнения работодателей. *Социологические исследования*. 2023;(1):26–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3>
Denisenko M.B., Mukomel V.I. Foreign Workers in Russia: Employers' Opinions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(1):26–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3>

11. Diogo E. “Why Here?” – Pull Factors for the Attraction of Non-EU Immigrants to Rural Areas and Smaller Cities. *Social Sciences*. 2024;13(4):1–21. <https://doi.org/10.3390/socsci13040184>
12. Urbanski M. Comparing Push and Pull Factors Affecting Migration. *Economies*. 2022;10(1):1–21. Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7099/10/1> (accessed 10.04.2025).
13. Massey D. A missing Element in Migration Theories. *Migration Letters*. 2015;12(3):279–299. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0002716210368108> (accessed 25.12.2024).
14. Dolfin S., Genicot G. What Do Networks Do? The Role of Networks on Migration and “Coyote”. *Review of Development Economics*. 2010;14(2):343–359. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9361.2010.00557.x>
15. Fussell E. The Cumulative Causation of International Migration in Latin America. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2010;630(1):162–177. <https://doi.org/10.1177/0002716210368108>
16. Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах. *Экономика региона*. 2019;(2):451–464. <https://doi.org/10.17059/2019-2-11>
Bedrina Ye.B. The Features of Resettlement of Labor Migrants from Foreign Countries in Russian Metropolises. *Economy of Region*. 2019;(2):451–464. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/2019-2-11>
17. Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? *Социологическое обозрение*. 2020;(2):225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>
Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *The Russian Sociological Review*. 2020;(2):225–253. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>
18. Bertocchi G., Strozzi C. International Migration and the Role of Institutions. *Public Choice*. 2008;137(1/2):81–102. <https://doi.org/10.1007/s11127-008-9314-x>
19. Ketterer T., Rodríguez-Pose A. Local Quality of Government and Voting with One’s Feet. *The Annals of Regional Science*. 2015;55(2):501–532. <https://doi.org/10.1007/s00168-015-0714-9>
20. Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии. *Социологические исследования*. 2022;(1):63–75. <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8>
Mukomel V.I. Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(1):63–75. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8>
21. Лисицын П.П., Степанов А. М., Орлова Н.А. Выполненные и невыполненные обещания Эверетта Ли: к критике миграционных теорий. *Социологические исследования*. 2023;(10):41–51. <https://doi.org/10.31857/S013216250028303-6>
Lisitsyn P.P., Stepanov A.M., Orlova N.A. Fulfilled and Unfulfilled Promises of Everett Lee: Toward a Critique of Migration Theories. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(10):41–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250028303-6>
22. Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвил А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования. *Полис. Политические исследования*. 2019;(3):49–68. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis. Political Studies*. 2019;(3):49–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
23. Berwick E., Fotini C. State Capacity Redux: Integrating Classical and Experimental Contributions to an Enduring Debate. *Annual Review of Political Science*. 2018;21(1):71–91. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-072215-012907>
24. Hanson J.K., Sigman R. Leviathan’s Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. *The Journal of Politics*. 2021;83(4):1495–1510. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/epdf/10.1086/715066> (accessed 10.04.2025).
25. Andersson P. Fiscal Capacity in Non-Democratic States: The Origins and Expansion of the Income Tax. *Journal of Institutional Economics*. 2023;19(3):364–378. <https://doi.org/10.1017/S1744137422000327>
26. Bednar N.R. Bureaucratic Autonomy and the Policymaking Capacity of United States Agencies, 1998–2021. *Political Science Research and Methods*. 2024;12(3):652–665. <https://doi.org/10.1017/psrm.2023.27>

27. Fisunoglu A., Kang K., Kugler T., Arbetman-Rabinowitz M. Relative Political Capacity: A Dataset To Evaluate the Performance of Nations, 1960–2018. *Conflict Management and Peace Science*. 2023;40(3):325–345. <https://doi.org/10.1177/07388942221145352>
28. Ross C., Turovsky R., Sukhova M. The COVID-19 Pandemic as a Test of Russia's Subnational State Capacity. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2023;31(4):461–484. Available at: <https://muse.jhu.edu/pub/280/article/912946> (accessed 10.04.2025).
29. Чудиновских О.С., Степанова А.В. О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами. *Демографическое обозрение*. 2020;(1):54–82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
Chudinovskikh O.S., Stepanova A.V. On the Quality of the Federal Statistical Observation of Migration Processes. *Demographic Review*. 2020;7(1):54–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
30. Marinescu C. Why Institutions Matter: From Economic Development to Development Economics. *European Review*. 2014;22(3):469–490. <https://doi.org/10.1017/S1062798714000283>
31. Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2017;(1):37–60. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.1.3760>
32. White R., Yamasaki N. Source-Destination Cultural Differences, Immigrants' Skill Levels, and Immigrant Stocks: Evidence from Six OECD Member Countries. *National Institute Economic Review*. 2014;229(1):53–67. <https://doi.org/10.1177/002795011422900105>
33. Тимошкин Д.О., Волошин А.А. Как неформальные посредники в строительной индустрии влияют на включение трансграничных мигрантов в теневой рынок труда (на примере Иркутска и Красноярска). *Экономическая социология*. 2023;(4):74–92. URL: https://ecsoc.hse.ru/2023-24-4/annot.html#doc_861895600 (дата обращения: 10.04.2025).
Timoshkin D.O., Voloshin A.A. [How Informal Intermediaries in the Construction Industry Influence the Inclusion of Cross-Border Migrants in the Shadow Labor Market (on the Example of Irkutsk and Krasnoyarsk).] *Journal of Economic Sociology*. 2023 (4):74–92. (In Russ.) Available at: https://ecsoc.hse.ru/2023-24-4/annot.html#doc_861895600 (accessed 10.04.2025).
34. Kanas A., Chiswick B., van der Lippe T., van Tubergen F. Social Contacts and the Economic Performance of Immigrants: A Panel Study of Immigrants in Germany. *International Migration Review*. 2012;46(3):680–709. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2012.00901.x>

Об авторе:

Руслан Салихович Мухаметов, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, Researcher ID: M-7158-2016, Scopus ID: 58126085400, SPIN-код: 2774-6303, muhametov2007@yandex.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.08.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 16.01.2025.

About the author:

Ruslan S. Mukhametov, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, Researcher ID: M-7158-2016, Scopus ID: 58126085400, SPIN-code: 2774-6303, muhametov2007@yandex.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author have read and approved the final manuscript.

Submitted 26.08.2024; revised 27.12.2024; accepted 16.01.2025.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ /
ECONOMIC SOCIOLOGY**<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.271-293>EDN: <https://elibrary.ru/sudwcp>

УДК / UDC 331.5-051

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Особенности подбора персонала:
интеллектуальный анализ текстов резюме и вакансий****И. Л. Сизова**

*Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
sizovai@mail.ru*

Аннотация

Введение. Рассматриваются особенности подбора персонала на российском рынке труда с акцентом на проблеме дисбаланса между требованиями работодателей и ожиданиями соискателей. В фокусе внимания – различия в репрезентации запросов сторон, позволяющие систематизировать кадровые потребности экономики через призму компетенций и трудовых обязанностей. Актуальность исследования обусловлена низкой сопряженностью взаимодействия субъектов рынка труда в условиях цифровизации, что порождает системные сбои в поиске работы и подборе кадров. Между тем данная тематика редко становится предметом социологического анализа и недостаточно представлена в научном поле.

Материалы и методы. Разработана авторская методика анализа больших данных рынка труда на основе 5 347 805 текстов резюме и вакансий, собранных на трех крупнейших российских платформах в 2019–2023 гг. Для обработки данных применялись алгоритмы NLP (Natural Language Processing), включая тематическое моделирование и кластеризацию, что позволило создать две иерархические таксономии: 55 параметров компетентности и 423 группы должностных обязанностей. Статистический анализ реализован методами описательной статистики, корреляционного анализа и моделирования временных рядов.

Результаты исследования. Эмпирический анализ выявил устойчивую информационную асимметрию между работодателями и соискателями. Стороны демонстрируют недостаточное понимание функционального назначения ключевых разделов объявлений о работе (компетенций и должностных обязанностей). Соискатели склонны указывать больше параметров компетентности, чем требуется работодателями, что указывает на гипертрофированное представление о рыночном спросе. Наблюдается рост интереса работодателей к отдельным группам должностных обязанностей, несмотря на это формулировки вакансий сохраняют общий характер, контрастирующий с детализацией специализированного опыта в резюме.

Обсуждение и заключение. Проанализирована степень сопряженности запросов субъектов рынка труда, акцентированы текущие и будущие дисбалансы между параметрами спроса и предложения. Определено, что рынок труда функционирует в условиях ограниченной рациональности. Тексты

© Сизова И. Л., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

объявлений выполняют различные функции в зависимости от интерпретации сторонами. Параметры компетенций и должностные обязанности в вакансиях и резюме не согласованы, что приводит к длительным и неэффективным процессам отбора кандидатов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по оптимизации текстов о поиске работы и подборе персонала.

Ключевые слова: вакансии, резюме, подбор персонала, компетенции, должностные обязанности, алгоритмы машинного обучения, таксономия, HR-технологии, обработка естественного языка (NLP)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 23-28-00011 «Дефицит компетенций работников на открытых дистанционных рынках труда в условиях социально-экономической неопределенности».

Для цитирования: Сизова И.Л. Особенности подбора персонала: интеллектуальный анализ текстов резюме и вакансий. *Регионология*. 2025;33(2):271–293. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.271-293>

Features of Recruitment: Intelligent Text Analysis of Resume and Vacancies

I. L. Sizova

*St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
sizovai@mail.ru*

Abstract

Introduction. This study is devoted to the analysis of the peculiarities of personnel selection in the Russian labor market, with an emphasis on the problem of imbalance between the requirements of employers and the expectations of job seekers. The focus of attention is on the differences in the representation of the parties' demands, which allow systematizing the staffing needs of the economy through the prism of competencies and job responsibilities. The relevance of the study is due to the low conjugality of interaction between the subjects of the labor market in the conditions of digitalization, which generates systemic barriers in job search and recruitment. Meanwhile, this topic is rarely the subject of sociological analysis and is insufficiently represented in the field.

Materials and Methods. An original methodology for analyzing labor market big data was developed, based on 5,347,805 texts of resumes and job postings collected from three largest Russian platforms for the period 2019–2024. Natural Language Processing (NLP) algorithms, including topic modeling and clustering, were used to process the data, enabling the creation of two hierarchical taxonomies: 55 competency parameters and 423 groups of job responsibilities. Statistical analysis included methods of descriptive statistics, correlation analysis, and time-series modeling.

Results. Empirical analysis revealed persistent information asymmetry between employers and job seekers. The parties demonstrate insufficient understanding of the functional purpose of key sections in job postings (competencies and job responsibilities). Job seekers tend to list more competency parameters than required by employers, indicating an exaggerated perception of market demand. A growing interest of employers in certain groups of job responsibilities is observed; however, job postings retain a generalized character, contrasting with the detailed specialization of experience in resumes.

Discussion and Conclusion. The degree of consistency of the requirements of the labor market subjects is analyzed with a focus on the current and future imbalances between the parameters of supply and demand. It is found that the labor market functions under conditions of bounded rationality. Job advertisements fulfill different functions depending on the interpretations of the parties. The parameters of competencies and job responsibilities in the texts of vacancy announcements and resumes do not coincide, which leads to protracted and inefficient processes of candidate selection. The results of the study can be used to develop recommendations for optimizing texts related to job search and personnel selection.

Keywords: job vacancies, resumes, recruitment, competencies, job responsibilities, machine learning algorithms, taxonomy, HR technologies, natural language processing (NLP)

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00011 “Deficit of Workers’ Competencies in Open Remote Labor Markets Under Conditions of Socio-Economic Uncertainty”.

For citation: Sizova I.L. Features of Recruitment: Intelligent Text Analysis of Resume and Vacancies. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):271–293. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.271-293>

Введение. В современной экономической жизни человеческий капитал находится в центре внимания¹. От характеристик рабочей силы зависят рост производительности труда и стабильность функционирования любого предприятия. В последние годы возросла популярность темы несоответствия профессиональной подготовки (ее содержания, качества, уровня) соискателей работы требованиям рынка труда. Очевидной причиной этого является быстрая смена видов и сфер трудовой деятельности, профессий и их содержания. Вместе с тем инертность системы профессионального образования не позволяет готовить востребованные экономикой кадры [1; 2].

В условиях технологического подъема рынок труда трансформировался. Во-первых, поиск работы и наём сместились на онлайн-площадки, действующие стихийно, без контроля со стороны государства [3]. Этот процесс регулируется частным бизнесом – платформами соответствующей направленности. Они стремятся к оптимизации деятельности², однако растет количество проблем вне их компетенции. Одной из них является низкая степень сопряженности сторон [4]. В частности, у соискателей имеются значительные сложности в понимании содержания предлагаемой работы, а также ожидаемой работодателями квалификации [5]. При этом объявления, размещаемые организациями, не позволяют осуществить целенаправленный выбор занятости; компании, ориентируясь на полученные резюме, часто отказывают способным и квалифицированным работникам³. В целом текущая ситуация представляет собой длительный и низкоэффективный перебор вакансий и резюме, который нередко сопровождается, в нарушение законов, элементами дискриминации специалистов по социально-демографическим признакам⁴.

Во-вторых, наметилась тенденция смены ключевых принципов подбора специалистов. Вместо оценки формальных документов (дипломов, сертификатов) в бизнес-среде развивается наём, требующий от соискателей готовых знаний, умений и навыков [6], а также способности их явно продемонстрировать на собеседовании и во время испытательного срока⁵ [7].

Ориентация рынка труда на специалистов, готовых к выполнению задач организации, должна способствовать преодолению проблемы асимметрии в оценке трудового капитала. Как надеются руководители компаний, кастомизированный

¹ Региональная экономика : комментарии ГУ [Электронный ресурс]. 2024. № 27. С. 30–35. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/report_0424/ (дата обращения: 10.11.2024).

² Искусственный интеллект выходит на рынок труда [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/65e844e27a8aa97223ea4da9> (дата обращения: 25.11.2024).

³ Пустовалов С. Почему не приглашают на собеседование: что написать в резюме, чтобы заинтересовать работодателя [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.hh.ru/article/32509> (дата обращения: 25.03.2025).

⁴ Отмечены и другие малозаметные, но серьезные негативные эффекты. Например, происходит оттягивание ключевых кадров за счет размещения вакансий иностранными компаниями. Так, первое условие найма ими – релокация специалиста из России.

⁵ Pelucchi M. Big Data for Labour Market Intelligence. Focus on OJV [Электронный ресурс] // European Training Foundation. Available at: <https://clck.ru/3KKL5z> (accessed 06.11.2024).

подбор не только приведет к быстрому и эффективному найму, но будет способствовать большей стабильности персонала, что в современных условиях выступает важным фактором роста производительности труда. Однако при этом актуализируется проблема психологического дискомфорта работников вследствие несоответствия их функциональных и когнитивных способностей требованиям, предъявляемым на рабочем месте [8].

Текущие проблемы рынка труда отображаются в публикуемых текстах вакансий и резюме. Последние позволяют своевременно уловить тенденции и потребности в поиске работы и работников. Цель статьи – посредством анализа обозначенных текстов ответить на ключевые исследовательские вопросы: 1) определить ключевые ожидания руководителей в отношении текущих и потенциальных знаний, умений и навыков соискателей; 2) сопоставить требования рынка труда и способность соискателей удовлетворять им.

Обзор литературы. Активное применение компетентностного подхода к формированию содержания текстов вакансий свидетельствует о развитии гибкости в отборе персонала. При этом изначально его внедрение в подобные тексты, что показывает изучение истории перехода на основывающийся на компетенциях найм, преследовало иную цель, нежели определение лучшего соответствия соискателя трудовым задачам [9: 193]. На Западе начиная с 1960-х гг. в вакансии включались списки компетенций [10: 37], которые постепенно расширялись. В результате объявление о работе стало содержать множественные требования к работнику, например могла идти речь об обозначении его общественных ролей внутри организации [10: 38]. В настоящее время активно указываются так называемые мягкие умения и навыки, связанные с развитием компании и модернизацией трудовых и бизнес-процессов [11]. В целом это означает, что кандидат на должность может обладать только самыми общими представлениями о будущей работе. Вместе с тем он должен заявить о своих способностях к обучению и мотивации, что позволит ему получить необходимые навыки на рабочем месте [9: 193].

Должностные обязанности в основном определяются уже после найма. Поскольку организации функционируют в условиях постоянного обновления, от сотрудников требуется целый набор разнообразных знаний и умений, которые могут быть применены в случае необходимости. Одновременно для определенных категорий работников снимаются входные ограничения в виде обязательного наличия формальных параметров – дипломов об образовании. Главной целью при этом является снижение дискриминации при найме специалистов⁶ и разрешение проблемы несоответствия между формальными и действительными знаниями и умениями соискателей.

Однако гибкий подход к найму персонала приводит к внимательной проверке его действительной квалификации (например, предлагаются проверочные задания, тесты)⁷. Чтобы ее пройти, соискатель должен точно понимать, какие обязанности он будет выполнять на рабочем месте. Эксперты в области управления персоналом

⁶ Brannen D. A. Why you should have job descriptions? [Электронный ресурс] // SHRM Foundation. Available at: <https://www.shrm.org/topics-tools/news/talent-acquisition/job-descriptions> (accessed 06.11.2024).

⁷ Munk Ch. W. Workers without degrees are not getting as many good job offers as it seems [Электронный ресурс] // Consumer News and Business Channel (CNBC). Available at: <https://clck.ru/3KKSuE> (accessed 06.11.2024).

указывают, что именно должностные инструкции создают первое впечатление о компании и сфере деятельности [12: 1008], улучшают коммуникацию и приводят к оптимальному соотношению потребностей и ожиданий работников и руководителей организаций.

Таким образом, наборы компетенций и должностные обязанности составляют одновременно две важные части текстов объявлений о работе. Согласно подходу немецкого социолога Н. Лумана, первый характеризует общие знания и умения, необходимые для занятия искомой должности, второй указывает на конкретную работу, которую предстоит выполнять в организации⁸. Вместе с тем раздел с компетенциями соотносится с потенциально возможной деятельностью («работа будущего»); формируется из всего перечня знаний, умений и навыков, которые могут потребоваться (в вакансиях) и которые освоил соискатель в процессе обучения и трудовой деятельности. Раздел с должностными инструкциями описывает то, как уже выполнялась работа («работа в прошлом»); содержит (в вакансиях) конкретные трудовые задачи в рамках предлагаемой должности (для их выполнения осуществляется наём). В резюме же претендент опирается на свой непосредственный опыт занятости на определенных должностях.

Объединение отмеченных выше особенностей в текстах вакансий и резюме отражает проблему коммуникации на рынке труда. Например, возникает вопрос о том, что должны указывать в резюме соискатели, чтобы стать заметными для работодателя. На какой из разделов объявлений о работе они должны ориентироваться, чтобы иметь возможность претендовать на должность или улучшить знания и навыки. По данным уже проведенных опросов [9: 197], высококвалифицированные специалисты чаще обращают внимание на компетенции, т. е. опираются на самые широкие смыслы и горизонты в предлагаемых вакансиях; менее квалифицированные и неквалифицированные – на должностные обязанности. В целом люди чувствуют себя более уверенно, если ориентируются на описание должностных обязанностей [9: 205]. Необходимо время, чтобы раздел с компетенциями стал рассматриваться также в качестве обязательного для нахождения рабочего места. Вместе с тем перечисление компетенций в вакансиях может усилить готовность руководителей инвестировать в человеческий капитал [9: 206]. Таким образом, существующая асимметрия знаний и навыков на рынке труда усиливается за счет разных представлений сторон о реальных и потенциальных возможностях искомой работы [13].

Согласно теории сигналов⁹ [14], информационная асимметрия приводит к ухудшению общего качества предложений определенного труда. Не исключается, что соискатели, сталкиваясь с усредненной оценкой квалификаций на рынке, могут снизить ожидания относительно возможности повысить квалификацию на конкретном месте. Для минимизации подобных рисков и ловушек работодателя часто публикуют объявления, объединяя элементы разных контрактов, что выражается, например, в указании «вилки» по оплате труда или начального, минимального, уровня.

⁸ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб. : Наука, 2007. 641 с.

⁹ Akerlof G. A. The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *Uncertainty in Economics. Readings and Exercises*. 1978. Pp. 237–251. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-214850-7.50022-X> ; Spence M. Job Market Signaling // *The Quarterly Journal of Economics*. 1973. Vol. 87, no. 3. Pp. 355–374. <https://doi.org/10.2307/1882010>

Некоторые авторы считают, что поскольку для выполнения конкретного набора трудовых задач, описанных в должностных обязанностях, требуются определенные компетенции работника, значит, между этими разделами текстов должны присутствовать отношения взаимодополняемости. Так, в одном из недавних докладов Института Мак-Кинзи говорится, что причина неэффективного найма – нечетко прописанные роли и обязанности внутри организационной структуры¹⁰. Тем не менее эмпирическое подтверждение наличия и характера подобных взаимосвязей остается ограниченным.

Должностная инструкция в настоящее время не только служит инструментом поиска наиболее подходящих работников, но и выполняет много функций внутри организации. Например, ее определяют как механизм, демонстрирующий незнающим людям, как правильно выполнять работу [14: 1]. Эксперты по управлению персоналом считают, что хорошо разработанные должностные инструкции являются современным средством управления человеческими ресурсами, включающим в себя планирование карьерных траекторий, обучение на рабочем месте и повышение квалификации [10: 35].

В дополнение к изложенному стоит отметить, что несоответствие между разделами текстов вакансий и резюме может свидетельствовать 1) о некачественной подготовке объявления о работе (по любым причинам)¹¹; 2) о незнании/непонимании руководителями специфики работы тех или иных специалистов; 3) о предвзятости (желании за меньшие деньги нанять более квалифицированного специалиста).

Таким образом, механизмы, а также оптимальные способы согласования компетенций (ориентированных на будущее и гибкость) и должностных обязанностей (описывающих конкретные текущие задачи) в рамках единого текста остаются недостаточно изученными. Необходимы дальнейшие исследования для разработки моделей, которые учитывают потребности организаций в четком определении ролей и задач для снижения рисков неэффективного найма и успешного функционирования организации.

Материалы и методы. Для ответа на поставленные исследовательские вопросы в 2019–2023 гг. был реализован автоматизированный сбор текстов резюме (1 460 684)¹² и вакансий (3 887 121) на сайтах HeadHunter, Работа в России, Zarplata.ru. Анализ материалов проводился на основе подходов Labor Market Intelligence и Text Mining¹³, которые предполагают разработку и применение фреймворков и алгоритмов искусственного интеллекта для обработки и анализа неструктурированной (свободно формируемой) информации (естественного языка).

Приведем в таблице 1 пример рассматриваемых разделов типичного объявления о работе.

¹⁰ Manyika J., Lund S., Chui M. at al. Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages : Report [Электронный ресурс] // McKinsey Global Institute. Available at: <https://clck.ru/3KKb5d> (accessed 06.11.2024).

¹¹ Chorpa Sh., Golab L. Job Description Mining to Understand Work-Integrated Learning [Электронный ресурс] // Proceedings of the 11th International Conference on Educational Data Mining. Conference Paper. 2018. Pp. 32–43. Available at: http://educationaldatamining.org/files/conferences/EDM2018/papers/EDM2018_paper_42.pdf (accessed 06.11.2024).

¹² Резюме за 2023 г. отсутствуют в базе данных.

¹³ Mezzanzanica M., Mercorio F. Big Data for labour market intelligence. An introductory guide : Report [Электронный ресурс] // European Training Foundation. 2019. Available at: <https://clck.ru/3KKhvm> (accessed 06.11.2024).

Т а б л и ц а 1. Набор компетенций и должностных обязанностей в объявлении о работе (вакансии) на сайте по поиску работы Headhunter (2023 г.)

Table 1. Set of competencies and job responsibilities in a job (vacancy) advertisement on a job search website Headhunter (2023)

Инженер-Технолог / Process Engineer От 120 000 Р на руки / from 120,000 rubles on hand Требуемый опыт работы: 3–6 лет. Полная занятость, полный день / Required work experience: 3–6 years. Full-time
<i>Обязанности / Job descriptions</i> – подбор оборудования водоочистки на основании результатов анализа исходной воды / selection of water treatment equipment based on the results of the source water analysis, – разработка принципиальных технологических схем / development of basic technological schemes, – подбор насосов, трубопроводов и прочего оборудования, необходимого для технологии / selection of pumps, pipelines and other equipment required for the technology, – подготовка сопроводительной документации, регламентов, паспортов и руководств по эксплуатации / preparation of supporting documentation, regulations, passports and operating manuals, – составление спецификаций / preparation of specifications, – выдача технических заданий смежным подразделениям / issuing technical assignments to related departments, – уточнение технического задания с представителями заказчика / clarification of the terms of reference with the customer's representatives, – подготовка коммерческих предложений / preparation of commercial proposals, – при необходимости помощь отделу продаж в проведении переговоров с заказчиком (техническая поддержка) / if necessary, assistance to the sales department in conducting negotiations with the customer (technical support)
<i>Требования / Competencies</i> – высшее техническое образование / higher technical education, – опыт работы в аналогичной должности от двух лет / at least two years of experience in a similar position, – знание нормативной базы / knowledge of the regulatory framework, – уверенный пользователь AutoCAD/КОМПАС-3D, 1С, MS Office, Битрикс 24 / confident user of AutoCAD/COMRAS-3D, 1C, MS Office, Bitrix 24, – хорошие коммуникативные навыки, доброжелательность, позитивный настрой / good communication skills, kindness, positive attitude, – грамотная устная и письменная речь / good oral and written communication skills, – пунктуальность / punctuality – внимательность / attentiveness, – навык командной работы / teamwork skills, – презентабельный и опрятный внешний вид / presentable and neat appearance, – стремление к обучению и развитию / commitment to learning and development, – готовность работать в режиме многозадачности / willingness to work in multitasking mode, – креативность / creativity, – умение писать технические статьи будет Вашим преимуществом / ability to write technical articles will be your advantage

Первый раздел (обязанности) указывает на трудовые задачи, второй (требования) содержит набор знаний, умений и навыков (компетенций), ожидаемых от кандидата (см. табл. 1). Аналогичное распределение характерно и для текстов резюме: в одном его разделе соискатель описывает трудовой опыт (соответствует разделу «обязанности» в вакансиях), в другом – приобретенные за время учебы и работы компетенции.

В исследовании разработана техническая методология, при помощи которой осуществлялись автоматизированный сбор, хранение и обработка текстов вакансий и резюме. Информация с сайтов предоставлялась в виде структур в форме json¹⁴. В процессе структурирования и последующей записи резюме обезличивались, дубликаты удалялись средствами записи более поздней по времени сущности¹⁵.

¹⁴ Официальная документация на формат представления информации сайта присутствует только на сайте HeadHunter, формат данных остальных сайтов устанавливался эмпирически.

¹⁵ Помимо этого со свободным текстом была проведена предобработка: удалены html-теги и спецпоследовательности (например, “ sp”, “@quot”).

Различия в структуре и терминологии собранных сведений обрабатывались следующим образом. Был сформирован дескриптор формата данных каждого сайта и поля, полученной с сайта сущности. При получении сущности с тем же идентификатором на источнике, но с более поздним временем корректировки ее информация обновлялась. Значения структурированных данных помещались в классификатор, в сущность записывался код по классификатору. Затем сформированный материал систематизировался. Для этого тексты делились на «фразы», каждая из которых рассматривалась в качестве отдельного документа¹⁶. Полный текстовый материал резюме и вакансий был разделен на четыре итоговые коллекции документов (рис. 1).

Вакансии (3 887 121) / Vacancies (3 887 121)	
Требования к соискателям (ед. документов) / Requirements for applicants (units of documents) 8 810 167	Должностные обязанности (ед. документов) / Job descriptions (units of documents) 19 969 446
Резюме (1 460 684) / Resumes (1 460 684)	
Знания, навыки (ед. документов) / Skills (units of documents) 8 810 167	Опыт работы (ед. документов) / Experience (units of documents) 7 480 509

Р и с. 1. Итоговые коллекции документов

F i g. 1. Summary collections of items

Каждому документу присваивался уникальный идентификатор, по которому осуществлялась его связь с набором из 3 594 формализованных или структурированных классификаторов. К формализованным были отнесены данные численного характера (например, заработная плата) и перечисляемого типа с заданным набором возможных значений (например, пол); к структурированным – поля перечисляемого типа, набор возможных значений которых четко не определен (например, профессия¹⁷). Последующая работа с коллекциями заключалась в выделении шаблонов компетенций и должностных обязанностей.

Особенность вычислений состояла в том, что они производились для объединенной совокупности документов, извлеченных одновременно из вакансий и резюме¹⁸. Как правило, подобные вычисления проводятся отдельно для каждого из массивов рассматриваемых текстов [15]. Однако нам было важно установить степень сопряженности сторон рынка труда в современной России.

Вычислительная архитектура для выделения шаблонов из записей включает в себя три блока (табл. 2).

Основным ограничением использованных алгоритмов и методов является высокая степень произвольности в создании текстов резюме и вакансий. Нередко рубрики понимаются авторами весьма свободно, в результате чего совместная

¹⁶ Manyika J., Lund S., Chui M. at al. Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages...

¹⁷ Классификаторы профессий существуют, но «работные» сайты не всегда их придерживаются.

¹⁸ Общепринятый подход – это раздельный анализ вакансий и резюме. Однако в данном случае стояла цель объединить документы, чтобы получить шаблоны с интерсубъективным смыслом интерпретаций имеющихся компетенций и должностных обязанностей для обеих сторон.

обработка разнородных данных неизбежно приводит к значительным погрешностям в результатах¹⁹.

Таблица 2. Автоматизированный анализ текстов резюме и вакансий, а также выделение шаблонов компетенций и трудовых задач

Table 2. Machine analysis of resume and job texts and highlighting of competency templates and work tasks

Этапы / Phases	Содержание этапа с указанием библиотек / Content of the phase with the indication of libraries
1. Машинная предобработка текстов на языке python / 1. Machine preprocessing of texts in Python	– разделение фразы на токены в исходной форме – <code>nltk.tokenize</code> (версия 3.9.1) / <code>splitting the phrase into tokens in the original form – nltk.tokenize (version 3.9.1)</code>, – приведение токена к нормальной форме – <code>pymorphy2</code> / <code>bringing the token back to normal form – pymorphy2</code>, – удаление стоп-слов / <code>removing stop words</code>, – выделение биграмм и триграмм – <code>gensim.phrases</code> / <code>highlighting bigrams and trigrams – gensim.phrases</code>, – результат токенизации записан в таблицу / <code>result of tokenization is recorded in the table</code>
2. Векторизация документов с использованием нейросетевой модели <code>doc2vec</code> / 2. Document vectorization using the <code>doc2vec</code> neural network model	– приписывание каждому токенизированному документу числового вектора (реализация из библиотеки <code>gensim</code> версии 4.3.3) со следующими параметрами модели / <code>assigning a numeric vector to each tokenized document (implementation from the gensim library version 4.3.3) with the following model parameters</code>: – количество компонент вектора – 100 / <code>number of vector components is 100</code>, – используются токены, встречающиеся минимум 10 раз / <code>tokens that occur at least 10 times are used</code>, – количество итераций обучения – 10 / <code>number of training iterations is 10</code>, – результат векторизации помещен в таблицу / <code>result of vectorization is placed in the table</code>
3. Решение задач / Problem solving:	
1) кластеризация выборки данных с использованием алгоритмов «без учителя» / <code>clustering of a data sample using unsupervised algorithms</code> ,	1) одновременное исполнение: / <code>simultaneous execution</code>: – иерархической модели кластеризации (алгоритм <code>hdbscan</code> из одноименной библиотеки в версии 0.8.40) с параметрами модели / <code>using a hierarchical clustering model (hdbscan algorithm from the library of the same name in version 0.8.40) with model parameters</code>: – минимальный размер кластера – 10 / <code>minimum cluster size is 10</code>, – порог образования нового кластера (параметр <code>min_samples</code>) – 5 / <code>threshold for the formation of a new cluster (min_samples parameter) is 5</code> и / <code>and</code>
2) классификация (на основе обученной модели) / <code>classification (based on the trained model)</code>	– статистической модели тематического моделирования (LDA) с параметрами модели / <code>statistical model of thematic modeling (LDA) with model parameters</code>: – ручной подбор количества тем – 50²⁰ / <code>manual selection of the number of topics – 50</code>; 2) обученная модель использовалась для многоклассовой классификации фраз, не вошедших в выборку / <code>trained model was used for multiclass classification of phrases that were not included in the sample</code>

¹⁹ Были предприняты шаги по нормализации вычисляемых моделей. Например, векторизация документов реализовывалась одновременно с привлечением двух методов LDA и Doc2Vec [16]. Внутренним ограничением LDA выступает его перенасыщение при количестве тем больше 30. С запасом было выбрано 50. Для Doc2Vec также эмпирически было выбрано количество компонент результирующего вектора, равное 50. Таким образом, на вход кластеризации подавались 100-компонентные векторы. Ключевые метрики кластеризации текстов показали средние результаты. К ним были отнесены две: во-первых, оценке подлежал уровень шума, который рассчитывался как доля элементов, не попавших ни в один кластер. Во-вторых, использовалась силуэт-оценка, которая демонстрирует меру усредненной обособленности кластеров. Эти параметры в модели кластеризации подбирались так, чтобы минимизировать первую оценку и максимизировать вторую. В результате значения метрик качества в модели кластеризации коллекции документов, включавших в себя компетенции, принесли неплохой результат: уровень шума 15 %, коэффициент силуэта – 0,3. Намного хуже результат был по коллекции документов с трудовыми задачами, где уровень шума составил 80 %, а коэффициент силуэта – 0,2.

²⁰ В связи с высокой ресурсоемкостью свободного текста кластеризация выполнялась на ограниченной выборке размером 1 000 000 документов. В итоговый набор кластеров вошли не все записи, а только приписанные алгоритмом к какому-либо кластеру и не отсеянные как шум.

В итоге было получено 2 418 уникальных кластеров²¹, из которых 750 единиц относятся к компетенциям и 1 668 к трудовым обязанностям (табл. 3).

Таблица 3. Количество кластеров в коллекциях

Table 3. Number of clusters in collections

Коллекция / Collection	Содержание коллекций / Contents of collections	Количество кластеров / Number of clusters
1 (10 139 825 документов / documents)	– требования к соискателям в вакансиях / competence for applicants in vacancies, – знания, навыки в резюме / knowledge, skills in resume	750
2 (27 449 955 документов / documents)	– должностные обязанности в вакансиях / job responsibilities in vacancies, – опыт работы в резюме / work experience on resume	1 668

Результаты исследования. В таблице 4 представлена таксономия компетенций из коллекции документов 1²².

Таблица 4. Таксономия компетенций соискателя на российском рынке труда (2019–2023 гг.)

Table 4. Taxonomy of job seeker competencies in the Russian labor market (2019–2023)

Группы / Groups	Примеры компетенций / Examples of competencies	Количество кластеров / Number of cluster ²³
1	2	3
Опыт работы / Job experience	Опыт работы на определенной (аналогичной) должности, в определенной сфере и пр. / Job experience in a certain (similar) position, in a certain field, etc.	136
Содержание трудовой деятельности / Content of labor activity	Работа с информацией, обследование, разработка, строительство, ремонт, взаимодействие с клиентами, бухгалтерия, безопасность, контроль, ликвидация аварий, делопроизводство, управление / Information management, survey, development, construction, repair, customer interaction, accounting, safety, control, accident elimination, office management, management	114
Профессиональные навыки / Professional skills	Знание продуктов, рынков; умение вести переговоры; знание документации; владение методами, схемами, принципами работы; знание техники, устройств, механизмов; владение языками, терминологией / Knowledge of products, markets; ability to negotiate; knowledge of documentation; knowledge of methods, schemes, principles of operation; knowledge of technology, devices, mechanisms; knowledge of languages, terminology	101
Дисциплина труда / Discipline	Ответственность, исполнительность, внимательность, аккуратность, пунктуальность, трудолюбие, дисциплинированность / Responsibility, efficiency, attentiveness, accuracy, punctuality, diligence, discipline	72

²¹ 85 % записей, отсеянных в ходе машинного обучения в качестве шума, не подлежали дальнейшему анализу.

²² Каждому кластеру присваивалось имя, максимально приближенное к языку текста документов. В результате 732 идентифицированных кластера были объединены в 55 компетенций (второй слой). Они, в свою очередь, снова группировались. Полученная таксономия насчитывает 14 укрупненных групп. Она объединяет тексты вакансий и резюме, суммирует все профессии и виды деятельности, соответствует языку анализируемых текстов и представляет усредненные данные за весь период времени с 2019 по 2023 г.

²³ Число кластеров указывает на размер каждой выделенной группы. Однако необходимо принимать во внимание, что сами кластеры также отличаются по объему наполнения фразами. Поэтому группы не ранжируются только по количеству кластеров. В таблице группы упорядочены для удобства визуализации.

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3
Уровень образования / Education level	Среднеспециальное, высшее, профильное / Secondary specialized, higher, specialized	67
Цифровые навыки / Digital skills	Владение ПК, специализированное ПО, цифровая техника, интернет, языки программирования / PC skills, specialized software, digital technology, Internet, programming languages	54
Общекультурные качества / General cultural qualities	Общительность, коммуникабельность, активность, позитивность, гостеприимство, инициативность, доброжелательность, приветливость, грамотность, порядочность, честность / Sociability, communication skills, activity, positivity, hospitality, initiative, friendliness, friendliness, literacy, decency, honesty	32
Мотивация и вовлеченность / Motivation and engagement	Работа на результат, целеустремленность, карьерный рост, развитие в профессии / Results-oriented, goal-oriented, career growth, development in the profession	27
Формальное подтверждение компетенции / Formal confirmation of competence	Удостоверения, дипломы, права, квалификационные разряды, категории, разрешения, допуски, военный билет / Certificates, diplomas, rights, qualification grades, categories, permits, military ID	26
Навыки работы с оборудованием и инструментами / Skills in working with equipment and tools	Пользование оборудованием, инструментарием, навыки работы с приборами / Use of equipment, tools, instrument handling skills	11
Обучаемость / Learning ability	Восприятие и усвоение новой информации, запоминание, узнавание / Perception and assimilation of new information, memorization, recognition	11
Мобильность / Mobility	Готовность к командировкам, вахтовый метод, нестандартный режим / Readiness for business trips, shift method, non-standard mode	9
Обеспеченность собственным оборудованием / Availability of own equipment	Наличие видео-, аудиоустройств, компьютерной техники, доступа в Интернет, смартфона, личного транспорта, инструментов / Availability of video and audio devices, computer equipment, Internet access, smartphone, personal transport, tools	5
Гибкость / Flexibility	Гибкость, адаптивность / Flexibility, adaptability	5

В таблице 5 приведена таксономия должностных обязанностей из коллекции 2²⁴.

Т а б л и ц а 5. Таксономия должностных обязанностей на российском рынке труда (2019–2023 гг.)

Table 5. Taxonomy of job responsibility groups in the Russian labor market (2019–2023)

Группы / Groups	Примеры должностных обязанностей / Examples of job responsibilities	Количество кластеров / Number of clusters
1	2	3
Технические работы / Technical work	работа в производственном цеху; проектирование; обслуживание зданий и техники, оборудования, линий, сетей; покраска и реставрация; очистка / work in the production workshop; design; maintenance of buildings, machinery, equipment, lines, networks; painting and restoration; cleaning	109

²⁴ Из 1 668 кластеров были сформированы 423 должностные обязанности, которые затем обобщены в 29 укрупненных групп.

Продолжение табл. 5 / Continuation of the table 5

1	2	3
Работа с документацией / Working with documentation	подготовка, проверка и сдача документации и отчетности, ведение архива, оформление заказов, актов и счетов, договоров, заявок, инструкций / preparation, verification and submission of documentation and reports, archive management, execution of orders, acts and invoices, contracts, applications, instructions	78
Низкоквалифицированная работа / Low-skilled work	перевозка грузов, выполнение заявок, работа на кассе и в зале, доставка, консультирование клиентов, выкладка товара, выдача документов, уход, уборка / cargo transportation, execution of requests, job at the checkout and in the hall, delivery, customer consultation, product display, document issuance, care, cleaning	73
Работа с клиентами / Client interaction	консультирование, обслуживание, сопровождение, взаимодействие, ведение, информирование, помощь, общение, оформление, запись / consulting, service, support, interaction, conducting, informing, assistance, communication, registration, recording	64
Управление и организация / Management and organization	организация работы, мероприятий, занятий, процессов, досуга, питания, управление филиалом, магазином, командой и т. д. / organization of work, events, classes, processes, leisure, catering, branch, store, team management, etc.	61
Контроль и надзор / Control and supervision	проверки, обеспечение соблюдения трудовой дисциплины, контроль за техническим состоянием, инвентаризация, инспекция, мониторинг тендеров, проверка документов / inspections, ensuring compliance with labor discipline, technical condition control, inventory, inspection, monitoring of tenders, document verification	46
Опыт работы / Work experience	стаж и опыт работы / length of service and work experience	33
Бухгалтерия и финансы / Accounting and finance	учет реализации товаров, операций; бухгалтерия; кассовая, налоговая отчетность; расчет заработной платы / accounting of sales of goods, transactions; bookkeeping; cash, tax reporting; payroll	30
Аналитическая работа / Analytical work	аналитика на предприятии, анализ рынка, планирование, разработка проектов, визуализация, создание базы, решение сложных вопросов / enterprise analytics, market analysis, planning, project development, visualization, database creation, solving complex issues	28
Коммуникации / Communications	ведение переговоров, развитие сети, выстраивание взаимодействия с сотрудниками, организацией, партнерами и руководством / conducting negotiations, developing a network, building interaction with employees, the organization, partners and management	25
Кадровая работа / HR	учет личного состава, обучение и адаптация новых сотрудников, оформление, отпуск, увольнение сотрудников, проведение собеседований / personnel accounting, training and adaptation of new employees, registration, vacation, dismissal of employees, conducting interviews	21
Цифровые навыки / Digital skills	работа с сайтами, знание программ ПК / working with websites, knowledge of PC programs	21
Продажи / Sales	продажа продукции, услуг, холодные звонки, развитие продаж / sale of products, services, cold calls, sales development	19
Уборка и поддержание рабочего места / Cleaning and maintenance of the workplace	поддержание чистоты и порядка на рабочем месте, уборка производственных помещений, территории / maintaining the cleanliness and order of the workplace, cleaning of industrial premises, territories	17
Достижение результатов / Achieving results	выполнение планов продаж, показателей бизнеса, достижение целей / execution of sales plans, business indicators, achievement of goals	14
Мягкие навыки / Soft skills	профессионализм, работа в команде, внимание к деталям, оптимизм и находчивость, ответственность / professionalism, teamwork, attention to detail, optimism and resourcefulness, responsibility	14

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3
Поиск / Search	поиск новых поставщиков, клиентов, партнеров, расширение клиентской базы / search for new suppliers, clients, partners, expansion of the customer base	14
Планирование / Planning	стратегическое планирование, планирование и организация / strategic planning, planning and organization	13
Обучение / Training	использование методов обучения, реализация образовательных программ, организация обучения, проведение учебных занятий / use of teaching methods, implementation of educational programs, organization of training, conducting training sessions	12
Уровень образования / Education level	высшее образование, дополнительное профессиональное образование, среднее профессиональное образование, наличие профессионального разряда / higher education, additional professional education, secondary professional education, professional level	10
Соблюдение норм и правил / compliance with rules and regulations	выполнение работы в соответствии с должностной инструкцией, исполнение законодательных требований, правил техники безопасности / performing work in accordance with the job description, complying with legal requirements, and safety regulations	10
Реклама и маркетинг / Marketing	рекламная компания и маркетинг, работа с брендом / advertising company and marketing, working with a brand	9
Руководство / Management	руководство деятельностью, отделом, группой / management of activities, department, team	9
Юридические услуги и консалтинг / Legal services and consulting	взаимодействие с контролирующими организациями / interaction with regulatory organizations	8
Знание основ деятельности и стандартов / Knowledge of business fundamentals and standards	знание стандартов, нормативных актов, теоретических основ, современной технологии / knowledge of standards, regulations, theoretical foundations, modern technology	7
Физическая работа / Physical job	ручная работа, разгрузка и погрузка, перемещение чего-либо (цех), упаковка, фасовка / manual work, unloading and loading, moving something (workshop), packing, packing	7
Презентация / Presentation	подготовка и презентация продукции / product preparation and presentation	6
Участие в мероприятиях / Participation in events	участие в мероприятиях / participation in events	4
Владение ресурсами / Ownership resources	наличие личного транспорта / personal transportation	3

В таксономии компетенций наиболее распространенными оказались опыт работы, содержание трудовой деятельности и профессиональные навыки (см. табл. 4), а в таксономии должностных обязанностей – технические работы, работа с документацией, низкоквалифицированная и работа с клиентами²⁵ (см. табл. 5).

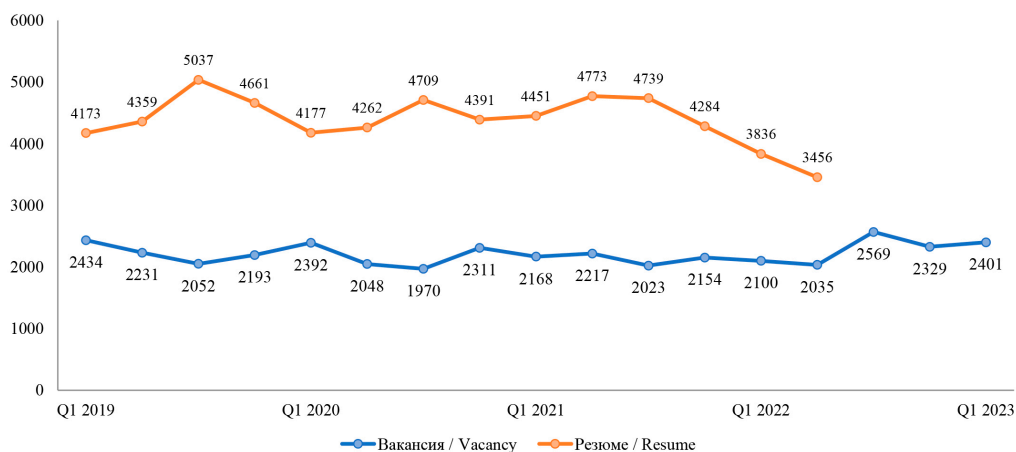
²⁵ Рассчитывалась как доля от общего количества выделенных кластеров; позволяет составить первое впечатление о плотности рынка труда. Более глубокий анализ должен также содержать учет количества вхождений фраз в каждый кластер, что не было целью данного исследования.

Сопоставление данных разделов показало, что содержательно они преследуют разные цели. Они соответствуют в части описания опыта работы, образования, мягких навыков и цифровых компетенций. Спектр указываемых должностных обязанностей шире в резюме. То же касается и компетенций, за исключением дисциплины труда, наличия формального подтверждения компетенций, гибкости, навыков работы с оборудованием и инструментами.

Соискатели в отличие от работодателей акцентируют внимание на конкретных профессиональных навыках, содержании трудовой деятельности, уровне образования, мотивации и вовлеченности. Это свидетельствует о том, что для работников выгодно представить себя на рынке труда – важная задача. Однако сопряженность сторон рынка труда по заявляемым компетенциям и должностным обязанностям низкая.

Отметим, что тексты резюме выглядят более конкретизированными, чем тексты вакансий. Для сравнения интенсивности упоминания в рассматриваемых материалах из 423 идентифицированных должностных обязанностей были отобраны 168, которые либо чаще других упоминаются, либо являются относительно новыми.

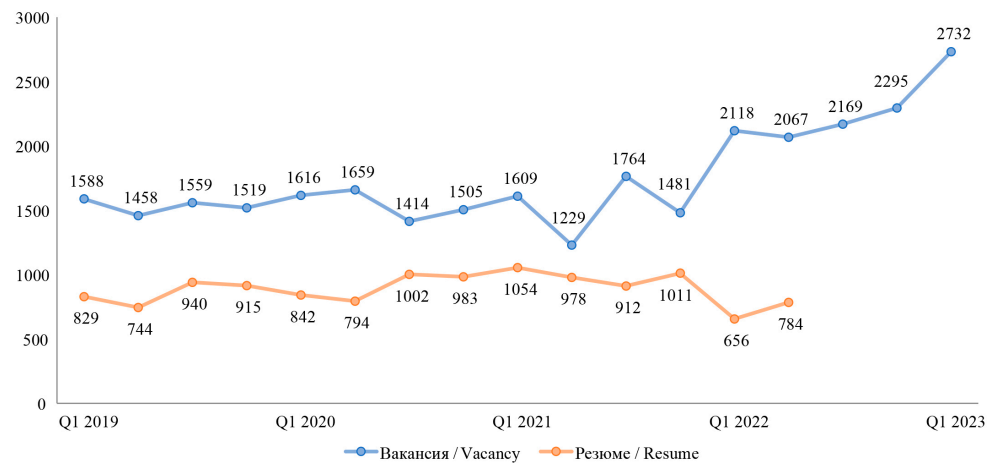
В качестве примера рассмотрим частоту выявления обязанностей «ведение документации» (рис. 2) и «профессионализм» (рис. 3). Первая относится к наиболее упоминаемым и типичным в трудовой деятельности. Однако ее указывают в основном соискатели.

Р и с. 2. Частота упоминаний должностной обязанности «ведение документации» в резюме и вакансиях за период 2019–2023 гг.

F i g. 2. Frequency of references to the job description “Documentation management” in resumes and vacancies for the period 2019–2023

Должностная обязанность «профессионализм» (см. рис. 3), напротив, чаще встречается в текстах вакансий. Ориентация фирм на абстрактное описание деятельности затрудняет определение работы, которую предстоит выполнять кандидату на должность и повышает неопределенность в поиске занятости.

Р и с. 3. Частота упоминаний должностной обязанности «профессионализм» в резюме и вакансиях за период 2019–2023 гг.

F i g. 3. Frequency of references to the job description “Professionalism” in the resume and vacancies for 2019–2023

Среди 168 должностных обязанностей, которые востребованы работодателями, но не всегда присутствуют у соискателей, можно выделить 18 наиболее актуальных: поиск персонала; ремонт и обслуживание; поддержание позитивного отношения клиента; развитие продаж; выполнение должностных обязанностей и инструкций; обучение; инвентаризация; аналитика на предприятии; трудовой стаж; поддержание чистоты на рабочем месте; работа с базой данных клиентов; профессионализм; работа руками; высшее строительное образование; проведение проверки; консультирование клиентов в салонах; продажи; учет операций. Следует отметить, что большинство этих задач скорее относятся к компетенциям, нежели к обязанностям.

Существуют должностные обязанности, интерес к которым у работодателей со временем возрастает. Это ремонт и обслуживание оборудования, оказание помощи покупателю, монтаж систем и др. (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Динамика упоминаний групп должностных обязанностей по первым кварталам 2019–2023 гг.

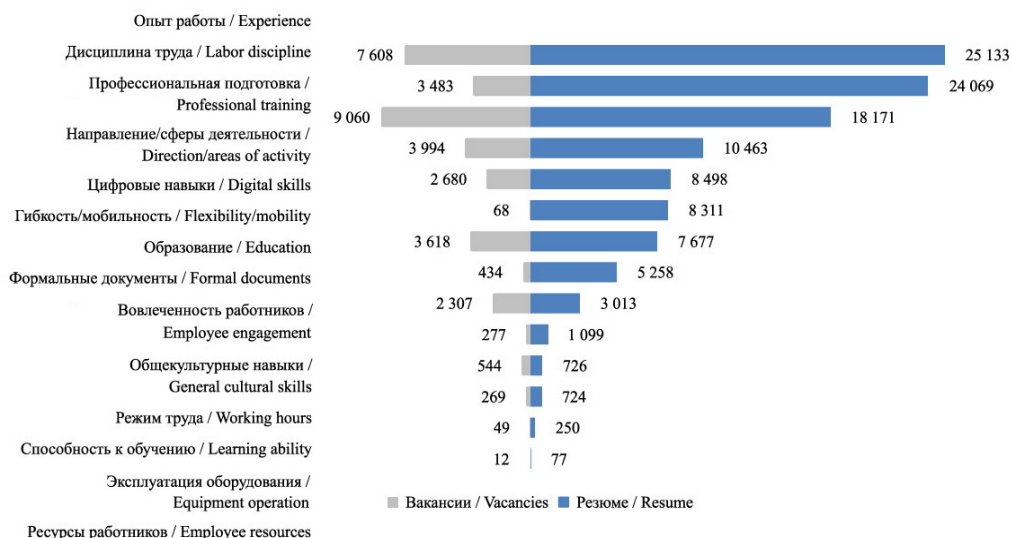
Table 6. Dynamics of mentions of job groups by first quarters of 2019–2023

Группы должностных обязанностей / Job responsibility groups	I квартал / I quarter				
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
1	2	3	4	5	6
Ремонт и обслуживание оборудования / Repair and maintenance of equipment	3 880	3 743	3 905	4 276	5 451
Обслуживание оборудования / Equipment maintenance	3 267	3 243	2 921	3 166	3 733
Разработка проектной документации / Development of project documentation	2 321	2 136	2 150	2 387	2 620
Составление договора / Contract drafting	1 219	1 250	1 354	1 521	1 572
Монтаж системы / System installation	1 199	1 131	1 319	1 234	1 443
Оказание помощи покупателю / Customer assistance	1 217	1 184	1 170	1 247	1 569
Контроль / Control	238	279	261	281	284

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4	5	6
Работа в производственном цеху / Work in the production workshop	145	216	261	235	253
Ремонт и настройка оборудования / Repair and calibration of equipment	172	206	244	204	192
Перевозка грузов / Transportation of goods	29	23	38	56	23
Расчет / Calculation	2	19	10	12	27
Организация эффективной работы / Organization of efficient operations	9	9	17	10	20

Наиболее востребованными в рассматриваемый период в вакансиях выступают такие компетенции соискателя, как опыт работы, дисциплина труда и профессиональная подготовка (рис. 4).

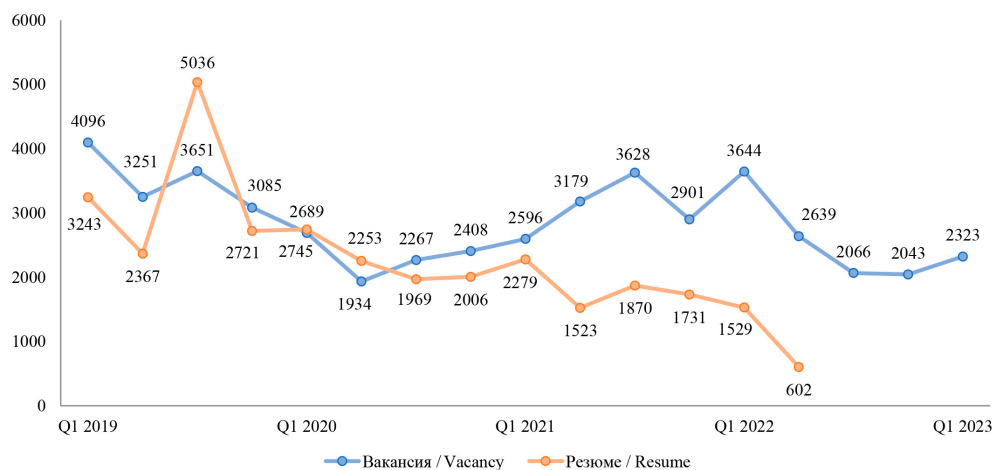
Р и с. 4. Диаграмма частоты упоминаний некоторых компетенций в текстах резюме и вакансий (2019–2023 гг.)

F i g. 4. Diagram of the frequency of mentions of competencies in the texts of resumes and vacancies (2019–2023)

В первой половине 2023 г. наиболее распространенным ожиданием работодателей по отношению к кандидатам на должности был опыт работы. При этом с 2022 г. в вакансиях стали реже упоминать дисциплину труда и профессиональную подготовку.

В резюме использование аналогичных характеристик выглядит так: опыт работы и профессиональная подготовка стабильно лидируют; дисциплина труда в 2022 г. по сравнению с 2019 упоминается гораздо чаще. В итоге, хотя опыт работы для трудоустройства, безусловно, признается главной компетенцией на рынке труда, количество его упоминаний сокращается.

Динамика представленности в текстах вакансий и резюме группы компетенций соискателя «цифровые навыки» показана на рисунке 5.

Р и с. 5. Частота упоминаний в резюме и вакансиях группы компетенций «цифровые навыки» за период 2019–2023 гг.

F i g. 5. Comparison of the group of digital competencies in resumes and vacancies in 2019–2023

Упоминание цифровых навыков преобладает в резюме. В 2019 г. разница еще не была заметной настолько, как в 2022 г. (см. рис. 5), т. е. с течением времени этот разрыв увеличивается. Таким образом, под вопросом оказывается сам процесс цифровизации труда работников [17].

Если рассматривать степень представленности компетенций отдельно в вакансиях и резюме, возникает довольно противоречивая картина: в вакансиях чаще всего упоминаются 15 характеристик специалиста, тогда как в резюме – 21 (табл. 7).

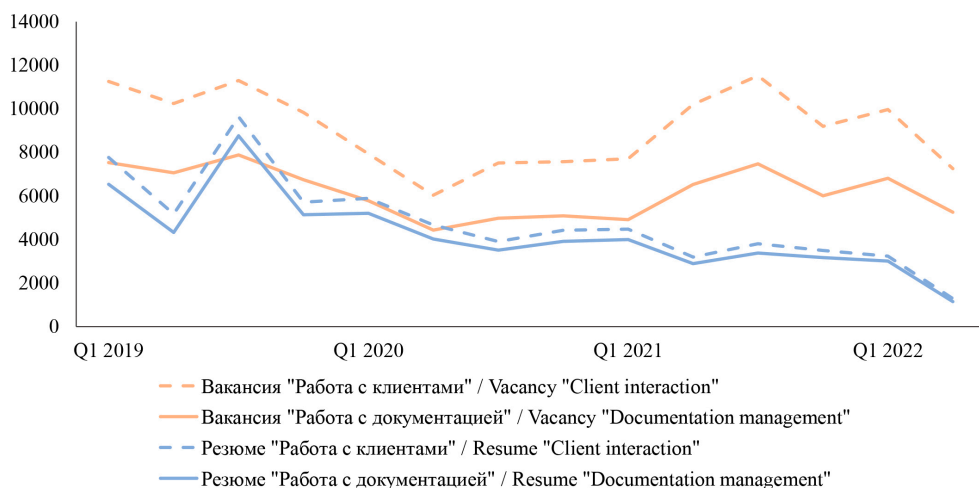
Т а б л и ц а 7. Позиционирование отдельных компетенций в вакансиях

Table 7. Positioning competencies in vacancies

Группы компетенций / Competency groups	Количество упоминаний / Number of mentions
Знание технологий, процессов и систем / Knowledge of technologies, processes and systems	14 391
Знание специализированного ПО / Knowledge of specialized software	9 412
Наличие специальных знаний / Availability of special knowledge	8 608
Высшее образование / Higher education	8 499
Удостоверения, дипломы, права / Certificates, diplomas, rights	6 003
Обслуживание оборудования, аппаратуры, системное администрирование / Equipment maintenance, hardware, system administration	5 437
Разные уровни владения ПК / Different levels of PC knowledge	2 480
Техническое и инженерное образование / Technical and engineering education	2 172
Сфера безопасности и контроля, ликвидация аварий, ЧП, ДТП / Sphere of safety and control, elimination of accidents, state of emergency, road accidents	2 080
Рабочие специальности / Working specialties	1 504
Проектная деятельность / Project activities	1 306
Квалификационные разряды, категории / Qualification categories	1 144
Взаимодействие с клиентами / Customer interaction	989
Знание нормативной и технической документации / Knowledge of regulatory and technical documentation	893
Владение техническими и естественными языками, терминологией / Proficiency in technical and natural languages, terminology	852

Снижение количества упоминаний должностных обязанностей в текстах вакансий совпадает с периодами экономических кризисов. Наибольшие спады наблюдались во втором квартале 2020 и 2022 гг., что соответствует локдауну и началу специальной военной операции (СВО).

В то же время рынок соискателей демонстрирует меньшую зависимость от внешних событий. Вместо резких колебаний здесь наблюдается постепенное снижение количества упоминаний в резюме должностных обязанностей. Эта динамика наглядно видна на примере упоминания в вакансиях категорий «работа с клиентами» и «работа с документацией» (рис. 6).

Р и с. 6. Динамика упоминаний должностных обязанностей «работа с клиентами» и «работа с документацией» в вакансиях и резюме, 2019–2023 гг.

F i g. 6. Volume of job descriptions in vacancies in the three most common groups, 2019–2023

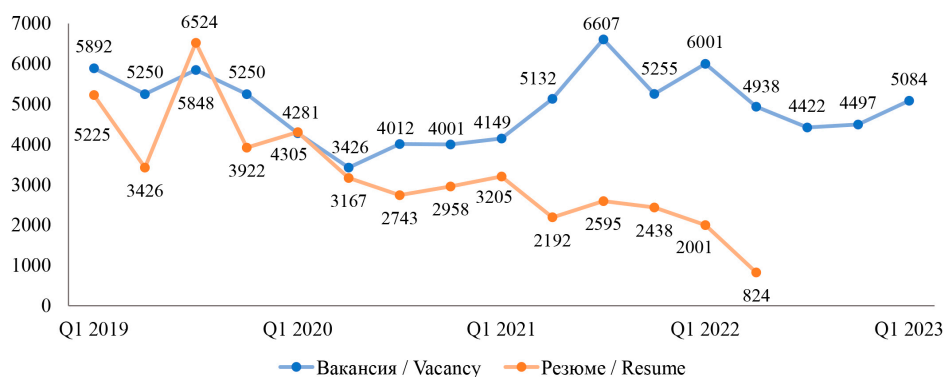
Сравнение динамики упоминаний должностных обязанностей указывает на то, что стороны рынка труда существуют на основании разной логики. Логика работодателя зависит от экономических реалий, а логика соискателя – от возможности поддерживать свои знания и навыки. Если какие-либо задачи перестают быть востребованными, то с течением времени они все реже звучат в предложении труда.

В исследуемый период рынок демонстрировал уверенное снижение по всем группам должностных обязанностей, за исключением физического труда. Для работодателей приостановка некоторых видов деятельности не является критической ситуацией, поскольку их можно быстро возобновить. Однако для соискателей восстановление трудовых навыков, связанное с восстановлением аналогичной занятости, представляет собой сложную задачу.

Динамика упоминаний должностных обязанностей в резюме и вакансиях показывает, что актуальность работы с клиентами снижается. С 2020 г. соискатели указывали соответствующие знания и умения гораздо реже, чем это требуется на рынке труда (см. рис. 6). Такая же ситуация с обязанностью «трудовой стаж». Одной из самых востребованных, несмотря на небольшие колебания в 2020 и 2022 гг., остается «работа с документами». При этом с 2021 г. наблюдается тенденция к снижению частоты ее указаний в резюме.

Сложным положением отличается группа «технические работы» (рис. 7).

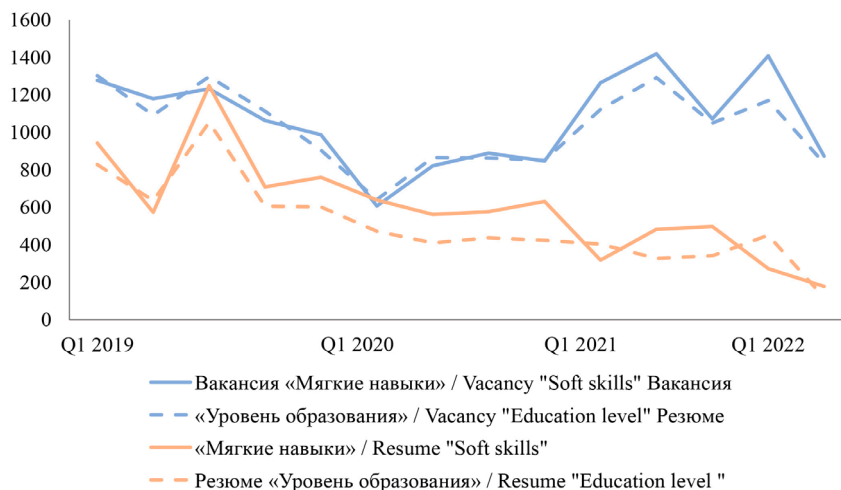

Р и с. 7. Сравнение динамики упоминаний должностных обязанностей группы «технические работы», 2019–2023 гг.

Fig. 7. Comparison of the evolution of mentions of the job category “technical work”, 2019–2023

В меньшей степени негативные эффекты присутствуют в случае низкоквалифицированной работы (опыт, как правило, не требуется), а также цифровых навыков, которые активно развиваются в условиях цифровой трансформации общества.

Таким образом, в рассматриваемый период времени рынок труда можно охарактеризовать как «падающий» в аспекте снижения уровня профессионализма и квалификации соискателей. Последние сократили упоминание практически всех значимых трудовых умений и навыков, включая мягкие навыки, а также уровня образования (рис. 8).

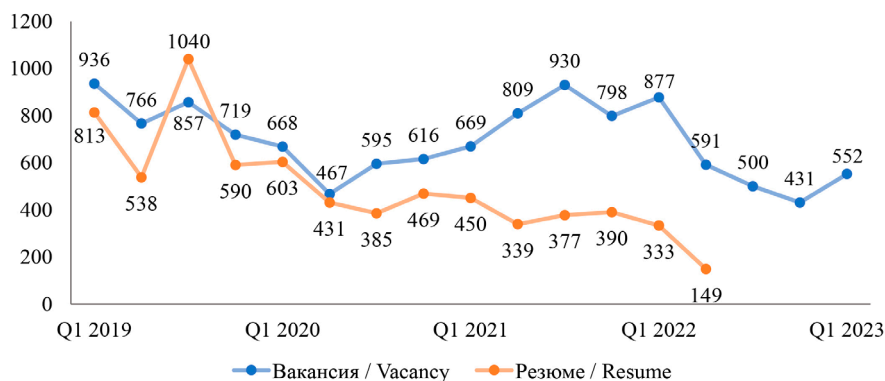
Р и с. 8. Динамика упоминаний должностных обязанностей «мягкие навыки» и «уровень образования» в вакансиях и резюме, 2019–2023 гг.

Fig. 8. Trends in job citations for soft skills and education level in job openings and resumes, 2019–2023

Рост заработной платы и достижение почти полной занятости подтверждают негативную динамику²⁶: в условиях дефицита квалифицированных кадров компании стремятся привлечь и удержать необходимых специалистов за счет повышения оплаты труда и организации обучения на местах. В сфере образования наблюдается так называемое двойное падение: не только предложение, но и спрос на формальное образование со стороны работодателей существенно сократился (см. рис. 8).

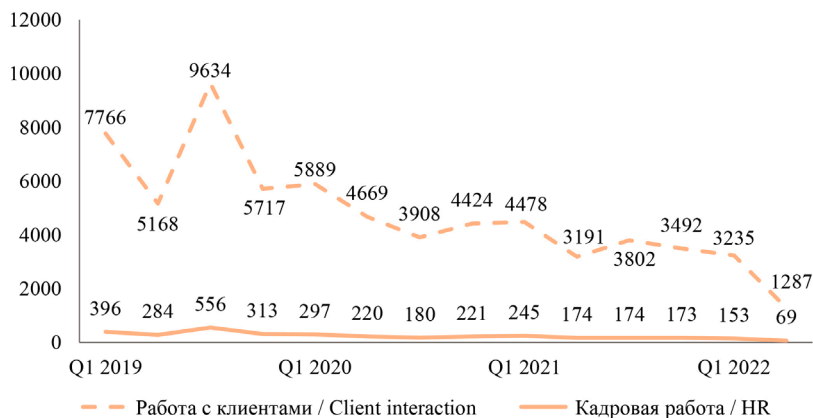
Также негативную динамику демонстрируют новые виды работ. На фоне относительно стабильного спроса на аналитику предложение такого труда в резюме снизилось (рис. 9), хотя до 2020 г. оно было высоким и даже превышало спрос.

Таким образом, для всех 29 групп должностных обязанностей наблюдается снижение трудового опыта со стороны соискателей. Однако динамика групп неодинакова: часто упоминаемые обязанности подвержены колебаниям экономики, менее востребованные – реагируют слабее (рис. 10).

Р и с. 9. Сравнение динамики упоминаний должностных обязанностей группы «аналитическая работа», 2019–2023 гг.

F i g. 9. Comparison of the evolution of mentions of job duties in the group “analyst”, 2019–2023

Р и с. 10. Сравнение динамики упоминаний высоко- и низковостребованных групп должностных обязанностей, 2019–2022 гг.

F i g. 10. Comparison of trends in high-demand and low-demand job categories, 2019–2022

²⁶ Росстат оценил рост зарплат в 2024 г. в 9,1 % в реальном выражении [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1012173> (дата обращения: 20.03.2025).

Обсуждение и заключение. Рынок труда существует на основании ограниченной рациональности. И работодатели, и соискатели плохо понимают, какие функции выполняют разделы резюме и вакансий. Работодатели склонны к расплывчатым, излишне широким, формулировкам при описании должностных обязанностей, хотя именно этот раздел формирует у соискателя первое представление о компании и деятельности.

В представлениях о работе будущего стороны рынка солидарны в той части, что наиболее востребованными окажутся специалисты в области технологий, процессов и систем, знания специализированного программного обеспечения, обслуживания оборудования, безопасности и контроля, проектной деятельности. На рынке труда останется востребованным высшее образование, особенно в технической и инженерной областях. Разница между современными и будущими потребностями в кадрах весьма ощутима, поскольку сегодня они сконцентрированы в сфере работы с клиентами, продаж, обучения, инвентаризации, строительства и неквалифицированной работы.

На российском рынке труда при подборе специалистов существенной выступает проблема коммуникации. Многие компетенции и должностные обязанности в текстах резюме и вакансий не согласованы. Для соискателей поиск работы остается экзистенциальной сферой, которой необходимо уделять максимум внимания. При этом количество компетенций и разнообразный опыт не позволяет работодателям определить их качество. В большой мере кандидаты на должность ориентируются на тексты вакансий. Если в них потребности в определенных знаниях, умениях и навыках сокращаются, соискатели также склонны их реже указывать. Данный тренд – на спад профессиональных знаний и навыков – негативный сигнал для экономики страны.

С конца 2020 года в объявлениях о работе наблюдается снижение частоты упоминания таких должностных обязанностей, как управление торговой точкой, реализация продукции, проведение инвентаризации. В 2022 году резкий спад зафиксирован относительно ряда позиций данной категории: трудового стажа, обучения и адаптации персонала, работы с заявками; информирования, консультирования и обслуживания клиентов, работы в команде, консультирования по продуктам, аналитики на предприятии, реализации образовательных программ, контроля и пополнения товаров в зале, работы с покупателями, доставки товаров до торговой точки, знания ПК, координации работы. Указание одних видов деятельности сокращается постепенно, других – резко, что связано с изменением социально-экономической ситуации в стране, включая СВО и пандемию.

Анализ текстов вакансий и резюме имеет преимущества и ограничения. С одной стороны, он позволяет содержательно дополнить текущие статистические показатели рынка труда, с другой, – применение нейросетевых и машинных алгоритмов отличается сложностью представления и интерпретации полученных результатов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в международном сравнении и сопоставительном анализе региональных рынков труда. Насколько российский рынок будет соотноситься с общемировыми образцами, во многом зависит от регулирования на местах. Развитие hr-служб крупных компаний, рекрутинговых агентств, обучение поиску работы и составлению резюме, иначе говоря,

сбалансированное развитие региональной экосистемы подбора персонала является важной задачей как для оптимального размещения рабочей силы в стране, так и для поддержания востребованных в экономике профессиональных знаний и навыков соискателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Garousi V., Giray G., Tüzün E., Catal C., Felderer M. Aligning Software Engineering Education with Industrial Needs: A Meta-Analysis. *Journal of Systems and Software*. 2019;(156):65–83. <https://doi.org/10.1016/j.jss.2019.06.044>
2. Колесникова Е.М., Куденко И.А. Интерес к STEM-профессиям в школе: проблемы профориентации. *Социологические исследования*. 2020;(4):124–133. <https://doi.org/10.31857/S013216250009117-1>
Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. Interest in STEAM Professions at School: Problems of Career Guidance. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(4):124–133. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009117-1>
3. Сизова И.Л., Русакова М.М., Александрова А.А. Рынок труда соискателей и трения в поиске работы на современных онлайн-платформах. *Экономическая социология*. 2022;23(5):45–77. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-45-77>
Sizova I.L., Rusakova M.M., Alexandrova A.A. The Job Seekers Market and the Frictions of Finding Jobs on Online Platforms. *Journal of Economic Sociology*. 2022;23(5):45–77. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-45-77>
4. Гимпельсон В.Е. Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые последствия его перераспределения. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022;55(3):234–238. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-16>
Gimpelson V.E. Russian Human Capital in Times of Sanctions and Countersanctions: Some Redistributive Implications. *Journal of the New Economic Association*. 2022;55(3):234–238. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-16>
5. Коковихин А.Ю. Управление компетенциями в региональной экономической политике стран ОЭСР и Европейского союза. *Управленец*. 2020;11(5):81–96. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-5-7>
Kokovikhin A.Yu. Skills Management in Regional Economic Policy of the OECD and the EU Member Countries. *The Manager*. 2020;11(5):81–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-5-7>
6. Noordegraaf M., Schinkel W. Professionalism as Symbolic Capital: Materials for a Bourdieusian Theory of Professionalism. *Comparative Sociology*. 2011;(10):67–96. <https://doi.org/10.1163/156913310X514083>
7. Сизова И.Л., Орлова Н.С., Елагина Е.Д. Компетентность работников в условиях социально-экономической неопределенности. *Социологический журнал*. 2023;29(4):31–55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.4.2>
Sizova I.L., Orlova N.S., Elagina E.D. Employee Competence in Conditions of Socio-Economic Uncertainty. *Sociological Journal*. 2023;29(4):31–55. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.4.2>
8. Medaris A. What Do People Really Want in Their Work? Meaning and Stability. *Monitor on Psychology*. 2024;55(1):64. Available at: <https://www.apa.org/monitor/2024/01/trends-meaning-stability-workplaces> (accessed 06.11.2024).
9. Hawkes C.L., Weathington B.L. Competency-Based Versus Task-Based Job Descriptions: Effects on Applicant Attraction. *Journal of Behavioral and Applied Management*. 2014;15(3):190–211. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/2014-36174-004> (accessed 6.11.2024).
10. Switasarra A.V., Astanti R.D. Literature Review of Job Description: Meta-Analysis. *International Journal of Industrial Engineering Management (IJEEM)*. 2021;3(1):33–41. <https://doi.org/10.24002/ijicem.v3i1.4923>

11. Hirudayaraj M., Baker R., Baker F., Eastman M. Soft Skills for Entry-Level Engineers: What Employers Want. *Education Sciences*. 2021;11(10):641. <https://doi.org/10.3390/educsci11100641>
12. Pato B.Sz.G. Formal Options for Job Descriptions: Theory Meets Practice. *Journal of Management Development*. 2017;36(3):1008–1028. <https://doi.org/10.1108/JMD-01-2016-0019>
13. Fitzpatrick E.L., Askin R.G. Forming Effective Worker Teams With Multi-Functional Skill Requirements. *Computer and Industrial Engineering (CAIE)*. 2005;48(3):593–608. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2004.12.014>
14. Raju K.K., Banerjee S. A Study on Job Description and its Effect on Employee Performance: Case of Some Selected Manufacturing Organizations in the City of Pune, India. *International Journal of Latest Technology in Engineering, Management and Applied Science (IJLTEMAS)*. 2017;6(2):1–10. Available at: <https://www.ijltemas.in/DigitalLibrary/Vol.6Issue2/01-10.pdf> (accessed 06.11.2024).
15. Комарова Л.А., Соловьев В.И., Колосов А.М. Сравнение языковых моделей в задаче извлечения навыков из вакансий и резюме. *Современные информационные технологии и ИТ-образование*. 2024;20(1):157–163. <http://doi.org/10.25559/SITITO.020.202401.157-163>
Komarova L.A., Soloviev V.I., Kolosov A.M. Comparison of Language Models in Skills Extraction From Vacancies and Resumes. *Modern Information Technologies and IT-Education*. 2024;20(1):157–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25559/SITITO.020.202401.157-163>
16. Asudani D.S., Nagwani N.K., Singh P. Impact of Word Embedding Models on Text Analytics in Deep Learning Environment: A Review. *Artificial Intelligence Review*. 2023;(56):10345–10425. <https://doi.org/10.1007/s10462-023-10419-1>
17. Сизова И.Л., Карапетян Р.В., Орлова Н.С. Особенности цифровизации труда современных российских работников. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;(5):231–256. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2246>
Sizova I.L., Karapetyan R.V., Orlova N.S. Features of the Digital Work Culture of Modern Russian Workers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(5):231–256. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2246>

Об авторе:

Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5656-0670>, Researcher ID: [AAJ-7300-2020](https://orcid.org/0000-0001-5656-0670), Scopus ID: [56195417000](https://orcid.org/0000-0001-5656-0670), SPIN-код: [7517-3320](https://orcid.org/0000-0001-5656-0670), sizovai@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 11.11.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 25.01.2025.

About the author:

Irina L. Sizova, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Chair of Sociology, St. Petersburg State University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5656-0670>, Researcher ID: [AAJ-7300-2020](https://orcid.org/0000-0001-5656-0670), Scopus ID: [56195417000](https://orcid.org/0000-0001-5656-0670), SPIN-code: [7517-3320](https://orcid.org/0000-0001-5656-0670), sizovai@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author have read and approved the final manuscript.

Submitted 11.11.2024; revised 14.01.2025; accepted 25.01.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE,
SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES<https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.294-315><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/vohyji>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 316.4-057.875

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Социальное самочувствие и социальная справедливость
в оценках российской студенческой молодежи:
характер взаимосвязи в условиях новых вызововТ. М. Дадаева¹Н. П. Касаткина^{1,2}Н. В. Шумкова¹ ✉¹ Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск, Российская Федерация)² Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)
✉ niiregion@mail.ru

Аннотация

Введение. Обращение к теме социального самочувствия и восприятия социальной справедливости студенческой молодежью России актуализировано влиянием регионального неравенства (включая качество жизни) на жизненные траектории названной категории населения, потенциальными рисками социальной напряженности, а также недостаточной изученностью опосредующих механизмов взаимосвязи данных конструктов. Цель исследования – проанализировать компоненты социального самочувствия и характер их связи с представлениями о социальной справедливости у российских студентов в контексте региональных особенностей.

Материалы и методы. Проведено онлайн-анкетирование (октябрь-ноябрь 2024 г., $n = 1\,209$ студентов дневных отделений вузов) в четырех регионах с разным качеством жизни: Московской области, Татарстане, Мордовии, Калмыкии. Социальное самочувствие измерялось через индексы текущего благополучия, ожиданий от будущего, социального доверия и тревожности. Удовлетворенность социальной справедливостью оценивалась по 5-балльной шкале. Использовались дескриптивная статистика, корреляционный анализ, линейная регрессия и тест Собея для анализа медиации.

Результаты исследования. Сводный индекс социального самочувствия студенческой молодежи показал поляризацию: 54 % респондентов отнесены к категориям «хорошее»/«отличное» самочувствие, 18 % – к «плохое». В структуре социального самочувствия доминируют позитивные оценки текущего благополучия (84 %), в то же время социальное доверие демонстрирует более низкие показатели (44 %). Выявлена сильная положительная корреляция между субъективным благополучием и восприятием социальной справедливости ($\rho = 0,63$; $p < 0,001$). Регрессионная модель ($R^2 = 0,216$; $p < 0,001$) подтвердила влияние социального доверия ($\beta = 0,220$), тест Собея – его опосредующую роль (29,2 % влияния). Региональная дифференциация нормативных представлений о справедливости коррелирует с объективным качеством жизни в регионах и социальным самочувствием студенческой молодежи.

© Дадаева Т. М., Касаткина Н. П., Шумкова Н. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Подтверждена связь социального самочувствия и восприятия справедливости. Низкий уровень социального самочувствия у 18 % молодежи и региональные различия актуализируют проблемы укрепления социального доверия, адресной поддержки уязвимых категорий студенческой молодежи и учета территориальной специфики. Перспективно изучение взаимосвязи социального самочувствия и представлений о справедливости в лонгитюдных исследованиях.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная справедливость, студенческая молодежь, социальное доверие, текущее благополучие, региональные различия, Россия

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FZRS-2024-0007) в рамках государственного задания.

Для цитирования: Дадаева Т.М., Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. Социальное самочувствие и социальная справедливость в оценках российской студенческой молодежи: характер взаимосвязи в условиях новых вызовов. *Регионоведение*. 2025;33(2):294–315. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.294-315>

Societal Well-Being Perceptions and Social Justice Assessments among Russian University Students: the Nature of the Relationship in the Context of New Challenges

T. M. Dadaeva^a, N. P. Kasatkina^{a,b}, N. V. Shumkova^a ✉

^a National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)

^b Scientific Center for Socio-Economic Monitoring
(Saransk, Russian Federation)

✉ niiregion@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of societal well-being perceptions and social justice assessments among Russian university students is necessitated by the impact of regional inequality (including quality of life) on youth life trajectories, potential risks of social tension, and insufficient research on the mediating mechanisms linking these constructs. The study aims to analyze components of societal well-being and the nature of their connection with conceptions of social justice among Russian students, along with regional characteristics of this interrelationship.

Materials and Methods. An online survey was conducted (October–November 2024; $n = 1.209$ full-time students) across four regions with differing quality of life: Moscow Oblast, Tatarstan, Mordovia, and Kalmykia. Societal well-being was measured through indices of social well-being, future expectations, social trust, and anxiety. Satisfaction with social justice was assessed on a 5-point scale. Descriptive statistics, correlation analysis, regression analysis, and the Sobel test were employed.

Results. The composite index of student societal well-being revealed polarization: 54 % of respondents were categorized as having “good”/“excellent” well-being, while 18 % reported “poor” well-being. Within the structure of societal well-being, positive assessments of current well-being predominated (84 %), whereas social trust demonstrated lower levels (44 %). A strong positive correlation was identified between subjective well-being and perceptions of social justice ($\rho = 0.63$; $p < 0.001$). The regression model ($R^2 = 0.216$; $p < 0.001$) confirmed the influence of social trust ($\beta = 0.220$), and the Sobel test verified its mediating role (accounting for 29.2 % of the effect). Regional differentiation in normative conceptions of justice was identified, correlating with the objective quality of life in the regions and the societal well-being of students.

Discussion and Conclusion. The connection between societal well-being and justice perceptions is confirmed. The low level of societal well-being among 18 % of youth and regional differences highlight the need to address challenges in strengthening social trust, providing targeted support for vulnerable student groups, and accounting for territorial specificities. Longitudinal studies of the relationship between societal well-being and justice conceptions present a promising research direction.

Keywords: social well-being, social justice, student youth, social trust, current well-being, regional differences, Russia

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This research was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, grant number FZRS-2024-0007, as part of the state research assignment of National Research Ogarev Mordovia State University.

For citation: Dadaeva T.M., Kasatkina N.P., Shumkova N.V. Societal Well-Being Perceptions and Social Justice Assessments among Russian University Students: : the Nature of the Relationship in the Context of New Challenges. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):294–315. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.294-315>

Введение. В современных условиях внешнеполитического напряжения, изменения внутренних процессов в стране возрастает актуальность измерения влияния последних на социальное самочувствие молодежи. Исследователи отмечают углубление социальной дифференциации в молодежной среде как по материальному положению, так и по обладанию образовательными и культурными ресурсами, необходимыми для старта и выстраивания жизненной траектории [1]. Качество высшего образования становится социально обусловленной привилегией, поскольку система стратифицируется, ограничивая доступность обучения в вузе для абитуриентов из наименее обеспеченных семей¹.

Ученые также выявляют влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости [2]. Студенчество, с одной стороны, обладает высоким потенциалом благодаря возрасту и образованию, но, с другой стороны, подвержено рискам социализации (по сравнению с трудящимися аналогичной возрастной категории) и жесткой конкуренции за привлекательные рабочие места.

Наше государство проводит активную социальную политику по поддержке молодежи, однако последняя сталкивается с целым рядом проблем по базовым аспектам качества жизни (в частности, по жилищной обеспеченности), возможностям социальной мобильности (доступности хороших рабочих мест, качественного образования и т. д.), что способствует возрастанию неудовлетворенности социальной справедливостью в обществе. Так, по данным И. С. Шаповаловой, И. Н. Валиевой, почти каждый третий представитель молодежи региона (Белгородская область, 2022 г.) в той или иной степени не удовлетворен уровнем социальной справедливости в обществе [3].

Одним из интегральных показателей субъективно-эмоциональной оценки восприятия молодежью социальных процессов в обществе выступает социальное самочувствие. Изучению социального самочувствия жителей России посвящено много работ, однако его эмпирическое измерение в контексте социальной справедливости рассматривается недостаточно. Практическая значимость подобного исследования обусловлена не только актуальностью методологической проблемы, связанной с выявлением наиболее значимых компонентов социального самочувствия молодежи, но и важностью анализа его детерминант.

Задачи настоящего исследования таковы: выявить компоненты социального самочувствия студенческой молодежи России, установить характер их связи с представлениями о социальной справедливости, определить силу прямого и опосредованного влияния этих компонентов на оценку справедливости, а также

¹ Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 78 с.

проанализировать региональную специфику представлений о социальной справедливости в условиях дифференциации качества жизни.

Обзор литературы. Многочисленные исследования рассматривают социальное самочувствие как комплексную категорию. Ученые активно разрабатывали теоретико-методологические подходы к ее пониманию и содержательному наполнению. В одних случаях в качестве важнейших показателей рассматривались субъективная оценка условий жизни, отношение к экономической политике и в целом к вектору развития страны, доверие к институтам и т. д. [4]; в других – акцент делался на субъективно-эмоциональном благополучии, измеряемом через удовлетворенность жизнью, уровни тревожности, социального оптимизма² [5; 6].

Среди комплекса факторов, определяющих социальное самочувствие, ведущую роль играет социально-экономическое неравенство [7; 8]. Как показано в ряде исследований, рост неравенства провоцирует статусную тревогу и подрывает веру в честность системы, что прямо влияет на субъективное ощущение благополучия³.

Социальное самочувствие молодежи имеет особенности. По сравнению с более старшими возрастными группами, «...молодые люди значительно чаще воспринимают свое социальное положение как высокое или среднее» [9: 36]. Доминирующее влияние при этом оказывает материальная составляющая: «...чем ниже уровень материального благосостояния, тем с большей тревогой и неуверенностью молодые люди смотрят в будущее» [10: 67]. Также значимы ситуация на рынке труда; перспективы трудоустройства и способность адаптироваться к изменяющимся условиям [11]; качество семейных отношений, которые «...обеспечивают социальный контекст, способствующий развитию здоровой личности, адекватных социальных компетенций и способности к социальной адаптации»⁴ [12: 49].

Социальную справедливость, как и социальное самочувствие, можно отнести к сложно измеряемым категориям ввиду многоаспектности (поскольку она может выступать интегральной оценкой всех элементов социальной системы), контекстуальности (оценки зависят от сложившихся в обществе институтов, норм и практик) и неустойчивости во времени в связи с изменением социально-политических и экономических отношений [13]. Она операционализируется через три аспекта: распределительный (справедливость доступа к ресурсам, таким как образование и здравоохранение), процессуальный, или процедурный, (фокусируется на процессе принятия решений о распределении благ) и интерактивный (предполагающий уважение в межличностных взаимодействиях) [14; 15].

Зарубежные и отечественные исследования подтверждают, что представления о социальной справедливости в общественном сознании тесно связаны с восприятием проблем неравенства, в частности дифференциации доходов и возможностей [16–18]; прозрачности функционирования институтов и реализации

² Лысухо А. С. Обзор российских исследований по теме социальное благополучие: основные исследования и результаты // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. С. 7–17. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.1>

³ Delhey J., Dragolov G. Why inequality makes Europeans less happy: The role of distrust, status anxiety, and perceived conflict // European sociological review. 2014. Vol. 30, no. 2. Pp. 151–165. <https://doi.org/10.1093/esr/jet033>

⁴ Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3 (311). С. 45–49.

принципа равенства перед законом⁵; соответствия/несоответствия нормативных представлений о должном устройстве общества наблюдаемым реалиям [19]; наличием эмоциональной поддержки в межпоколенческих взаимодействиях [20] и др.

Распределительная (дистрибутивная) справедливость гораздо чаще находится в фокусе внимания ученых. В современных работах рассматриваются три ключевых принципа распределения: эгалитаристский (достижение максимально возможного равенства), меритократический (справедливость по заслугам, индивидуальным достижениям), потребностный (удовлетворение базовых потребностей). В центре дистрибутивной концепции – два вида неравенства: достижительное (неравенство усилий) и аскриптивное (неравенство возможностей) [17; 21; 22]. Их соотношение в общественных представлениях определяет оценку социальной справедливости/несправедливости.

В основе неравенства лежит механизм сравнения. Так, в регионах с экстремально высоким индексом Джини ($> 0,5$) уровень счастья снижается даже при высоком валовом внутреннем продукте, хотя при средних значениях индекса его отрицательное влияние на уровень счастья не обнаруживается [23]. В то же время индивиды могут адаптировать ожидания, принимая неравенство как временное явление (концепция туннельного эффекта)⁶. В этом случае оно интерпретируется как сигнал будущих возможностей и у людей крепнет уверенность в наличии перспективы повысить свой статус. Поэтому меритократические общества более толерантны к неравенству.

Важно подчеркнуть, что кросс-культурные исследования выявляют вариации в предпочтениях как типов распределительной справедливости, так и факторов социального неравенства. Например, в Китае ключевым фактором неравенства возможностей выступает система регистрации (*hukou*) [17], а в России – доступ к образованию и первичному рынку труда [18].

Представления о справедливости неодинаковы в разных социальных группах, главным образом они зависят от возраста и уровня жизни [24]. Особенность представлений молодежи заключается в более лояльных по сравнению со взглядами старшего поколения оценках: «...наименее склонна оценивать российское общество как несправедливое именно группа наиболее молодых (14–17 лет), затем с возрастом вероятность такой оценки увеличивается» [18: 104; 25]. Максимально чувствительными аспектами социального неравенства для молодежи служат доступность жилья, получение качественного образования [16] и уровень доходов.

Современная российская молодежь считает социальную дифференциацию по заслугам справедливой, однако одновременно она ориентирована на государственное обеспечение равных стартовых возможностей [26]. Это отражает конфликт между индивидуалистическими ценностями и коллективистскими ожиданиями⁷.

⁵ Андреев В. Г. Методологические подходы и проблемы в изучении общественных взглядов на справедливость // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. ред. В. А. Мансуров. Тюмень : Российское общество социологов, 2020. С. 392–396.

⁶ Hirschman A. O., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix // Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87, no. 4. Pp. 544–566. Available at: <https://academic.oup.com/qje/issue/87/4> (accessed 25.12.2024).

⁷ Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26.

Таким образом, представления о социальной справедливости и социальное самочувствие индивидов достаточно изучены по отдельности и демонстрируют общность детерминирующих факторов. Во взаимосвязи эти категории также рассматриваются. В частности, выявлено, что социальная справедливость оказывает положительное влияние на физическое, гедонистическое и эвдемонистическое благополучие человека, его приверженность локальному сообществу⁸ [27].

В настоящем исследовании проанализирована обусловленность представлений студенческой молодежи о социальной справедливости рефлексивными компонентами социального самочувствия, а именно субъективными оценками текущего жизненного положения, характером прогностических ожиданий, устойчивостью социальных связей, доверием к социальным институтам и обществу, уровнем стресса и тревожности. Это позволяет существенно углубить содержательную интерпретацию факторов формирования представлений о справедливости.

Особую значимость такой анализ приобретает применительно к студенческой среде, для которой характерна высокая рефлексивность общественного сознания. Изучение указанных взаимосвязей открывает перспективы для понимания механизмов социальной стабильности через призму социального самочувствия различных слоев общества.

Материалы и методы. Настоящее исследование опирается на данные социологического опроса, проведенного в октябре-ноябре 2024 г. в четырех субъектах Российской Федерации. Их отбор осуществлялся по принципу контрастности социально-экономических показателей на основе рейтинга качества жизни⁹. Группу регионов с высокими показателями развития составили Московская область (74,3 балла, 3-я позиция) и Республика Татарстан (70,2 балла, 4-я позиция); с низкими – Республика Мордовия (47,2 балла, 50-я позиция) и Республика Калмыкия (31,2 балла, 79-я позиция)¹⁰.

Процедура формирования выборочной совокупности была реализована по многоступенчатой схеме. Первоначально осуществлялся целенаправленный отбор регионов, обеспечивавший максимальный контраст социально-экономических условий. На втором этапе в каждом субъекте определялись по два государственных университета (крупнейший классический вуз и ведущее профильное образовательное учреждение). Затем проводилось квотирование респондентов по направлениям подготовки с учетом реальной структуры данного контингента: общественные науки (44 %), медицинские специальности (37 %), инженерно-технические дисциплины (19 %). Финальный этап рекрутинга основывался на принципах доступной выборки (*convenience sampling*): опрашивались студенты дневных отделений, присутствовавшие на аудиторных занятиях в период сбора сведений и выразившие добровольное согласие на участие в опросе. Для коррекции части потенциального смещения от доступной выборки применялось постстратификационное взвешивание по полу и курсу обучения.

⁸ Summers J. K., Smith L. M., Harwell L. C., Buck K. D. The development of a human well-being index for the United States // *Quality of Life and Quality of Working Life* / Ed. by A. A. V. Boas. Liverpool, 2017. Available at: <https://www.intechopen.com/chapters/55349> (accessed 25.12.2024).

⁹ Итоговый рейтинг регионов России – 2023 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. URL: <https://ria.ru/20231225/itogi-1917517698.html> (дата обращения: 25.12.2024).

¹⁰ Там же.

Выборку исследования составили 1 209 респондентов – студентов дневных отделений вузов из четырех названных регионов. Социально-демографический профиль участников характеризуется следующими показателями: гендерным соотношением (юношей 52 %, девушек 48 %), возрастным распределением (младше 21 года – 59 %, 21 год и старше – 41 %), семейным статусом (состоят в официальном браке – 9 %, не зарегистрировали союз – 11 %, холосты – 80 %), образовательным уровнем (ступень бакалавриата – 55 %, специалитета – 45 %). Важными ограничениями выборочного дизайна, влияющими на интерпретацию и обобщаемость результатов, явились узкий охват регионов, невключение контингента частных вузов и малых факультетов, а также потенциальное смещение в сторону лиц с высокой академической посещаемостью.

Концептуальные основания исследования базируются на предложенной Л. Е. Петровой трактовке социального самочувствия, где данный феномен интерпретируется как рефлексивный синдром сознания, раскрывающий «...соотношение притязаний субъекта и степени удовлетворения его потребностей»¹¹.

Операционализация социального самочувствия выполнялась с помощью индексного подхода с адаптацией методического инструментария Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук и Фонда «Общественное мнение».

Измерение социального самочувствия включало в себя оценку следующих четырех компонентов:

1) индекса текущего благополучия (оценка ситуации в стране, удовлетворенность жизнью в целом, самоидентификация как счастливого человека),

2) индекса ожиданий от будущего (оценка перспектив развития России через 3–5 лет, обобщенный жизненный прогноз, опасения относительно обеспечения базовых потребностей),

3) индекса социального доверия (восприятие уровня сплоченности общества, готовность к межличностному доверию, выбор институтов для защиты личных интересов),

4) индекса тревожности (ощущение личной безопасности в контексте специальной военной операции (СВО), доминирующие эмоциональные состояния).

Методика расчета индексов основывалась на формуле нормализации:

$$I = (\sum x_1, x_2, \dots, x_n) / \sum r$$
, где $x_1, x_2, \dots, x_n$ – ранг ответа, r – максимальное значение суммы индикаторов.

Сводный индекс социального самочувствия (СИСС) вычислялся как среднее арифметическое значение частных индексов в диапазоне от –100 до 100. Надежность сводного индекса подтверждена приемлемым уровнем внутренней согласованности (α Кронбаха¹² = 0,746).

Содержательная интерпретация осуществлялась через выделение четырех категорий: показателей ниже 0, что соответствовало «плохому» самочувствию,

¹¹ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 51.

¹² Tavakol M., Dennick R. Making sense of Cronbach's alpha // International Journal of Medical Education : IJME. 2011. Vol. 2. Pp. 53–55.

0–20 – «удовлетворительному», 21–50 – «хорошему», значения выше 50 трактовались как «отличное» самочувствие.

Операционализация представлений о социальной справедливости реализовывалась на основе учета трех аспектов: удовлетворенности уровнем социальной справедливости, нормативных установок относительно справедливого общества и оценки динамики справедливости общества за последние три года.

Аналитическая стратегия включала в себя последовательное применение дескриптивного анализа распределений ответов, корреляционного исследования (с помощью коэффициента ранговой корреляции по Спирмену), множественного линейного регрессионного моделирования и анализа опосредующих эффектов (медиации) с верификацией через тест Собея¹³. При анализе таблиц сопряженности привлекались стандартизированные остатки с поправкой на множественные сравнения. Техническая обработка данных выполнялась в IBM SPSS Statistics 28 с использованием процедур взвешивания для минимизации систематических ошибок.

Результаты исследования. *Социальное самочувствие студенчества.* Большинство студентов (53 %) в той или иной степени положительно оценивают ситуацию в стране. На вопрос «Оцените, насколько Вас устраивает Ваша жизнь в целом?» 49 % респондентов ответили «полностью устраивает». Считают себя счастливыми 80 % опрошенных («да» – 42 %, «скорее да» – 38 %). Интегрированный показатель индекс текущего благополучия свидетельствует о распространенности позитивных оценок (84 %) (табл. 1).

Таблица 1. Распределение нормализованных индексов по категориям социального самочувствия ($n = 1\,209$ респондентов, шкала от –100 до 100), %

Table 1. Distribution of Normalized Indices by Societal Well-Being Categories ($n = 1.209$ Respondents, Scale: –100 to 100), %

Индекс / Index	Негативные оценки (< 0) / Negative assessments (< 0)	Позитивные оценки (> 0) / Positive assessments (> 0)
Текущее благополучие / Current well-being	16	84
Ожидания от будущего / Future expectations	34	66
Социальное доверие / Social trust	31	44
Тревожность (инвертированный) / Anxiety (Inverted)	19	72

Примечания / Notes. 1. Негативные и позитивные оценки рассчитаны как доля респондентов с индексами < 0 и > 0 соответственно / Negative and positive assessments represent the proportion of respondents with indices < 0 and > 0, respectively.

2. Нейтральные ответы (индекс = 0) исключены для анализа полярных позиций / Neutral responses (index = 0) were excluded to analyze polarized positions.

3. Сводный индекс основан на агрегации всех ответов респондентов по всем вопросам / The composite index is based on aggregation of all respondents' answers across all questions.

4. Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами на основе материалов исследования / Here in after in the article, tables are compiled by the authors based on research materials.

¹³ Sobel M. E. Asymptotic confidence intervals for indirect effects in structural equation models // Sociological Methodology. 1982. Vol. 13. Pp. 290–312 ; Preacher K. J., Hayes A. F. SPSS and SAS procedures for estimating indirect effects in simple mediation models // Behavior Research Methods Instruments and Computers. 2004. Vol. 36, no. 4. Pp. 717–731.

Мнение, что через 3-4 года ситуация в России улучшится, доминирует (57 %). При этом каждый третий, т. е. 29 % опрошенных, затруднились с ответом, 14 % – считают, что ситуация ухудшится. Сохраняют оптимизм, ожидая, что в скором времени жизнь изменится к лучшему, 45 % студентов, 35 % – уверены, что таких изменений не предвидится, 20 % – затруднились ответить. Опасаются, что в будущем не смогут обеспечить себя самым необходимым, 47 % участников, ответили на соответствующий вопрос отрицательно – 38 %, затруднились с ответом – 15 %.

Интегрированный показатель индекса ожиданий от будущего характеризуется преобладанием оптимистических ответов (66 % позитивных оценок), однако выглядит умеренным из-за тревоги о перспективах обеспечения базовых потребностей.

Индекс социального доверия демонстрирует 44 % позитивных ответов, что свидетельствует о наличии социальной разобщенности, недостаточном уровне доверия, как межличностного, так и социальным институтам. Доля лиц, уверенных, что стране больше согласия, сплоченности, составила 41 %; что больше несогласия, разобщенности – 29 %; затруднившихся с ответом – 30 %. Только 18 % опрошенных думают, что большинству людей можно доверять; 67 % – придерживаются мнения, что в отношениях следует быть осторожными; 15 % – затруднились с ответом. Более высокий уровень доверия отмечен к государственным институтам: 47 % участников опроса считают, что их интересы достаточно защищены; для подобной защиты обратятся к властям, в суд, полицию 27 % респондентов, к друзьям, знакомым, родственникам – 30 %, к криминальным структурам – 3 %.

Индекс тревожности (инвертированный) равен 72 %. Это указывает на то, что большинство респондентов чувствуют себя защищенно, однако 19 % негативных оценок свидетельствуют о сохраняющихся рисках. Подавляющее большинство студентов описывают свое эмоциональное состояние в позитивных категориях. Среди них наиболее часто упоминались интерес к жизни (46 %), оптимизм (46 %), доброжелательность (37 %) и спокойствие (35 %). Значительно реже назывались негативные эмоциональные состояния, в частности злость (11 %), безразличие (17 %) и уныние (19 %). На вопрос «Вы ощущаете опасность лично для себя в связи с СВО?» многие (45 %) ответили положительно («ощущаю» – 18 %, «скорее ощущаю» – 27 %), не чувствуют опасности 36 % участников опроса («скорее не ощущаю» – 21 %, «не ощущаю» – 15 %), затруднились с ответом – 19 %.

Группировка по сводному индексу социального самочувствия. Путем распределения опрошенных по значению СИСС выделены четыре группы, которые различаются по степени позитивности социального самочувствия: 18 % респондентов демонстрируют «отличное» самочувствие, 36 % – «хорошее», 28 % – «удовлетворительное», 18 % – «плохое» самочувствие. Таким образом, текущее социальное самочувствие студенческой молодежи характеризуется стабильностью.

Представления о социальной справедливости. Большинство опрошенных удовлетворены уровнем социального равенства и справедливости: 31 % студентов поставили оценку «5», 28 % – «4», 19 % – «3», 6 % – «2», 7 % – оценку «1», 9 % – затруднились с ответом; средневзвешенная оценка равна 3,77 балла. При этом справедливое государство характеризуется такими параметрами, как равенство всех перед законом (31 %), возможность развивать свои способности (25 %) и положение каждого в соответствии с результатами его труда (17 %). Несмотря на различия

в методах сбора сведений и формулировках вопросов, результаты опроса частично согласуются с данными¹⁴, полученными ВЦИОМ за 2024 г. (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «В чем состоит социальная справедливость?», %
Table 2. Distribution of Responses to the Question “What is Meant by Social Justice?”, %

Варианты ответа / Responses Option	Ответы студенческой молодежи от 18 до 25 лет, 2024 г. / Responses from students aged 18–25, 2024	Ответы молодежи от 18 до 24 лет (ВЦИОМ), 2024 г. / Responses from students aged 18–24 (VTsIOM), 2024
Равенство всех перед законом / Equality of all before the law	31	36
Каждый может развивать свои способности / Everyone can develop their abilities	25	26
Положение каждого определяется результатами его труда / Individual status determined by merit and effort	17	19
Уровень жизни всех должен быть примерно одинаковым / Comparable living standards for all	10	9
В гарантиях для социально незащищенных / Guarantees for socially vulnerable groups	10	2
Никакой социальной справедливости не было и не будет / Social justice has never existed and never will	4	6
Другое / Other	—	2
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	3	—
Итого / Total	100	100

Примечания / Notes. 1. Цветовое выделение указывает на статистически значимые различия ($p < 0.05$; z -тест для пропорций с поправкой Бонферрони, скорректированный $\alpha = 0.007$) / Color-coding indicates statistically significant differences ($p < 0.05$; z -test for proportions with Bonferroni correction, adjusted $\alpha = 0.007$) in the original table.

2. ВЦИОМ использовал формат одного ответа (% ответивших); данное исследование допускало множественные ответы (% ответов, пересчитанные на 100 %) / VTsIOM used a single-response format (% of respondents); this study allowed multiple responses (% of responses recalculated to 100 %).

Анализ представлений о социальной справедливости выявил как общие тенденции, так и специфические особенности студенческой аудитории. Сравнение результатов данного исследования и всероссийского опроса ВЦИОМ показывает принципиальное сходство базовых ценностных ориентаций. Так, обе группы (31 % студентов против 36 % молодежи в опросе ВЦИОМ) демонстрируют сопоставимую паритизацию верховенства закона и меритократических принципов, включая развитие способностей (25 и 26 % соответственно) и вознаграждение

¹⁴ Социальная справедливость: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring> (дата обращения: 12.11.2024).

за труд (17 и 19 %). Наиболее заметной особенностью студенчества стало пятикратное превышение значимости социальных гарантий (10 %) по сравнению с аналогичным параметром для общероссийской молодежной выборки (2 %). Обнаруженные отличия имеют содержательное объяснение, связанное с социальным положением: повышенное внимание к вопросам социальной защиты закономерно для группы, находящейся в процессе профессионального становления и испытывающей чувство статусной уязвимости.

Для выявления взаимосвязи компонентов социального самочувствия и удовлетворенности социальной справедливостью были проведены корреляционный, регрессионный и анализ опосредующих эффектов (медиации)¹⁵ (табл. 3–5).

Корреляционный анализ (см. табл. 3) подтвердил, что все компоненты социального самочувствия значимо связаны с удовлетворенностью социальной справедливостью ($p < 0,001$). Наибольшая сила связи характерна для индекса текущего благополучия ($\rho = 0,63$), что подчеркивает его роль как ключевого предиктора. Умеренные корреляции индексов ожиданий от будущего ($\rho = 0,48$) и тревожности (на инвертированной шкале; $\rho = 0,30$), а также слабая связь с индексом социального доверия ($\rho = 0,18$) обозначили их потенциальную роль как медиаторов.

Таблица 3. Корреляция компонентов социального самочувствия с удовлетворенностью социальной справедливостью

Table 3. Correlations Between Societal Well-Being Components and Satisfaction with Social Justice

Компонент социального самочувствия / Societal well-being component	Коэффициент Спирмена (ρ) / Spearman's ρ	p -уровень / p -value	Интерпретация силы связи / Effect size interpretation
Индекс текущего благополучия / Current well-being	0,63***	$< 0,001$	Сильная положительная / Strong positive
Индекс социального доверия / Social trust index	0,18***	$< 0,001$	Слабая положительная / Weak positive
Индекс ожиданий от будущего / Future expectations index	0,48***	$< 0,001$	Умеренная положительная / Moderate positive
Индекс тревожности (инвертированный) / Anxiety index (Inverted scale)	0,30***	$< 0,001$	Умеренная положительная / Moderate positive

Примечания / Notes. 1. Уровни значимости: *** $p < 0,001$ / Levels of significance *** $p < 0.001$.

2. Интерпретация силы связи: $|\rho| < 0,3$ – слабая; $0,3 \leq |\rho| < 0,5$ – умеренная; $|\rho| \geq 0,5$ – сильная / Effect size thresholds: $|\rho| < 0.3$ – weak; $0.3 \leq |\rho| < 0.5$ – moderate; $|\rho| \geq 0.5$ – strong.

3. Индекс тревожности инвертирован: высокие значения соответствуют низкой тревожности / The Anxiety Index is inverted: higher values indicate lower anxiety.

Регрессионный анализ (см. табл. 4) выявил значимую связь между компонентами социального самочувствия и удовлетворенностью социальной справедливостью ($F(4,1204) = 84,26$; $p < 0,001$). Модель линейной регрессии объясняет 22 % различий в ответах респондентов (скорректированный $R^2 = 0,216$)¹⁶. Наибольший вклад вносит

¹⁵ Термины «анализ опосредующих эффектов», «анализ медиации» и «медиаторный анализ» используются как синонимы, притом первые два более предпочтительны в научной традиции.

¹⁶ Модель объясняет статистически значимую, но умеренную часть различий (22 %) в ответах респондентов, что указывает на наличие других важных факторов, влияющих на удовлетворенность социальной справедливостью, помимо включенных в модель компонентов социального самочувствия.

индекс социального доверия ($\beta = 0,22$). Интересно, что, хотя простая корреляция этого показателя с удовлетворенностью была слабой (см. табл. 3), в регрессионной модели его влияние усилилось. Это характерно для супрессорных переменных – они фильтруют влияние других факторов, позволяя выявить истинную силу связи.

Таблица 4. Результаты линейной регрессии¹⁷ (зависимая переменная – удовлетворенность социальной справедливостью)

Table 4. Linear Regression Results (Dependent Variable – Satisfaction with Social Justice)

Переменная / Variable	Коэффициент (B) / Coefficient (B)	SE	Стандартизованный β / Standardized β	95 % ДИ / 95 % CI	p-уровень / p-value	VIF
Индекс текущего благополучия / Current well-being index	0,168***	0,032	0,177	[0,105; 0,230]	< 0,001	1,740
Индекс социального доверия / Social trust index	0,156***	0,021	0,220	[0,115; 0,197]	< 0,001	1,345
Индекс ожиданий от будущего / Future expectations index	0,080**	0,027	0,093	[0,027; 0,132]	0,003	1,524
Индекс тревожности (инвертированный) / Anxiety index (Inverted scale)	0,059***	0,017	0,110	[0,026; 0,092]	< 0,001	1,536
Константа / Constant	3,327***	0,044		[3,241; 3,412]	< 0,001	

Примечания / Notes. 1. Уровень значимости: ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$ / Level of significance: ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

2. SE – стандартная ошибка; ДИ – доверительный интервал; VIF – коэффициент инфляции дисперсии / SE – Standard Error; CI – Confidence Interval; VIF – Variance Inflation Factor.

3. Мультиколлинеарность отсутствует ($VIF < 2$) / No multicollinearity issues ($VIF < 2$).

Анализ медиации (см. табл. 5) выявил три значимых механизма опосредованного влияния текущего благополучия на удовлетворенность социальной справедливостью: социальное доверие (29,2 %), ожидания от будущего (17,1 %), тревожность (7,2 %) (расчет доли косвенного эффекта от общего). Сохранение статистически значимого прямого влияния текущего благополучия ($\beta = 0,254 - 0,278$; $p < 0,001$) свидетельствует о наличии дополнительных неучтенных факторов влияния. Наибольший вклад доверия как основного медиатора подтверждается его значимостью в регрессионной модели (см. табл. 4).

Таким образом, представления о социальной справедливости формируются как комплексное влияние текущего благополучия, которое действует прямо или через три опосредующих механизма: доверие (институциональное и межличностное), ожидания от будущего и уровень тревожности. При этом ключевую роль играет социальное доверие (объединяющее доверие к социальным институтам

¹⁷ Линейная регрессия была применена для оценки относительной силы предикторов и проверки гипотез об опосредовании, что обеспечило прозрачную интерпретацию коэффициентов. Несмотря на порядковый характер зависимой переменной (5-балльная шкала), метод использован как устойчивая аппроксимация, допустимая при числе категорий > 4 и подтвержденная анализом остатков. Это позволило сохранить интерпретируемость результатов медиации в сравнении с порядковой логистической регрессией.

и межличностное), выступающее основным медиатором. Оно не только передает влияние общего благополучия, но и выполняет компенсаторную функцию, смягчая негативные эффекты тревожности.

Таблица 5. Результаты анализа опосредующих эффектов (медиации) взаимосвязи компонентов социального самочувствия и удовлетворенности социальной справедливостью

Table 5. Mediation Analysis Results for the Relationship Between Components of Societal Well-Being Perceptions and Perceived Social Justice

Медиатор / Mediator	Влияние X→M (β) / Effect (β) X→M	Влияние M→Y (β) / Effect (β) M→Y	Косвенный эффект (a × b) / Indirect effect (a × b)	Общий эффект (c) / Total effect (c)	Доля эффекта, % / Proportion mediated, %	Тест Собея (Z) ¹⁸ / Sobel test (Z)	p-уровень / p-value
Социальное доверие (M ₁) / Social trust (M ₁)	0,629	0,180	0,113***	0,387	29,2	7,77	< 0,001
Ожидания от будущего (M ₂) / Future expectations (M ₂)	0,476	0,138	0,066***	0,387	17,1	5,21	< 0,001
Тревожность (M ₃ , инвертированная) / Anxiety (M ₃ , inverted scale)	0,296	0,095	0,028***	0,387	7,2	4,85	< 0,001

Примечания / Notes. X – индекс текущего благополучия, Y – удовлетворенность социальной справедливостью / X – Subjective well-being index, Y – Satisfaction with social justice.

2. M₃: тревожность измерялась по инвертированной шкале / M₃: anxiety was measured using an inverted scale.

3. Все коэффициенты стандартизованы / All coefficients are standardized.

4. Уровень значимости: ***p < 0,001 / Level of significance: ***p < 0.001.

Региональная дифференциация представлений о справедливости общества. Установленные на микроуровне закономерности формирования представлений о социальной справедливости позволяют перейти к анализу их региональной дифференциации с использованием СИСС.

Следует отметить, что прямое количественное сравнение регионов затруднено в силу содержательных различий в понимании справедливости. Вместо традиционных многомерных методов в данном случае более продуктивным оказывается качественный анализ распределения респондентов по выделенным на основе СИСС группам социального самочувствия («отличное», «хорошее», «удовлетворительное» и «плохое») (табл. 6) в сочетании с изучением специфики доминирующих на каждой территории концепций справедливости.

Анализ данных таблицы 6 выявил существенные региональные контрасты в субъективном социальном самочувствии студенчества. Наиболее благополучная картина наблюдается в Республике Татарстан, где доля респондентов, оценивших свое социальное самочувствие как «хорошее» (42 %) и «отличное» (21 %), существенно превышает средний показатель по выборке (28 и 18 % соответственно) и является самой высокой по рассматриваемым регионам. Студенты Московской области также демонстрируют относительно позитивные оценки, хотя и с меньшим

¹⁸ Sobel M. E. Asymptotic confidence intervals for indirect effects in structural equation models...

перевесом в группе «отличного» самочувствия (26 %). Напротив, в Республике Калмыкия зафиксирована не вполне благоприятная ситуация: доля негативных оценок достигает 32 % («плохое» самочувствие). Республика Мордовия занимает промежуточное положение с максимальной долей лиц, характеризующихся «удовлетворительным» самочувствием (35 %) и сравнительно низкой – «отличным» (12 %).

Таблица 6. Распределение оценки социального самочувствия населения в зависимости от региона, % от числа ответивших

Table 6. Distribution of the population's Societal Well-Being Assessment by Region, % of Respondents

Социальное самочувствие / Societal Well-Being	Московская область / Moscow oblast	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	Вся выборка / Total sample (n = 1 209)
Плохое / Poor	14	14	18	32	18
Удовлетворительное / Satisfactory	27	23	35	24	36
Хорошее / Good	33	42	35	34	28
Отличное / Excellent	26	21	12	10	18
Итого / Total	100	100	100	100	100

Примечание / Note. Цветовая маркировка ячеек основана на стандартизированных остатках критерия χ^2 ($|\text{residual}| > 2$) и отражает статистически значимые различия между регионами ($p < 0,05$) / Color-coding based on standardized Pearson residuals ($|\text{residual}| > 2$) indicates statistically significant inter-regional differences ($p < 0.05$).

По представлениям относительно критериев справедливого общества между студентами из рассматриваемых регионов также наблюдается дифференциация, хотя для них всех характерно превалирование ориентации на процедурную справедливость. Это подтверждается практически одинаковой высокой распространенностью ответа «Равенство всех перед законом» как критерия справедливого общества. В качестве региональных особенностей укажем, например, что в Московской области студенты склонны определять положение человека в обществе результатами его труда (46 против 40 % по всей выборке) (табл. 7). Условная меритократия проявляется в виде принятия неравенства результатов при обеспечении условий для равных стартовых возможностей (каждый может развивать свои способности).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «В чем состоит социальная справедливость?» в зависимости от региона, % от числа ответивших

Table 7. Distribution of Responses to the Question “What is Meant by Social Justice?” by Region, % of Respondents

Варианты ответа / Responses Option	Московская область / Moscow oblast	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	Вся выборка / Total sample (n = 1 209)
1	2	3	4	5	6
Равенство всех перед законом / Equality of all before the law	74	79	76	65	75
Каждый может развивать свои способности / Everyone can develop their abilities	71	67	60	56	61

Окончание табл. 7 / End of table 7

1	2	3	4	5	6
Положение каждого определяется результатами его труда / Individual status determined by merit and effort	46	41	40	38	40
Уровень жизни всех должен быть примерно одинаковым / Comparable living standards for all	27	28	23	28	25
В гарантиях для социально незащищенных / Guarantees for socially vulnerable groups	15	16	31	20	23
Никакой социальной справедливости не было и не будет / Social justice has never existed and never will	7	9	10	8	9
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	6	6	8	8	9
Итого / Total	246	246	248	223	242

Примечания / Notes. 1. Сумма превышает 100 % из-за возможности выбора нескольких вариантов / Totals exceed 100 % due to multiple responses.

2. Цветовая маркировка основана на стандартизированных остатках критерия χ^2 ($|\text{residual}| > 2$) и отражает статистически значимые различия между регионами ($p < 0,05$) / Color-coding based on standardized Pearson residuals ($|\text{residual}| > 2$) indicates statistically significant inter-regional differences ($p < 0.05$).

В то же время студенты из Республики Мордовия чаще ассоциируют социальную справедливость с экономическим равенством и выбирают ответ «Уровень жизни всех должен быть примерно одинаковым» (31 против 23 % по всей выборке). Таким образом, запрос на корректирующее равенство актуализируется в условиях низкого уровня качества жизни, что особенно характерно для Мордовии (31 против 15 % в Московской области) (см. табл. 6).

Студенты из Республики Калмыкия занимают промежуточное положение между приверженцами меритократических взглядов (респонденты из Московской области и Татарстана) и сторонниками эгалитаризма (опрошенные из Мордовии). Более низкая поддержка варианта «Равенство перед законом» (65 против 75 % по всей выборке, 79 % в Татарстане) здесь сочетается с размытостью запроса на определенную модель справедливости (см. табл. 7).

Восприятие динамики социальной справедливости в российском обществе для обучающихся в вузах названных регионов также неоднородно. Мнение, что общество за последние три года стало более социально справедливым, распространено на территориях, более благополучных по качеству жизни населения (табл. 8).

Выявленная региональная дифференциация прямо коррелирует с объективным уровнем социально-экономического благополучия территорий. Студенты из более развитых регионов чаще видят позитивные сдвиги в социальной справедливости, тогда как в понимании молодежи из менее благополучных местностей преобладают негативные или нейтральные оценки ее динамики. Таким образом,

территориальный фактор и реальные условия жизни оказывают влияние на восприятие справедливости общества.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, за последние три года наше общество стало более или менее справедливым?» в зависимости от региона, %

Table 8. Distribution of Responses to the Question “Do You Think Our Society Has Become More or Less Socially Just Over the Past Three Years?” by Region, %

Варианты ответа / Responses option	Московская область / Moscow oblast	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	Вся выборка / Total sample (n = 1 209)
Скорее более социально спра- ведливым / More socially just	33	31	24	19	27
Скорее менее со- циально справед- ливым / Less socially just	30	20	32	29	29
Скорее уровень социальной справедливости не изменился / No change	18	26	20	31	21
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	19	23	24	21	23
Итого / Total	100	100	100	100	100

Примечание / Note. Цветовая маркировка ячеек основана на стандартизированных остатках критерия χ^2 ($|\text{residual}| > 2$) и отражает статистически значимые различия между регионами ($p < 0,05$) / Color-coding based on standardized Pearson residuals ($|\text{residual}| > 2$) indicates statistically significant inter-regional differences ($p < 0.05$).

Проведенный анализ наглядно демонстрирует взаимосвязь объективных социально-экономических условий в регионах проживания и субъективного социального самочувствия студентов, а также их представлений о социальной справедливости. Так, регионы с более высоким уровнем объективного благополучия (Московская область, Татарстан) характеризуются более позитивным субъективным социальным самочувствием студентов в них (см. табл. 6), что сопровождается приверженностью к меритократическим принципам справедливости (см. табл. 7) и более оптимистичными оценками динамики справедливости в обществе (см. табл. 8). В регионах с менее благоприятными условиями жизни (Калмыкии, Мордовии) фиксируется обратная ситуация, когда сниженный уровень социального самочувствия стимулирует эгалитаристские запросы (Мордовия) или размытость представлений о справедливости (Калмыкия), а также пессимистичные или нейтральные взгляды на ее динамику.

Обсуждение и заключение. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в многокомпонентной структуре социального самочувствия студенческой молодежи большинство позитивных оценок (84 %) принадлежат текущему благополучию, а показатели доверия демонстрируют критически низкие значения (44 % позитивных ответов). Группировка по сводному индексу зафиксировала выражен-

ную поляризацию: 54 % респондентов относятся к категории с положительным самочувствием («хорошее» и «отличное»), в то время как 18 % характеризуются устойчиво негативными показателями.

Результаты исследования показывают, что чем позитивнее у молодых людей социальное самочувствие (их общее ощущение жизни в обществе), тем выше удовлетворенность социальной справедливостью. Это подтвердил статистический анализ: корреляционный (ρ Спирмена), регрессионный и анализ опосредующих эффектов (медиации).

Корреляционный анализ выявил доминирующую роль индекса текущего благополучия. Это самый сильный предиктор справедливости: если человек в целом доволен жизнью сейчас, он скорее будет считать общество справедливым ($\rho = 0,63$; $p < 0,001$).

Если человек оптимистично смотрит в будущее, он тоже склонен воспринимать общество более справедливым ($\rho = 0,48$; $p < 0,001$). Чем меньше тревожности, тем больше удовлетворенность справедливостью ($\rho = -0,30$; $p < 0,001$). Связь с индексом доверия самая слабая ($\rho = 0,18$; $p < 0,01$).

По итогам регрессионного анализа, учитывающего влияние всех факторов одновременно, четыре компонента вместе объясняют 22 % дисперсии удовлетворенности социальной справедливостью. Хотя корреляция доверия со справедливостью показала самую слабую связь, тем не менее оно оказывает наиболее сильное прямое влияние ($\beta = 0,220$). Это указывает на возможный эффект подавления: доверие маскируется влиянием других переменных. Таким образом, оно активизирует скрытый потенциал иных компонентов самочувствия, выступая социальным катализатором.

Для раскрытия механизмов влияния был применен анализ медиации. Результаты показали, что 29,2 % эффекта влияния текущего благополучия на справедливость опосредуется доверием, тогда как ожидания от будущего и сниженная тревожность опосредуют 17,1 и 7,2 % этого влияния соответственно. Примечательно, что сохранение прямого влияния текущего благополучия свидетельствует о наличии неустановленных опосредующих факторов. Следовательно, основными механизмами, через которые текущее благополучие влияет на восприятие справедливости, являются: доверие (ключевой посредник, 29,2 %), вера в хорошее будущее (17,1 %) и снижение тревожности (7,2 %). Другими словами, молодые люди ощущают социальную справедливость сильнее, когда они счастливы здесь и сейчас, верят в хорошее будущее, спокойны и доверяют другим людям и общественным институтам.

В ходе исследования также была выявлена региональная дифференциация нормативных представлений о справедливости, коррелирующая с объективным качеством жизни на местах. В регионах с высоким качеством жизни (Московская область, Татарстан) доля позитивных оценок динамики справедливости на 14–17 п.п. превышает показатели регионов с низким уровнем развития (Калмыкия, Мордовия). Параллельно обнаружены различия в нормативных представлениях о справедливости: запрос на экономическое равенство выражен сильнее в Мордовии (31 против 15 % в Московской области), тогда как меритократические установки доминируют в Московской области (46 %).

Исследование убедительно показывает, что межрегиональная социально-экономическая дифференциация в России является фактором, формирующим

различия в базовых социальных представлениях молодежи о справедливости через механизмы социального самочувствия.

При общем высоком уровне текущего благополучия и осторожном оптимизме в среде студенческой молодежи существуют проблемы в сфере социального доверия, тревожность по поводу обеспечения базовых потребностей. Это создает потенциальные риски для социальной стабильности, так как сочетание высоких ожиданий с недостаточным доверием к социальным институтам может привести к росту протестных настроений. Особого внимания требуют 18 % респондентов с плохим социальным самочувствием, которые могут стать источником социальной напряженности.

Полученные данные подчеркивают необходимость усиления мер по укреплению социального доверия и адресной поддержки уязвимых групп студенчества. Материалы статьи могут представлять интерес для специалистов, занимающихся вопросами социального положения молодежи, и практиков, участвующих в разработке молодежной политики. Результаты исследования факторов, влияющих на социальное самочувствие студенчества, могут быть востребованы при подготовке и внедрении мер по повышению качества жизни молодежи.

Настоящее исследование представляет собой срез, фиксирующий состояние изучаемых процессов в конкретный момент времени. Это ограничивает возможность установления причинно-следственных связей между используемыми переменными. Например, остается не выясненным, является ли справедливость фактором, способствующим улучшению социального самочувствия, или же, напротив, более высокий уровень социального самочувствия способствует восприятию окружающей действительности как более справедливой. Перспективы дальнейшего рассмотрения проблемы видятся в проведении лонгитюдных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Беляева Л.А. «Взрослая» молодежь в современном социальном пространстве России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022;22(4):812–827. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827>
Belyaeva L.A. “Adult” youth in the contemporary social space of Russia. *RUDN Journal of Sociology*. 2022;22(4):812–827. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827>
2. Попов А.В. Влияние прекаризации на уровень жизни и положение российской молодежи в сфере занятости. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023;16(6):236–251. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.14>
Popov A.V. The impact of precarization on the standard of living and the employment situation of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(6):236–251. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2023.6.90.14>
3. Шаповалова И.С., Валиева И.Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки. *Интеграция образования*. 2022;26(2):345–362. URL: <https://clck.ru/3MJJAu> (дата обращения: 26.05.2025).
Shapovalova I.S., Valieva I.N. Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites. *Integration of Education*. 2022;26(2):345–362. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3MJJAu> (accessed 10.03.2025).
4. Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций. *Социологические исследования*. 2019;(11):3–17. <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>

- Gorshkov M.K. Social Outcomes of the Post-Soviet Transformations. *Sociological Studies*. 2019;(11):3–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>
5. Кармадонов О.А. Удовольствия и тяготы в современной жизни: субъективное измерение социального самочувствия. *Гуманитарный вектор*. 2022;17(2):47–57. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-2-47-57>
Karmadonov O.A. Pleasures and Hardships in Modern Life: A Subjective Dimension of Social Well-Being. *Humanitarian Vector*. 2022;17(2):47–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-2-47-57>
 6. Емельянова Т.П., Семенова Т.В. Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021;6(4):87–102. <https://elibrary.ru/item.asp?id=47562332>
Emelyanova T.P., Semenova T.V. Social Feeling of youth: Psychological and Political Aspects. *Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*. 2021;6(4):87–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=47562332>
 7. Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Ермакова Э.Р. Социальное самочувствие как отображение социально-экономического неравенства в стране. *Теоретическая и прикладная экономика*. 2021;(3):1–13. URL: <https://clck.ru/3MJdQq> (дата обращения: 26.05.2025).
Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Ermakova E.R. Social Well-Being as a Reflection of Socio-Economic Inequality in the Country. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. 2021;(3):1–13. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3MJdQq> (accessed 10.03.2025).
 8. Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024;(77):241–250. <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/20>
Smirnov V.A. Social well-being of Russian youth in the conditions of the special military operation. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024;(77):241–250. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/20>
 9. Смирнов В.А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2020;26(3):24–42. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42>
Smirnov V.A. Factors of public well-being of residents of the Russian province. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2020;26(3):24–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42>
 10. Воронцов В.С., Загребин А.Е. Молодежные проблемы в социологическом измерении (на материалах республик Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Чувашия). *Вестник антропологии*. 2023;(4):59–73. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/59-73>
Vorontsov V.S., Zagrebin A.E. Youth Problems in the Sociological Dimension (The Case of the Republics of Bashkortostan, Mari El, Udmurtia, Mordovia, and Chuvashia). *Herald of Anthropology*. 2023;(4):59–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-4/59-73>
 11. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи (региональный аспект). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020;20(4):905–918. URL: <https://clck.ru/3MJEGA> (дата обращения: 26.05.2025).
Kosharnaya G.B., Korzh N.V. Social well-being of the student youth (regional aspect). *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(4):905–918. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3MJEGA> (accessed 10.03.2025).
 12. Веселова Е.К., Коржова Е.Ю., Рудыхина О.В., Анисимова Т.В. Социальная поддержка как ресурс обеспечения субъективного благополучия студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*. 2021;12(1):44–58. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120104>
Veselova E.K., Korjova E.Yu., Rudykhina O.V., Anisimova T.V. Social Support as a Resource for Ensuring the Subjective Well-being of Students. *Social Psychology and Society*. 2021;12(1):44–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/sps.2021120104>
 13. Андреевкова А.В. Представления о справедливости и экономическом неравенстве в сравнительном межкультурном контексте. *Общественные науки и современность*. 2017;(5):18–30. URL: <https://ons-journal.ru/S086904990011483-3-1> (дата обращения: 26.05.2025).

- Andreenkova A.V. Perception of Fairness and Economic Inequality quality in Comparative Cross-national Context. *Social Sciences and Comterporary World*. 2017;(5):18–30. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ons-journal.ru/S086904990011483-3-1> (accessed 26.05.2025).
14. Чебиняева И.Л. Влияние новых глобальных и национальных вызовов на представления молодых россиян о социальной справедливости. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022;(6):96–102. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.96-102>
Chebinyayeva I.L. Impact of new global and national challenges on young russians' perceptions of social justice. *The Kazan socially-humanitarian bulletin*. 2022;(6):96–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.96-102>
15. Banks S., Formosa P., Griep Y., Richards D. AI decision making with dignity? Contrasting workers' justice perceptions of human and AI decision making in a human resource management context. *Information Systems Frontiers*. 2022;24(3):857–875. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10223-8>
16. Горшков М.К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян. *Гуманитарий Юга России*. 2022;11(6):32–47. URL: <https://clck.ru/3MHSqb> (дата обращения: 26.05.2025).
Gorshkov M.K. Social Justice in Mass Perception and Value Orientations of Russians. *Humanities of the South of Russia*. 2022;11(6):32–47. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3MHSqb> (accessed 10.03.2025).
17. He Q., Tong H., Liu J.B. How does inequality affect the residents' subjective well-being: Inequality of opportunity and inequality of effort. *Frontiers in Psychology*. 2022;(13):843–854. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.843854>
18. Чебиняева И.Л. Социальная справедливость в оценках молодежи: аксиологические и поведенческие аспекты. *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. 2022;(3):3–5. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-5>
Chebinyayeva I.L. Social justice in youth assessments: axiological and behavioral aspects. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;(3):60–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-5>
19. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;1(167):39–60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>
Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;1(167):39–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>
20. Liu Y., Li L., Miao G. et al. Relationship between children's intergenerational emotional support and subjective well-being among middle-aged and elderly people in China: The mediation role of the sense of social fairness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;19(1):389. <https://doi.org/10.3390/ijerph19010389>
21. Bosmans K., Öztürk Z.E. Measurement of inequality of opportunity: a normative approach. *The Journal of Economic Inequality*. 2021;19(2):213–237. <https://doi.org/10.1007/s10888-020-09468-1>
22. Ugur Z.B. How does inequality hamper subjective well-being? The role of fairness. *Social indicators research*. 2021;158(2):377–407. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02711-w>
23. Tavor T., Gonen L.D., Weber M., Spiegel U. The effects of income levels and income inequalities on happiness. *Journal of Happiness Studies*. 2018;19(7):2115–2137. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9911-9>
24. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости. *Демографическое обозрение*. 2022;9(4):4–21. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742>
Korchagina I.I., Prokofieva L.M. Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demographic Review*. 2022;9(4):4–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16742>

25. Воронина Н.С. Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.). *Общественные науки и современность*. 2022;(2):95–108. <https://www.elibrary.ru/evxlva>
Voronina N.S. Social Justice in the Assessments of Russian Youth (based on 2019 RLMS data). *Social Sciences and Comterporary World*. 2022;(2):95–108. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/evxlva>
26. Казаков А.А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2022;(1):114–120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>
Kazakov A.A. Value of justice in the perception of modern youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;(1):114–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>
27. Wang Q.C., Liu X., Jian I.Y. et al. Community resilience in city emergency: Exploring the roles of environmental perception, social justice and community attachment in subjective well-being of vulnerable residents // *Sustainable Cities and Society*. 2023;(97):104745. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104745>

Об авторах:

Дадаева Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, Researcher ID: AAN-4148-2021, Scopus ID: 8591653500, SPIN-код: 5495-5343, dadaeva13@mail.ru

Касаткина Наталья Петровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а), доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>, Researcher ID: LWI-8122-2024, Scopus ID: 57219127091, SPIN-код: 6034-1381, kasatkina-nri@mail.ru

Шумкова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, Researcher ID: AAM-1340-2020, Scopus ID: 57219130787, SPIN-код: 9796-2696, niiregion@mail.ru

Вклад авторов:

Дадаева Т. М. – разработка концепции; административное руководство исследовательским проектом; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Касаткина Н. П. – разработка методологии; проведение исследования; написание черновика рукописи.

Шумкова Н. В. – проведение исследования; формальный анализ данных; написание черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.12.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

About the authors:

Tatiana M. Dadaeva, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>, Researcher ID: AAN-4148-2021, Scopus ID: 8591653500, SPIN-code: 5495-5343, dadaeva13@mail.ru

Natalya P. Kasatkina, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher at the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russian Federation), Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>, Researcher ID: LWI-8122-2024, Scopus ID: 57219127091, SPIN-code: 6034-1381, kasatkina-rri@mail.ru

Natalya V. Shumkova, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, Researcher ID: AAM-1340-2020, Scopus ID: 57219130787, SPIN-code: 9796-2696, niiregion@mail.ru

Contribution of the authors:

T. M. Dadaeva – conceptualization; equal contribution to methodology development; coordination of data collection; editing and finalization of the text.

N. P. Kasatkina – equal contribution to methodology development; tools, formal analysis; data visualization; writing the original text.

N. V. Shumkova – equal contribution to methodology development; tools; formal data analysis; writing the original text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 13.12.2024; revised 15.05.2025; accepted 30.05.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/avdscb>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 325.11(571.1/.5)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

«Свои» и «чужие»: внутренние мигранты в представлениях жителей сибирских городов (на примере Иркутска, Красноярска и Томска)

Д. О. Тимошкин^{1,2} Ф. А. Сметанин^{1,3} Д. Е. Горшкова^{1,3}✉ А. А. Волошин¹ К. А. Иванов^{1,4}

Ю. О. Корешкова¹ А. Е. Сорокина² С. А. Игнатенко² Г. А. Шапошникова-
Мурашова²

¹ Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Российская Федерация)

² Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Российская Федерация)

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет
(г. Томск, Российская Федерация)

⁴ Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии
им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук»
(г. Иркутск, Российская Федерация)

✉ br.diana21@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследуется процесс формирования гражданской идентичности в современной России, рассматриваемый в контексте проблемы производства и преодоления границ между воображаемыми сообществами. Большинство существующих исследований сфокусированы на том, как трансграничная миграция влияет на переосмысление принимающим сообществом своей идентичности. При этом внутренние мигранты, являясь частью того же общества, могут воздействовать на идентификацию «мы-группы» внутри страны. Изучение этого вопроса важно для понимания

© Тимошкин Д. О., Сметанин Ф. А., Горшкова Д. Е., Волошин А. А., Иванов К. А.,
Корешкова Ю. О., Сорокина А. Е., Игнатенко С. А., Шапошникова-Мурашова Г. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

конфигурации общегражданской идентичности и ее структуры с точки зрения поддержания и сохранения социальной солидарности. Цель работы состоит в выявлении механизмов, на основе которых представители «мы-группы» выстраивают границы в отношении внутренних мигрантов, а также в изучении проницаемости этих границ. Проанализировано влияние процессов внутренней миграции на представления жителей трех сибирских городов о «своих» и «чужих».

Материалы и методы. Материалом исследования послужили данные девяти фокус-групп с жителями Иркутска, Красноярска и Томска в возрасте 18–36 лет, проведенных в 2023 г. Респонденты набирались методом снежного кома. Информация обрабатывалась с помощью тематического осевого кодирования, выполненного в программе MAXQDA-2020, а также дискурс-анализа.

Результаты исследования. Установлено, что респонденты рассматривают и внутренних, и трансграничных мигрантов в качестве людей, попадающих в разрывы плотной сети коммуникаций, интегрированность в которую выступает основным признаком отнесенности к «мы-группе» носителей общегражданской идентичности. Внутренняя миграция способствует выстраиванию границ между местными и приезжими на локальном уровне. Коммуникация горожан и выходцев из сельской местности характеризуется сбоями, которые и служат для местного населения главной причиной исключения приезжих. Однако проницаемость границ по отношению ко внутренним мигрантам выглядит более явной, нежели по отношению к трансграничным. Исследование подтверждает, что главными факторами интеграции переселенцев в принимающую группу становятся включенность в локальные социальные сети и навыки использования городской среды.

Обсуждение и заключение. Внутренние мигранты могут преодолеть разрыв с принимающим обществом гораздо быстрее, нежели трансграничные, что подтверждает тезис об укреплении общегражданской идентичности в России. Возникающие коммуникативные сбои, однако, несут в себе конфликтный потенциал и угрозу социальной солидарности. В связи с этим результаты исследования могут быть полезны при разработке мер в сфере миграционной политики, поскольку актуализируют ключевые проблемы, решение которых в дальнейшем становится стратегической задачей.

Ключевые слова: гражданская идентичность, внутренняя миграция, локальная идентичность, преодоление границ, Сибирь

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-78-10075 «Сравнительный анализ неформальных практик интеграции внутренних и трансграничных мигрантов в современных сибирских региональных столицах (на примере Иркутска, Красноярска и Томска)», <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>

Для цитирования: Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А., Горшкова Д.Е. и др. «Свои» и «чужие»: внутренние мигранты в представлениях жителей сибирских городов (на примере Иркутска, Красноярска и Томска). *Регионоведение*. 2025;33(2):316–334. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334>

“Us” or “Them”: Internal Migrants in the Perceptions of the Siberian Cities’ Citizens (on the Example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk)

D. O. Timoshkin^{a,b}, F. A. Smetanin^{a,c}, D. E. Gorshkova^{a,c} ✉, A. A. Voloshin^a, K. A. Ivanov^a, I. O. Koreshkova^a, A. E. Sorokina^e, S. A. Ignatenko^e, G. A. Shaposhnikova-Murashova^e

^a Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

^b Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

^c National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

^d Federal Research Center “Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (Irkutsk, Russian Federation)

✉ br.diana21@gmail.com

Abstract

Introduction. The study examines the process of civic identity formation in contemporary Russia in relation to the production and crossing of boundaries between “imagined communities”. Most existing research focuses on how cross-border migration influences the host community’s rethinking of its identity. At the same time, internal migrants, being part of the same society, can impact the identification of the “us-group” within the country. Studying this issue is crucial for understanding the configuration and structure of civic

identity from the perspective of maintaining and preserving social solidarity. The authors analyze the influence of internal migration on the perceptions of residents in three Siberian cities regarding “us” and “them.” The aim of the study was to identify the mechanisms by which members of the “us-group” construct boundaries with respect to internal migrants, as well as the degree of permeability of these boundaries.

Materials and Methods. The authors based their research on 9 focus groups with citizens of Irkutsk, Krasnoyarsk, and Tomsk, aged 18–36, conducted in 2023. Respondents were recruited using snowball sampling. The material was analyzed using thematic axial data coding, performed in the MAXQDA program, and discourse analysis.

Results. It was found that respondents perceive both internal and cross-border migrants as individuals who fall into the gaps of a dense communication network, where integration into this network is the primary criterion for belonging to the “us-group” of civic identity holders. The study found that internal migration contributes to the formation of boundaries between locals and newcomers at the local level. Communication breakdowns occur between urban residents and rural migrants, which serve as the main reason for locals to exclude newcomers. However, the permeability of borders is more evident for internal migrants than for cross-border migrants. The research confirms that the key factors for the integration of newcomers into the host community are their inclusion in local social networks and their ability to navigate and use the urban environment.

Discussion and Conclusion. Internal migrants are able to bridge the gap to the host society much faster than cross-border migrants, which supports the thesis of strengthening civic identity in Russia. Nevertheless, the emerging communication breakdowns carry a potential for conflict and pose a threat to social solidarity. In this respect, the findings of the study may be useful in the development of migration policies, not only by drawing attention to the issue of internal migration, but also by highlighting key problems whose solution becomes a strategic priority.

Keywords: civil identity, internal migration, local identity, overcoming borders, Siberia

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 22-78-10075 “Comparative analysis of informal practices of integration of internal and cross-border migrants in modern Siberian regional capitals (on the example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk)”, <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>.

For citation: Timoshkin D.O., Smetanin F.A., Gorshkova D.E. et al. “Us” or “Them”: Internal Migrants in the Perceptions of the Siberian Cities’ Citizens (on the Example of Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk). *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):316–334. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334>

Введение. Тема конструирования и преодоления воображаемых границ, отделяющих «своих» от «чужих», весьма актуальна для современной России, поскольку попадает в контекст двух проблем: миграции и формирования общегосударственной идентичности. Рассматривая последнюю как сеть коммуникаций¹, которая поддерживает регулирующие границы «мы-группы» дискурсивные практики, исследователи считают ее механизмом [1], расширяющим группу «своих» как объект лояльности до пределов национального государства в целом. При этом номинальные идентичности в иерархии ценностей начинают доминировать над «идентичностями изнутри»².

Выделяя, вслед за А. Э. Мурзиным, идентичность первого порядка – региональную, и идентичность второго порядка – общероссийскую³, образующие двух- или трехступенчатые системы⁴, можно сказать, что последняя весьма динамична [2; 3].

¹ Della Porta D., Diani M. *Social Movements: An Introduction*. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 345 p.

² Jenkins R. *Rethinking Ethnicity*. London : SAGE publications, 2008. 207 p.

³ Мурзин А. Э. Региональная идентичность: сущность, характер, опыт изучения. М. : Директ-медиа, 2015. 99 с.

⁴ Paasi A. *Region and Place: Regional Identity in Question // Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27, no. 4. Pp. 475–485. <https://doi.org/10.1191/0309132503ph439pr>

Она составляет относительно стабильные конфигурации со множеством локальных идентичностей, занимая при этом доминирующую позицию [2] и делая границы между «мы-группой» и «чужими» внутри государства более проницаемыми.

По оценкам исследователей, в России общегражданская идентичность, рассматриваемая как «...устойчивые, воспроизводящиеся представления о членстве в российском обществе» [4; 5], в соответствии с которыми люди строят образ границ воображаемого сообщества «своих», существует и укрепляется [6]. Впрочем, этот процесс затруднен в том числе из-за противоречивости государственной политики [7; 8], унаследованной от советского национального проекта. Она заключается в том, что представители власти «...свою задачу – слияние советских наций в новую историческую общность – решали средствами, ведущими к кристаллизации составных частей, от которых ожидалось растворение в будущей общности»⁵.

Несмотря на констатацию недопустимости противопоставления гражданской и этнической идентичностей⁶, их сосуществование нередко рассматривается локальными сообществами как нечто не совсем естественное. В некоторых локальных системах этническая идентичность доминирует над общегражданской, что приводит к маркированию сограждан, относящихся к видимым меньшинствам, в качестве «чужаков» [9].

Этот процесс проходит неравномерно в разных регионах, где выстраиваются уникальные конфигурации [10–12]. Локальные и общегражданская идентичности меняются местами в иерархиях ценностей, при этом трансформируются способы выстраивания границ между «своими» и «чужими». Все это актуализирует исследование таких региональных структур. Мы полагаем, что миграция является значимым фактором, влияющим на их производство. Ситуация контакта с мигрантом, особенно относящимся к видимым меньшинствам – как трансграничным [13–15], так и внутренним⁷, стимулирует местные сообщества проводить и редактировать границы между «своими» и «чужими». При этом могут выясняться противоречия между гражданской и локальными идентичностями, когда в одной группе гордость от проживания в многонациональной стране соседствует, например, с представлениями об иерархии культур [16] и недопустимости их смешивания [17].

Особый интерес вызывает внутренняя миграция: участники этого процесса, не относящиеся к видимым меньшинствам, нередко выводятся за рамки проблемы производства социальных границ, по умолчанию считаясь носителями общероссийских метакультурных ценностей [18]. Однако они могут восприниматься «чужими» как раз из-за несоответствия, в глазах принимающей группы, местной системе приоритетов⁸. Предположительно, в связи с этим они могут влиять на конфигурацию локальной и общегражданской идентичностей.

⁵ Малахов В. С. Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис: журнал о будущем. 2006. № 3. С. 144–159. URL: [https://iphras.ru/uplfile/histpol/biblio/144-59_malahov\[1\].pdf](https://iphras.ru/uplfile/histpol/biblio/144-59_malahov[1].pdf) (дата обращения: 14.02.2024).

⁶ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 19.02.2024).

⁷ Дмитриев А. В. Этномиграционные стереотипы versus адаптации. Россия реформирующаяся : Ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М. : Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 397–410.

⁸ Мурзин А. Э. Региональная идентичность...

Цель исследования заключалась в том, чтобы, изучив локальные конфигурации идентичностей в Красноярске, Иркутске и Томске, определить, как приезжие влияют на их производство: воспринимаются ли респондентами внутренние мигранты как «чужие»; какие аргументы приводятся в подтверждение и опровержение «чуждости» переселенцев из российских сел и городов; какими качествами наделяются «мы-группа» и приезжие; насколько осуществимым воспринимается преодоление разделяющих их воображаемых границ.

Рабочая гипотеза состояла в том, что критерием исключения мигранта, не обладающего видимыми отличиями, из принимающей «мы-группы» выступает не столько факт пересечения национальных границ, сколько уровень интегрированности в инфраструктурные и социальные сети, на чем и базируются локальные конфигурации идентичностей. Пространственный фактор можно назвать одним из ключевых критериев, позволяющих отделять «своих» от «чужих» [19], особенно в социально гетерогенных пространствах крупных городов.

Обзор литературы. Исследование идентичности в контексте городской среды остается одной из центральных тем, как в классических⁹, так и в более поздних работах по социологии города¹⁰. Производство городской идентичности рассматривается как динамичный процесс, формирующийся в результате постоянного взаимодействия между местными жителями и «чужаками»¹¹. Такое взаимодействие способствует перманентному пересмотру границ локального сообщества¹² и способов самоидентификации его участников [20].

Несмотря на то что внутренняя миграция является стимулом социальных трансформаций в городах, в российской академической литературе внутренние мигранты редко рассматриваются как фактор, влияющий на производство локальных идентичностей. Население принимающих городов и приезжие анализируются в рамках единой категории, что исключает возможность обнаружения специфики интеграционных процессов [21]. Внутренние мигранты действительно быстрее адаптируются в городах благодаря общегражданскому контексту и культурной близости. При этом они сталкиваются с проблемами дефицита социального капитала и дискриминации со стороны местного населения [3].

Недавнее коллективное исследование российских ученых¹³ показывает, что процесс интеграции внутренних мигрантов в городах России нельзя расценивать исключительно как линейный и однонаправленный. Они могут включаться в городские сообщества по разным траекториям, которые определяются не только личными ресурсами и стратегиями адаптации, но и отношением принимающей

⁹ Tajfel H. *Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. London : Academic Press, 1978. 474 p. ; Cohen A. P. *The Symbolic Construction of Community*. London : Ellis Horwood and Tavistock Publications, 1985. 128 p. ; Зиммель Г. *Большие города и духовная жизнь*. М. : Strelka Press, 2018. 112 с.

¹⁰ Simone A. *For the City Yet to Come: Changing African Life in Four Cities*. Durham, NC : Duke University Press, 2004. 312 p.

¹¹ Bauman Z. *Culture as Praxis*. London : SAGE, 1999. 198 p. ; Bauman Z. *On Glocalization: or Globalization for Some, Localization for Some Others* // *Thesis Eleven*. 1998. Vol. 54, no. 1. Pp. 37–49. <https://doi.org/10.1177/0725513698054000004>

¹² Зиммель Г. *Эссе о чужаке* // *Социальное пространство: Междисциплинарные исследования. [Реферативный сборник]*. Серия «Социология» / Отв. ред. Л. В. Гирко. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. С. 173–178.

¹³ Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. *Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция*. М. : ИД «Дело», 2021. 226 с.

стороны. В ряде случаев приезжие воспринимаются в качестве «чужих» не только из-за региональных различий, но и вследствие особенностей локальной социальной структуры, традиций ее самоорганизации и наличия закрытых сообществ.

Актуальность рассматриваемой проблемы подтверждается зарубежными исследованиями, в частности работами, посвященными внутренней миграции в Китае. К 2020 году там насчитывалось около 376 миллионов внутренних трудовых мигрантов [22], большинство из которых переехали в города из сельской местности. Они столкнулись с социальной изоляцией [23], усугубляемой системой регистрации хукоу (户口) [24–26], которая институционально закрепляет различие в правах между городскими жителями и мигрантами [27; 28]. Это ведет к пространственной и социальной сегрегации в китайских мегаполисах [24; 29], создает серьезные барьеры для интеграции. Даже если приезжие принадлежат к титульной этнической группе (ханьцам), они нередко исключаются из принимающих сообществ [24; 30].

Сходные процессы отмечены и в других странах с высокой внутренней миграционной мобильностью, таких как Индия, Бангладеш и государства Африки¹⁴ [31–35]. В этих регионах различия в социальном и культурном укладе между горожанами и приезжими из сельской местности осложняют интеграцию последних [35], даже не смотря на формальное гражданское равенство [31; 32]. Локальные сообщества часто воспринимают мигрантов как «чужаков» и выстраивают символические границы, препятствующие их полной интеграции в городскую среду [33].

Зарубежный опыт показывает, что внутренняя миграция может сопровождаться сложными процессами социальной и структурной интеграции, даже если приезжие и принимающее население формально принадлежат к одной нации. В российском контексте эта проблема остается малоизученной, особенно с точки зрения влияния внутренних переселенцев на локальные идентичности. Вопрос о социальной и структурной интеграции внутренних мигрантов в российских городах требует дальнейшего изучения, и в первую очередь в аспекте их взаимодействия с местным сообществом и формирования «мы-групп». Выявление специфики этих процессов может внести значительный вклад в понимание динамики локальных идентичностей в условиях внутренней миграции.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужили данные девяти фокус-групп, длившихся от одного до двух часов, численностью 6–10 человек, которые были проведены в июле–сентябре 2023 года в Иркутске, Томске и Красноярске. При этом производилась запись на диктофон. Впоследствии аудиофайлы были вручную расшифрованы и переведены в текстовый формат для удобства применения качественных методик работы с текстами. При расшифровке применялся метод дословной транскрипции, т. е. фиксировались как содержательные высказывания, так и междометия, смех, оговорки. Такой подход виделся наиболее релевантным, поскольку, среди прочего, позволял передать высокую степень эмоциональности речи, что важно при работе с чувствительными тематиками.

Выбор городов для исследования обусловлен тем, что они имеют схожие социально-экономические характеристики и, несмотря на разные размеры и социально-экономическую специфику, являются крупными научными и образовательными

¹⁴ Rajan S. I. Migration, Identity and Conflict: India Migration Report 2011. Routledge, 2011. 360 p. <https://doi.org/10.4324/9780203085264>

хабами в Сибири, притягивающими масштабные потоки образовательных мигрантов. Иркутск и Красноярск в силу своего местоположения и экономического потенциала также играют роль центров притяжения трудовой миграции. Таким образом, все три выбранных города – важные сибирские регионы с активными миграционными процессами, где внутренние и трансграничные переселенцы занимают значительную долю рынка труда. Это позволяет исследовать общие для данных территорий социальные стереотипы, а также восприятие мигрантов местными жителями, что необходимо для выявления универсальных закономерностей миграционных процессов.

Одинаковое количество групп (по 3) в местностях со столь разным населением объясняется отсутствием приоритета количественной репрезентативности¹⁵. Кроме того, во второй и третьей фокус-группах в каждом городе наблюдалась повторяемость тематических категорий, несмотря на разницу в социальном составе и возрасте участников. Стратегия работы строилась на принципе сопоставимости, а не симметрии; насыщенность данных определялась глубиной и релевантностью обсуждений¹⁶. Все фокус-группы предоставляли возможность выделить локальные стереотипы относительно мигрантов.

Респонденты, местные жители в возрасте от 18 до 36 лет, набирались методом снежного кома. Это позволило ускорить процесс; укрепить атмосферу доверия и обеспечить естественное вовлечение участников, что особенно важно для исследования чувствительных тем; эффективно привлечь тех, кому было важно делиться личным опытом в безопасной и поддерживающей среде; сгладить напряжение в обсуждении таких сенситивных тем, как идентичность и ксенофобия. Вместе с тем названный метод несет определенные риски: вероятность тупиковой выборки, проблем избыточного внимания [36], гомогенизация мнений и др.

Выбранный подход имеет особенности, которые, на первый взгляд, могут определяться как ограничения, однако на самом деле они способствовали глубине и надежности исследования. Отсутствие триангуляции, например, не ограничивало, а наоборот, акцентировало внимание на изначальной направленности работы – изучении мнений и восприятия, возникавших из непосредственных, не искаженных внешними факторами дискуссий внутри фокус-групп. Это дало возможность глубже погрузиться в понимание реального и актуального восприятия участников без дополнительного влияния.

Все респонденты были дважды (на этапе отбора и непосредственно перед началом процедуры) проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Анализ собранного материала проводился с помощью тематического осевого кодирования. Его расшифровки обрабатывались с использованием программы MAXQDA-2020. Упоминания мигрантов соотносились с категориями «внутренние» и «трансграничные», каждая из которых, в свою очередь, разделялась на следующие подкатегории: социальные характеристики (опасен/безопасен, где

¹⁵ Krueger R. A., Casey M. A. Focus Groups: A Practical Guide for Applied Research. 5th ed. New York : Sage Publications, 2015. 280 p.

¹⁶ Ritchie J., Lewis J., Elam G., Tennant R. Designing and Selecting Samples // Qualitative Research Practice: A Guide for Social Science Students and Researchers / eds. J. Ritchie, J. Lewis, C. McNaughton Nicholls, R. Ormston. New York : Sage Publications, 2013. Pp. 111–145.

встречается, чем занимается); различия/сходства переселенца и местного жителя (доступ к городской инфраструктуре, поведение/внешний вид, язык, национальная/этническая принадлежность). К результатам кодирования применялась методика дискурс-анализа: «мы» и «мигранты» рассматривались как изменчивые знаки, которые респонденты связывали с разными цепочками эквивалентности.

Результаты исследования. Рассуждая о миграции, респонденты по умолчанию подразумевают приезжих из стран Содружества Независимых Государств: *«В: Что вы знаете о мигрантах в Томске? <...> О2: В Томск есть миграция из множества стран, Центральной Азии, как правило. Из менее развитых азиатских стран, преимущественно в прошлом входили в состав Советского Союза».* Чаще всего упоминались Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан, реже Армения и Казахстан.

Респонденты выделили ряд критериев, по которым отделяют мигрантов от «мы-группы» и которые практически не вызывают споров: внешний вид, поведение, язык, профессия. Наиболее значимыми оказались видимые отличия, в ряде случаев даже более приоритетные, чем формальные признаки: *«У них есть специфика культуры, это... специфическая одежда: носят они платки, к примеру, голову покрывают. <...> В институте есть мальчики, у которых... скорее всего, русский паспорт, потому что они... всю жизнь в России живут, при этом по внешности понятно, что у них родители не из России. Все равно не может такого быть, что, ну, он точно русский».*

Значимым фактором становятся социальные характеристики, прежде всего трудная, «грязная», опасная работа¹⁷ – так называемая 3Ds. Мигранты стигматизируются, их представляют некомпетентными, не нужными собственным странам и потому готовыми на труд, непрестижный в восприятии местных. Иногда эти характеристики респонденты связывают с размером поселения исхода: *«К нам городское население едет в меньшей степени. <...> Квалифицированные специалисты нужны у них там самим. Сюда едет, на самом деле, то население, которое их экономика выплюнула».*

Социальные характеристики мигрантов определяют пространства, в которые их помещают. Относительно пространственного контекста участники фокус-групп преимущественно не расходились во мнении, это недорогое жилье: «гостинки»¹⁸, малосемейные общежития, частный сектор, старые многоквартирные дома. В Иркутске они расположены в окраинных микрорайонах (Березовый, Ново-Ленино и Юбилейный, поселок Марково), в районе Центрального рынка (Площадь Павла Чекотова, Шанхай Сити-Молл). В Красноярске это жилищные комплексы Белые росы, Тихие зори, микрорайоны Пашенный, Зеленая роща, Ветлужанка; районы Черемушки и Левобережье, поселок Солонцы. В Томске упоминаются проспекты Комсомольский и Мира, «конец» улицы Ленина, дома на Нефтяной и Мокрушина, Красный переулок на Центральном рынке; микрорайоны Южные ворота и Северный парк. Маркером, отличающим «своих» от мигрантов, становится и религиозность последних: их помещают в мечети и прилегающие районы.

¹⁷ Piore M. J. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 229 p.

¹⁸ В Красноярске и Томске так называют многоэтажные жилые комплексы с маленькими квартирами и комнатами низкого качества.

Названные пространства ассоциируются с бедностью и опасностью, причем их качества переносятся на приезжих: *«Район <...> не очень благополучный. Там в школьные годы было много шпаны, как раз-таки нерусских национальностей. И они часто вступали в драки, в словесные перепалки, во все такое. <...> Опасность присутствует, даже если свои, русские, подвыпившие. Но с мигрантами еще меньше хочется иметь дело, потому что они кажутся опаснее, более враждебно настроены».*

Важным фактором производства границ становится «культура», под которой подразумеваются нормы поведения, по умолчанию известные «местным»: *«Мигрант приезжает, получается <...> он не знает культуру страны, в которую он въехал, а люди страны, в которую он приехал, не знают его культуру. Соответственно из-за этих незнаний могут возникнуть барьеры, недопонимания и какой-то конфликт».*

Некоторые респонденты присваивают приезжим «чуждую», опасную, культуру, однако такие утверждения не являлись доминирующими в группах, обычно оспаривались большинством, и в первую очередь теми, кто имел опыт личного взаимодействия с мигрантами: *«Я работал в баре. Он работал поваром. Он узбек. <...> Он довольно культурный парень. Приехал учиться в университете, довольно быстро выучил русский. И головастый, и приятный, и культурный».*

Практически не оспаривалось недостаточное владение русским языком как еще один аргумент в пользу «чуждости» мигрантов. «Свой» обязан знать язык «в совершенстве», критериями чего выступают отсутствие акцента, знание локальных идиом и топонимов. В ряде случаев это обстоятельство становилось доводом в пользу того, чтобы отнести к «чужакам» и внутренних мигрантов. Таким образом, овладение языком может быть важнее структурной интеграции: «чужими» оказывались люди экономически успешные, но говорящие с акцентом.

Использование мигрантами родного языка в публичных местах иногда рассценивалось как проявление враждебности: *«Мне кажется, если они даже нас оскорбляют, они всё будут на своем языке, и я просто этого не понимаю».* Однако язык не является универсальным критерием: в одной из фокус-групп обсуждалось, что «своим» может стать не знающий языка человек, если он следует местным правилам: *«Если человек живет в Иркутске и не говорит на русском вообще. В принципе, для меня, я могу его назвать иркутянином. <...> Если человек следует правилам сообщества, то все в порядке. Он даже может не быть прописан, но отношение к нему будет адекватное».*

Во всех фокус-группах национальные и этнические маркеры относились участниками к признакам «чуждости» и оспаривались большинством. Другими словами, стигматизация «нации» для местного сообщества табуирована. Отвергая проведение границы «свой»–«чужой» по этническому и национальному признаку, респонденты могли ссылаться на советский национальный проект: *«С разных стран приезжают. Вот, с Советского Союза осталось, что все люди жили раньше в едином обществе. Хоть сейчас разделение разных стран, но... Некоторые люди живут по старым правилам. <...> То есть национальность тут не сильно влияет, тут влияет именно состояние конфликтности».*

После уточняющего вопроса об отношении к внутренним мигрантам в группах разворачивались дискуссии о допустимости употребления слова «мигрант» в отношении приезжих из российских регионов. Фактически респонденты оспаривали

уместность значения «чужак», которое они по умолчанию присваивали переселенцам. Аргументами в споре становились сходства и отличия внутреннего мигранта от воображаемой «мы-группы».

В итоге члены группы в основном приходили к единому мнению, согласно которому приезжих из российских регионов нельзя считать мигрантами, или «чужаками». Если в случае с трансграничными мигрантами точкой консенсуса являлось присутствие культурных различий, которые иногда оказывались важнее декларируемой ценности многонациональности, то относительно внутренних существование этих различий оспаривалось. Некоторые респонденты были склонны по умолчанию приписывать выходцам из других регионов общую с ними культуру: *«Относительно внутренних, я таких людей мигрантами-то не считала. Ты приехал из другого региона, и что? Ты такой же человек. Такой же, как и я! Ты говоришь на том же языке, выглядишь, как и я. Моральные ценности, культурные какие-то. Я таких людей ни разу не считаю мигрантами».*

Если же человек обладает отличиями, то из категории «выходец из соседнего региона», «такой же, как я», он переходит в разряд «чужаков» с характерным для трансграничных мигрантов набором признаков. В первую очередь выделялись видимые различия, которые, в частности, могли возводиться к культурным особенностям, проявившимся в несоответствии поведенческим нормам: *«Внутренние это кошмар. В Ново-Ленино ночью пойти гулять максимально опасно. Потому что мигрантов очень много. <...> Вот наш отец, у него есть его знакомый в полиции. И в своё время только-только Берёзовый заселяли мигрантами, он рассказывал, что постоянно ему друг звонит. По 2–3 вызова каждую ночь по дракам, по дебошам».*

Несоответствие нормам объяснялось наличием у внутренних мигрантов специфического для региона исхода культурного багажа, который определял не только потенциальную опасность, но и тактики интеграции: *«И у меня претензия к ним больше не столько как к чужестранцам, но к их культурному и образовательному уровню. Пусть приезжает 10 адекватных узбеков, чем 100 неадекватных русских из деревни. Которые потом организывают ОПГ (организованную преступную группировку. – Прим. авт.), а больше они ничего не могут...».*

Как и в случае с трансграничными мигрантами, национальные или этнические маркеры не объявляются причиной границы «свой»–«чужой» сами по себе. Таковой становятся по умолчанию ассоциируемые с этими маркерами культурные различия. Упоминая о разделяющих их и внутренних мигрантов различиях, респонденты в первую очередь приводят в пример выходцев из «республик»: *«Наверно, республика (Дагестан. – Прим. авт.) больше всех отличается от Томской области, потому что... обособлена от субъектов страны и у них есть свои внутренние особенности. Локальная религия, которая преобладает».*

Языковые различия также становятся основой для границы «свой»–«чужой» в случае внутренних мигрантов. При этом они могут смешиваться с этническим маркированием: *«В: Как вы думаете, приезжие из других регионов отличаются от тех, кто приезжает из других стран? О2: Вообще ничем не отличаются. Зачастую, большинство людей, что тувинцы, что якуты, считают, что они все нерусские, поэтому у них свой лексикон, свой язык».*

Еще одним фактором, обуславливающим культурные различия, выступает тип поселения. «Деревенских» респонденты не всегда считают «своими», приписывая

им те же отличия, что и трансграничным мигрантам или выходцам из национальных республик: *«Здесь больше, мне кажется, граница проходит между селом и городом... Ну, именно, что всё равно городские жители отличаются от сельских».*

Язык, нация, этнос, культура – все это становится предметом споров. Причем чаще оспаривается не приемлемость подобных различий, а само их существование в случае с внутренними мигрантами. Точкой же консенсуса в определении характеристик внутренних и трансграничных мигрантов служит их интегрированность в социальную и экономическую структуру принимающего города.

«Свой» в отличие от мигранта характеризуется как человек, умеющий пользоваться городской инфраструктурой, в полной мере включенный в нее и извлекающий из нее определенные преференции – социальный и финансовый капитал, безопасность, информацию: *«Если ты бросаешь всё, что у тебя есть, допустим, в Абакане, и едешь в Красноярск, где у тебя никого нет и ничего нет, и ты заново начинаешь всё строить, друзей, денежки какие-то, жильё, то тогда да. Тогда ты мигрант».*

В свою очередь, удаленность от инфраструктуры будет определять и социальные характеристики приезжего. Внутренний мигрант, как и трансграничный, вероятнее будет претендовать на тяжелую, низкооплачиваемую работу: *«О1: ...Люди, которые приехали без корней в новый город, они берутся за любую работу. Чаще всего это работа малооплачиваемая. <...> Приезжие из деревень, иногородние, иностранные. <...> То есть низкооплачиваемые... О2: Низкоквалифицированные? О1: Да, низкоквалифицированные...».* Внутренние мигранты, как и трансграничные, селятся в периферийных районах с низкой стоимостью аренды: *«Тихие зори – это сейчас довольно популярно, потому что квартиры не очень дорогие и в целом там большое привлечение людей, приезжих в том числе, и студентов, и молодых семей. <...> Тем, кому нужно снять жильё подешевле и не сильно надолго».*

Таким образом, «чуждость» мигранта в представлении респондентов помимо внешних отличий складывается также на основе его социальных характеристик (уровень дохода, тип занятости) и территории расселения (периферия, дешевое жильё). Это связано с тем, что мигрант, особенно тот, что перебирается из села в город, отчуждается от привычных инфраструктурных и социальных сетей, которые определяют качество его жизни, от локальных языков описания, регламентирующих правила пользования данными сетями. Необходимость осваивать все заново делает сходным опыт трансграничных и внутренних мигрантов из небольших поселений, влияя также на условия включения в «мы-группу».

Отвергая стигматизированный националистический нарратив, респонденты часто формировали границы включения на основе культурных признаков (акцент, неконвенциональное поведение или внешний вид). Это подчеркивает противоречие: декларируя многонациональность России в качестве базы для принятия этнически маркированных мигрантов, они одновременно исключают тех, кто отличается культурой, подменяя табуированные национальные маркеры. В обсуждениях внутренних переселенцев такие различия нередко становятся предметом споров, хотя в отношении трансграничных мигрантов принимаются как данность. Это свидетельствует о разрыве между риторикой гражданской идентичности и ее практическим воплощением.

Ключевым фактором интеграции, выявленным в исследовании, является время: чтобы стать «своим», мигранту необходимо адаптироваться к социальным

и культурным конвенциям, выглядеть, говорить и работать, «как мы». Сокращение периода включения в городские социальные и экономические сети может уменьшить дистанцию между риторикой общей идентичности и практикой ее реализации. При этом трансграничным мигрантам, особенно тем, кто плохо владеет русским языком, требуется больше времени на структурную интеграцию, чем внутренним. Выходцам из сельской местности также может понадобиться дополнительная помощь, поскольку их адаптация нередко длится дольше, чем у городских переселенцев.

Обсуждение и заключение. Жители названных городов могут воспринимать «чужими» не только трансграничных, но и внутренних мигрантов. Их отчужденность определяется видимыми различиями, но никак не культурными. При этом в качестве примера групп, обладающих отличиями, приводятся выходцы из национальных республик либо из небольших населенных пунктов. Культурные различия могут опираться на эссенциалистские представления, подразумевающие врожденную социокультурную специфику населения как основных стран-доноров, так и других российских регионов. Степень актуальности различий зависит от разницы в размере поселения-донора и реципиента: *«На мой взгляд, всё равно люди, выросшие в городе, <...> более грамотные, больше ориентируются в мире. Те, кто приезжают из села, их образ мысли ограничен этой жизнью в селе. Там же ещё и отсутствие интернета, отсутствие других коммуникаций. Люди замкнутые очень».*

Таким образом, мигранты в представлении респондентов составляют группу людей, обладающих видимыми отличиями вне зависимости от того, пересекали они государственную границу или нет. Внутри этой группы существует разделение по причинам отличий – по типу поселения и этническому, или национальному, маркированию региона исхода. Если человек является выходцем из этнического региона и небольшого поселения одновременно, он, по всей видимости, будет в наибольшей степени отчужден от принимающей группы.

Можно предположить, что границы, разделяющие «своих» и «чужих», более проницаемы в случае с внутренними мигрантами, нежели с теми, кто прибыл извне российских границ. Признавая готовность контактировать с выходцами из других регионов России, респонденты выдвигают русскую культуру как основу и одновременно как ограничение этой интеракции с последующим исключением из нее всех, кто такой культурой не обладает.

Наиболее значимым для идентификации трансграничных мигрантов в принимающих городах оказывается макроуровень идентичности. Мезо- (субрегиональная идентичность) и микроуровень (региональная и локальная идентичности) актуализируются относительно внутренних мигрантов. При этом микроуровень укоренен в повседневности респондентов, макроуровень в большей степени основан на политической мифологии.

Актуализация идентичности на мезоуровне может быть опосредована личным опытом, например поездками по России, встречами с жителями других территорий. Предположительно, наиболее значимой является идентичность, связанная с административными центрами сибирских регионов. Под «стать своим» многие респонденты подразумевают именно «стать красноярцем, томичом или иркутянином».

При этом границы между «своим» и «чужим» определяются степенью доступности горизонтальных сетей городов.

Проницаемость границ между приезжими и местным населением варьируется в зависимости от города. Так, в Томске и Красноярске она оказывается выше за счет доминирования образовательной миграции, которая воспринимается как ресурс развития города; в Иркутске – ниже, что проявляется в частоте упоминаний конфликтов и криминальных ситуаций, ассоциированных с мигрантами.

Наш материал подтверждает тезис о существовании в России нации как «...сети социальной коммуникации, плотность которой значительно выше, чем за ее пределами»¹⁹. Рассуждая о внутренних мигрантах, респонденты подсвечивают разрывы в этой сети. Можно заключить, что причиной их существования служат коммуникативные сбои, возникающие из-за социального неравенства между жителями крупных региональных центров и периферии. Культура, поведение, а также, в редких случаях, нация и этнос иногда объявляются причинами различий, однако под этими категориями часто подразумевается именно разность интегрированности в локальные сети.

Возможно, поэтому одним из ключевых факторов, превращающих «чужого» в «своего» в нарративах респондентов, выступает время. Оно позволяет и тем, и другим адаптироваться друг к другу: мигранты включаются в местные сети, что приводит к постепенной унификации практик; принимающая сторона учится взаимодействию с представителями иных инфраструктурных и социальных сетей. Это предположение подтверждают высказывания опрошенных во всех трех городах: никто из них не исключил возможности для приезжих войти в категорию «своих»; напротив, был выделен набор критериев и характеристик, которые дают основание для подобного расширения «мы-группы». Срок адаптации меняется в зависимости от города и личности участника фокус-группы. Возможные в данном процессе коммуникативные сбои увеличивают длительность интеграции и несут в себе значительный конфликтный потенциал, который можно снизить, если сократить время, требующееся на внедрение новых практик в социальные отношения и городскую среду принимающей стороны.

Результаты исследования конструирования границ между воображаемыми сообществами под воздействием миграционных процессов вносят вклад в изучение последних. Фокус на внутристрановых перемещениях людей позволил показать, что они играют важную роль в формировании конфигураций общероссийской идентичности и ее уровней. Это подтверждает значимость разработки и принятия мер воздействия на внутреннюю миграцию; с практической точки зрения позволяет подсветить проблемные зоны в регулировании межрегиональной и внутренней миграции, что до сих пор не является стратегической задачей²⁰. Учитывая необходимость актуализации концептуальных основ миграционной политики, результаты исследования могут быть полезны для включения данных вопросов в политическую повестку.

¹⁹ Малахов В. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М. : НЛЮ, 2023. 288 с.

²⁰ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ № 622 от 31 октября 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 02.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Полунов А.Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2023;(96):124–133. URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/61/55> (дата обращения: 17.03.2024).
Polunov A.Yu. All-Russian Civic Identity: Conceptual Foundations and Regional Implementation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2023;(96):124–133. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/61/55> (accessed 17.03.2024).
2. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках. *Социологические исследования*. 2014;(12):3–11. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_12/Sanina.pdf (дата обращения: 17.03.2024).
Sanina A.G. [Genesis of the Idea of Identity in Sociology and Related Sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014;(12):3–11. (In Russ.) Available at: https://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_12/Sanina.pdf (accessed 17.03.2024).
3. Дробизева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*. 2020;(8):37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
Drobizheva L.M. Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(8):37–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
4. Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д. Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024;26(2):306–324. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/39757>
Varshaver E.A., Ivanova N.S., Egorova T.D. Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become Its Member? *RUDN Journal of Political Science*. 2024;26(2):306–324. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/39757/23548>
5. Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Варшавер Е.А., Савин И.С. «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов. *Актуальные проблемы Европы*. 2024;(3):245–265. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>
Ivanova N.S., Egorova T.D., Varshaver E.A., Savin I.S. “To Live Just Like We Do”: Russian Residents’ Perceptions of Migrant Integration. *Aktualnye problemy Evropy*. 2024;(3):245–265. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>
6. Дробизева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(4):7–22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02>
Drobizheva L.M. Dynamics of Civic Identity and Its Potential in Positive Integration Processes in the Russian Community. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(4):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.02>
7. Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты. *Социальная психология и общество*. 2020;11(4):165–181. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>
Gritsenko V.V., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. The Importance of Civil, Ethnic and Regional Identity for Residents from Small Russian Towns and its Determinants. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*. 2020;11(4):165–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/sps.2020110412>
8. Тишков В.А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачёва до Путина). *Вестник Российской нации*. 2018;(6):9–30. URL: http://rosnation.ru/?page_id=4013 (дата обращения: 19.03.2024).
Tishkov V.A. Changing Concepts of Ethno-Politics in Russia (from Gorbachev to Putin). *Bulletin of Russian Nation*. 2018;(6):9–30. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://rosnation.ru/?page_id=4013 (accessed 19.03.2024).
9. Козлова М.А. «Стигма расы»: Стратегии совладания мигрантов из республик Северного Кавказа в Москве. *Журнал исследований социальной политики*. 2016;14(3):347–362. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3260> (дата обращения: 21.02.2024).

- Kozlova M.A. "The Race Stigma": The Coping Strategies Employed by Migrants from the North Caucasus in Moscow. *Journal of Social Policy Studies*. 2016;14(3):347–362. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3260> (accessed 21.02.2024).
10. Богатова О.А., Долгаева Е.И. Город в теории и на практике: факторы формирования социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации. *Регионоведение*. 2022;30(2):447–469. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>
Bogatova O.A., Dolgaeva E.I. The City in Theory and in Practice: Factors of Social Identity Formation of the Capital of Republic within the Russian Federation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):447–469. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.447-469>
 11. Ерохина Е.А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия). *Гуманитарные науки в Сибири*. 2007;(3):100–103. <https://www.elibrary.ru/ibvmgv>
Erokhina E.A. [Ethnic Borders in the Interethnic Community (on the Example of the Republic of Khakassia)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2007;(3):100–103. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/ibvmgv>
 12. Персидская О.А., Евдокимов А.И. Разные виды идентичностей у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016;(10):137–141. <https://www.elibrary.ru/wlwonr>
Persidskaya O.A., Evdokimov A.I. Types of Identity Among Ethnic Groups of Siberia: Comparing Sociological Research Findings. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2016;(10):137–141. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/wlwonr>
 13. Малахов В.С., Симон М.Е. К генеалогии миграционной политики в России: столкновение двух правительственных рациональностей. *Вопросы теоретической экономики*. 2018;(1):58–72. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00004>
Malakhov V.S., Simon M.E. To the Genealogy of Russian Migration Policy: the Collision between Two Governmentalities. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. 2018;(1):58–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00004>
 14. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2010;(3/4):121–149. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-121-149>
Dyatlov V.I. [Cross-Border Migrants in Modern Russia: Dynamics of Stereotypes Formation]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*. 2010;(3/4):121–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-121-149>
 15. Ивлева И.В., Тавровский А.В. Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа. *Этнографическое обозрение*. 2019;(1):149–165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>
Ivleva I.V., Tavrovskii A.V. The Representation of Labour Migrants in the Russian Media. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 2019;(1):149–165. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4>
 16. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия. *Мир России*. 2014;23(1):137–166. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977/5339> (дата обращения: 15.01.2024).
Mukomel V.I. Xenophobia in the Context of Culture of Trust. *Mir Rossii*. 2014;23(1):137–166. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4977/5339> (accessed 15.01.2024).
 17. Мукомель В.И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтнические мигранты в московском мегаполисе. *Федерализм*. 2015;(1):79–92. URL: <https://federalizm.rea.ru/jour/issue/view/41> (дата обращения: 18.01.2024).
Mukomel V.I. Their "Other": Russian Domestic Inoethnic Migrants in the Moscow Megapolis. *Federalizm*. 2015;(1):79–92. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://federalizm.rea.ru/jour/issue/view/41> (accessed 18.01.2024).
 18. Евдокимов А.И., Пономарева И.В. Культурные ценности российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии. *Теория и практика общественного развития*. 2021;(2):26–31. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.2.3>

- Evdokimov A.I., Ponomareva I.V. Cultural Values of Russian Youth and Migrants from Central Asia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2021;(2):26–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.2.3>
19. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры. *Общественные науки и современность*. 2012;(5):151–163. <https://www.elibrary.ru/pfzsdz>
Zamyatina N.Yu. [Territorial Identities and Social Structures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2012;(5):151–163. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/pfzsdz>
 20. Булатов А.О. Российское государство и «внутренние» мигранты-мусульмане: тенденции взаимодействия и стратегии адаптации. *Вестник Евразии*. 2007;(3):68–77. URL: <https://sciup.org/eavest/2007-3> (дата обращения: 15.03.2024).
Bulatov A.O. [The Russian State and “Internal” Muslim Migrants: Interaction Trends and Adaptation Strategies]. *Vestnik Evrazii*. 2007;(3):68–77. (In Russ.) Available at: <https://sciup.org/eavest/2007-3> (accessed 15.03.2024).
 21. Мукомель В.И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов. *Социологические исследования*. 2016;(5):69–79. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_5/69_79_Mukomel.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
Mukomel' V.I. [Problems of Integration of Intra-Russian Foreign-Ethnic Migrants]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;(5):69–79. (In Russ.) Available at: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_5/69_79_Mukomel.pdf (accessed 10.04.2024).
 22. Zhao J., Pan H., Wahid M., Liu F. Vulnerability of Chinese Rural-to-urban Migrants to Social Exclusion: Spatial Pattern and Mechanism. *Frontiers of Architectural Research*. 2021;10(3):572–583. <https://doi.org/10.1016/j.foar.2021.03.006>
 23. Chan K.W., Buckingham W. Is China Abolishing the Hukou System? *The China Quarterly*. 2008;(195):580–606. <http://doi.org/10.1017/S0305741008000787>
 24. Chan A. Migrant Workers' Fight for Rights in China. *Current History*. 2016;115(782):209–213. <https://doi.org/10.1525/curh.2016.115.782.209>
 25. Friedman E., Lee C.K. Remaking the World of Chinese Labour: A 30-Year Retrospective. *British Journal of Industrial Relations*. 2010;48(3):507–533. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2010.00814.x>
 26. Wu W. Urban Infrastructure Financing and Economic Performance in China. *Urban Geography*. 2010;31(5):648–667. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.31.5.648>
 27. Liu E., Li Z., Liu Y., Chen H. Growth of Rural Migrant Enclaves in Guangzhou, China: Agency, Everyday Practice and Social Mobility. *Urban Studies*. 2015;52(16):3086–3105. <https://doi.org/10.1177/0042098014553752>
 28. Wu F. Housing in Chinese Urban Villages: The Dwellers, Conditions and Tenancy Informality. *Housing Studies*. 2014;31(7):852–870. <https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1150429>
 29. Song Y., Zenou Y., Ding C. Let's Not Throw the Baby Out with the Bath Water: The Role of Urban Villages in Housing Rural Migrants in China. *Urban Studies*. 2008;45(2):313–330. <https://doi.org/10.1177/0042098007085965>
 30. Lui L., Chan K.W. “Rural but Not Rural”: Gendered and Classed Moral Identities in Liminal Spaces in Guangdong, China. *Eurasian Geography and Economics*. 2022;63(2):239–258. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1833358>
 31. Njwambe A., Cocks M., Vetter S. Ekhayeni: Rural-Urban Migration, Belonging and Landscapes of Home in South Africa. *Journal of Southern African Studies*. 2019;45(2):413–431. <http://doi.org/10.1080/03057070.2019.1631007>
 32. Albert A.O., Onodje O. Migration and Cultural Identity Retention of Igbo Migrants in Ibadan, Nigeria. *Journal of Sustainable Development*. 2016;9(2):137–144. <http://doi.org/10.5539/jsd.v9n2p137>
 33. Abiola M., Ndisika M. Internal Migration and Multi-Ethnicity: Sense of Belonging of the Nigerian Second-Generation Migrants. *International Journal of Humanities and Social Development Research*. 2022;6(1):54–77. Available at: https://scholar.google.com/citations?user=f_yAaEUAAAAJ&hl=en (accessed 10.04.2024).
 34. Abbas R. Internal Migration and Citizenship in India. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016;42(1):150–168. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1100067>
 35. Chaklader M.A. Understanding Ethnic Identity in the Context of Internal Migration: a Case Study of University Students of Ethnic Minority Origins in Urban Bangladesh. *PEOPLE: International Journal of Social Sciences*. 2019;5(1):328–349. <http://doi.org/10.20319/pijss.2019.51.328349>

36. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель. *Социология: методология, методы, математическое моделирование* (Социология: 4М). 2014;(38):38–71. URL: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3770> (дата обращения: 19.12.2024).
Shteinberg I.E. A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An “8-Window Sample Model”. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* (Sotsiologiya: 4M). 2014;(38):38–71. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3770> (accessed 19.12.2024).

Об авторах:

Тимошкин Дмитрий Олегович, доктор социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), профессор кафедры информационных технологий в креативных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-0469>, Researcher ID: E-4471-2019, Scopus ID: 57205318934, SPIN-код: 6568-6235, dmttrim@gmail.com

Сметанин Федор Анатольевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), старший преподаватель кафедры культурологии и музеологии Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-кт Ленина, д. 36), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0408-9845>, Researcher ID: AAO-6585-2020, Scopus ID: 57783110200, SPIN-код: 4055-0300, f-smetanin@mail.ru

Горшкова Диана Евгеньевна, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-кт Ленина, д. 36), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>, Researcher ID: AAO-6975-2020, Scopus ID: 57221914634, SPIN-код: 6085-7996, br.diana21@gmail.com

Волошин Андрей Александрович, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4326-5290>, nishlov94@gmail.com

Иванов Кирилл Андреевич, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), младший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Иркутский институт химии им. Е.А. Фаворского Сибирского отделения Российского отделения наук» (664033, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Фаворского, 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>, Researcher ID: O-9236-2015, Scopus ID: 59248985100, SPIN-код: 8077-4256, ivanov-ka@word.isu.ru

Корешкова Юлия Олеговна, младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-6032>, Researher ID: JSK-5702-2023, Scopus ID: 57658268400, SPIN-код: 5742-0242, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Сорокина Арина Евгеньевна, бакалавр культурологии, студент Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7949-6816>, arinasoroka47@gmail.com

Игнатенко Софья Александровна, бакалавр культурологии, студент Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7057-5262>, ajifos01102002@mail.ru

Шапошникова-Мурашова Галина Алексеевна, бакалавр культурологии, студент Сибирского федерального университета (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт Свободный, д. 79), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-068X>, galya.shaposhnickova@yandex.ru

Вклад авторов:

Д. О. Тимошкин – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка и проектирование методологии исследования; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Ф. А. Сметанин – разработка и проектирование методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Д. Е. Горшкова – разработка и проектирование методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; разработка методологии исследования; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

А. А. Волошин – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

К. А. Иванов – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; обработка и анализ данных; написание черновика рукописи; внесение замечаний и исправлений.

Ю. О. Корешкова – формулирование идеи исследования, целей и задач; написание черновика рукописи, включая перевод на иностранный язык; внесение замечаний и исправлений.

А. Е. Сорокина – обработка данных; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; внесение замечаний и исправлений.

С. А. Игнатенко – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; внесение замечаний и исправлений.

Г. А. Шапошникова-Мурашова – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.10.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 25.01.2025.

About the authors:

Dmitriy O. Timoshkin, Dr.Sci. (Sociol.), Senior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), Professor of the Chair of Information Technologies in Creative Industries, Humanitarian Institute of Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5478-0469>, Researcher ID: E-4471-2019, Scopus ID: 57205318934, SPIN-code: 6568-6235, dmttrim@gmail.com

Fedor A. Smetanin, Cand.Sci. (Histor.), Junior Research in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), Senior Lecturer of the Chair of Cultural Studies and Museology, Institute of Arts and Culture, National Research Tomsk State University (36 Prospekt Lenina, Tomsk 634050, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0408-9845>, Researcher ID: AAO-6585-2020, Scopus ID: 57783110200, SPIN-code: 4055-0300, f-smetanin@mail.ru

Diana E. Gorshkova, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx st., Irkutsk 664003, Russian Federation), Assistant of the Chair of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (36 Prospekt Lenina, Tomsk 634050, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>, Researcher ID: AAO-6975-2020, Scopus ID: 57221914634, SPIN-code: 6085-7996, br.diana21@gmail.com

Andrei A. Voloshin, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-4326-5290>, nishlov94@gmail.com

Kirill A. Ivanov, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), Researcher of the Federal Research Center E.A. Favorsky “Irkutsk Institute of Chemistry. Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (1 Favorskogo St., 664033 Irkutsk, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3895-0082>, Researcher ID: O-9236-2015, Scopus ID: 59248985100, SPIN-code: 8077-4256, ivanov-ka@word.isu.ru

Iuliia O. Koreshkova, Junior Researcher in the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5582-6032>, Researcher ID: JSK-5702-2023, Scopus ID: 57658268400, SPIN-code: 5742-0242, yuliakodzhaeva@yandex.ru

Arina E. Sorokina, Bachelor of Cultural Studies, Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7949-6816>, arinasoroka47@gmail.com

Sofiya A. Ignatenko, Bachelor of Cultural Studies, Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7057-5262>, ajifos1102002@mail.ru

Galina A. Shaposhnikova-Murashova, Bachelor of Cultural Studies, Siberian Federal University (79 Prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk 660041, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0174-068X>, galya.shaposhnikova@yandex.ru

Contribution of the authors:

D. O. Timoshkin – formulating research idea, goals, and objectives; developing and designing research methodology; supervising, leading, and mentoring the planning and conduct of the study; implementing the research process, including data collection; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

F. A. Smetanin – developing and designing the research methodology; implementing the research process, including data collection; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

D. E. Gorshkova – developing and designing the research methodology; implementing the research process, including data collection; developing the research methodology; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

A. A. Voloshin – carrying out the research process, including data collection; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

K. A. Ivanov – carrying out the research process, including data collection; processing and analyzing data; writing a draft manuscript; making comments and corrections.

I. O. Koreshkova – formulating the research idea, goals and objectives; writing a draft manuscript, including translation into a foreign language; making comments and corrections.

A. E. Sorokina – carrying out the research process, including data collection; making comments and corrections.

S. A. Ignatenko – carrying out the research process, including data collection; making comments and corrections.

G. A. Shaposhnikova-Murashova – carrying out the research process, including data collection; making comments and corrections.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 07.10.2024; revised 18.01.2025; accepted 25.01.2025.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ / SOCIOLOGY OF CULTURE

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.335-353>

EDN: <https://elibrary.ru/zodnnd>

УДК / UDC 316:008:355.2

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

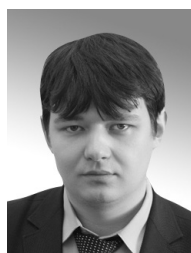
Культурная мобилизация в период проведения специальной военной операции: как «новая» этика меняет «старые» привычки

Н. В. Жадунова¹

Е. А. Коваль^{1,2} ✉

С. Г. Ушкин^{3,4}

А. А. Сычев^{1,5}

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация)

² Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
(г. Саранск, Российская Федерация)

³ Научный центр социально-экономического мониторинга
(г. Саранск, Российская Федерация)

⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)
(г. Москва, Российская Федерация)

⁵ Институт науки и технологии СРМ (г. Ченнаи, Индия)
✉ nwifesc@yandex.ru

Аннотация

Введение. В России после начала специальной военной операции (СВО) на Украине ускорились масштабные трансформации, затронувшие все сферы деятельности, в том числе практики культурного потребления. Ряд персон, занятых в креативных профессиях, публично поддержали или, напротив, осудили происходящее, что повлияло на их восприятие представителями власти и гражданами. Однако отношение к авторам и исполнителям тесно взаимосвязано с отношением к объектам культурного потребления, которые они производят. Данное исследование предпринято с целью выяснить, каким образом меняются (и меняются ли) культурные предпочтения людей (на уровне отдельно взятого региона) в период проведения СВО. Необходимость и значимость работы обусловлена как появлением нового ракурса проблемы культурного потребления, связанного с СВО, так и малочисленностью исследований на эту тему.

Материалы и методы. Исследование проводилось с сентября по ноябрь 2024 г. в Республике Мордовия методом анкетирования, реализуемого на платформе «Яндекс. Формы». Всего было опрошено 370 жителей региона из более чем 80 населенных пунктов. Квотная выборка репрезентирует население по полу, возрасту и месту проживания. Исследование носит разведывательный характер.

Результаты исследования. В условиях ведения СВО большинство опрошенных сохранили культурные предпочтения; каждый четвертый заявил об их изменении. Менее устойчивые практики

© Жадунова Н. В., Коваль Е. А., Ушкин С. Г., Сычев А. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

культурного потребления характерны для людей старшего возраста, пенсионеров с низким доходом; более устойчивые – для молодежи, проживающей в столице региона, а также для лиц с высоким уровнем образования и доходов. Выделены три кластера, позволяющих идентифицировать участников исследования в зависимости от их отношения к текущей ситуации в сфере культурного потребления: либеральный, конформистский и консервативный. Либеральный объединяет выступающих против цензуры и излишнего государственного контроля. В консервативном кластере представлены сторонники разумных ограничений свободы слова, необходимости поддерживать деятелей, демонстрирующих патриотические убеждения, и отменять тех, кто признан иностранным агентом (иноагентом). Конформистский кластер составили респонденты с наименее устойчивыми привычками культурного потребления, ориентированные на те нарративы, которые связаны с сохранением и воспроизводством традиционных ценностей и продвигаются государством.

Обсуждение и заключение. Культурное потребление коррелирует с уровнем экономического и культурного институционализированного капитала. Изменения культурного потребления в условиях напряженности происходят преимущественно по признаку совпадения или несовпадения политических убеждений потребителя и производителя культурного продукта. Наиболее значимый фактор, влияющий на культурное потребление в условиях ведения СВО, – официальная информационная повестка, транслируемая государством. Полученные результаты могут быть полезны для управленцев, ответственных за формирование и реализацию культурной политики.

Ключевые слова: потребление, культурное потребление, «новая» этика, культура отмены, культурные предпочтения, культурный продукт, внешнеполитическая напряженность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01167 ««Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспективы», <https://www.rscf.ru/project/23-28-01167/>)

Для цитирования: Жадунова Н.В., Коваль Е.А., Ушкин С.Г., Сычев А.А. Культурная мобилизация в период проведения специальной военной операции: как «новая» этика меняет «старые» привычки. *Регионоведение*. 2025;33(2):335–353. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.335-353>

Cultural Mobilization During the Special Military Operation: How “New” Ethics Changes “Old” Habits

N. V. Zhadunova^a, E. A. Koval^{a,b} ✉, S. G. Ushkin^{c,d}, A. A. Sychev^{a,e}

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

^b Middle-Volga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (Saransk, Russian Federation)

^c Scientific Center for Socio-Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation)

^d All-Russian Center for Public Opinion Research (Moscow, Russian Federation)

^e SRM Institute of Science and Technology (Chennai, India)

✉ nwifesc@yandex.ru

Abstract

Introduction. In Russia, after the start of the Special Military Operation in Ukraine, large-scale transformations accelerated, affecting all spheres of activity, including cultural consumption practices. A number of people in the creative professions publicly supported or, on the contrary, condemned what was happening, which influenced their perception by government officials and fellow citizens. However, attitudes towards authors and performers are closely related to attitudes towards the objects of cultural consumption they produce. This study was undertaken in order to find out how people's cultural preferences change (and whether they change) (at the level of a single region) during the period of the Special Military Operation.

Materials and Methods. The research was conducted from September to November 2024 in the Republic of Mordovia by the method of questionnaire survey, implemented on the “Yandex. Forms” platform. A total of 370 residents of the region from more than 80 settlements were interviewed. The quota sample represents the population by gender, age and place of residence. The research is of an exploratory nature.

Results. In the context of the Special Military Operation, the majority of respondents maintained their cultural preferences; every fourth stated that they had changed them. Less stable cultural consumption practices are characteristic of older people, pensioners with low incomes; more stable ones are characteristic of young people living in the capital of the region, as well as of people with a high level of education

and income. Three clusters have been identified, allowing participants to be classified according to their attitude toward the current situation in the sphere of cultural consumption: liberal, conformist, and conservative. The liberal cluster unites those who oppose censorship and excessive state control. The conservative cluster includes supporters of reasonable restrictions on freedom of speech, the need to support figures demonstrating patriotic beliefs, and to cancel those who are recognized as foreign agents. The conformist cluster was made up of respondents with the least stable habits of cultural consumption, oriented towards those narratives that are associated with the preservation and reproduction of traditional values and promoted by the state.

Discussion and Conclusion. Cultural consumption correlates with the level of economic and cultural institutionalized capital. Changes in cultural consumption under conditions of tension occur mainly on the basis of coincidence or inconsistency of political beliefs of the consumer and the producer of the cultural product. The most significant factor affecting cultural consumption in the context of the Special Military Operation is the official information agenda broadcast by the state. The obtained results may be useful for managers responsible for the formation and implementation of cultural policy.

Keywords: consumption, cultural consumption, “new” ethics, culture of cancellation, cultural preferences, cultural product, foreign policy tensions

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01167, “«New Ethics»: Cultural Foundations and Normative Perspectives”, <https://www.rscf.ru/project/23-28-01167/>)

For citation: Zhadunova N.V., Koval E.A., Ushkin S.G., Sychev A.A. Cultural Mobilization During the Special Military Operation: How “New” Ethics Changes “Old” Habits. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):335–353. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.335-353>

Введение. В условиях социальной и политической напряженности мы наблюдаем активную трансформацию привычных социальных практик, которая началась еще во время пандемии коронавирусной инфекции и продолжилась после начала СВО. Подобного рода изменения образуют то, что сегодня принято называть «новой нормальностью»: результат адаптации к кризисным явлениям при общем снижении уровня определенности, возникновение новых, отличающихся от прежних, норм и явлений. В этом ключе достаточно перспективными для анализа выглядят практики культурного потребления, которые, с одной стороны, существенно реже подвергаются глубокому препарированию в отличие от экономического поведения, с другой стороны, должны обладать достаточно жестким каркасом, поскольку реализуются в непубличной, как правило, закрытой для постороннего глаза плоскости.

Культурное потребление можно охарактеризовать с точки зрения двух базовых подходов: оптимистического, где потребление предстает как социальная практика, а потребитель – как автономная, ответственная и проактивная личность, и пессимистического, сосредоточенного на процессах производства и товарообмена, когда потребитель – необходимый, но не значимый, инертный элемент системы [1: 91]. Мы придерживаемся первого подхода и считаем, что результат культурного творчества представителей креативных профессий можно рассматривать в качестве продукта [2: 127], производство которого приносит прибыль.

Если типовой, индивидуализированный, продукт (например, конвейерное производство автомобилей, бытовой техники, одежды и т. п.), как правило, легко отчуждается от своего создателя, то продукт, произведенный представителями креативных профессий, всегда уникален и тесно связан с личностью автора или исполнителя. Поэтому отношение к последним может переноситься и на продукт. (Продукт в данном случае мы трактуем максимально широко: музыкальное, литературное, кинематографическое и иное произведение, имеющее культурную

ценность и ставшее доступным аудитории, вовлеченной в культурное потребление.) Позитивное отношение к представителям креативных профессий может интенсифицировать потребление производимого ими продукта, а негативное – привести к отказу даже от привычных потребительских практик (постоянного прослушивания любимых музыкальных треков, пересматривания фильмов, чтения произведений полюбившихся авторов и т. д.).

Существенное влияние на отношение к представителям креативных профессий и опосредованно к продукту, который они производят, оказывают ситуации конфликтности, требующие особой собранности, готовности к определенным действиям, ожидаемым, как минимум, от референтной группы, смены старых привычек, если это необходимо для достижения общих высоких целей. К таким ситуациям в полной мере можно отнести и СВО.

Цель настоящего исследования заключается в поиске теоретических оснований для практик культурного потребления населения в условиях повышенной геополитической напряженности на примере отдельно взятого региона. Выбранный субъект – Мордовия – по ряду признаков типичен, отражает усредненные мнения населения¹ России.

Нами выделены две следующие рабочие гипотезы.

H1. Чем выше уровень культурного и экономического капитала, тем устойчивее культурные предпочтения, и наоборот.

H2. Чем сильнее идеологизирована личность, тем в большей степени на ее культурные предпочтения будет влиять позиция ближайшего окружения.

Обзор литературы. Несмотря на обилие исследований культурных предпочтений и практик культурного потребления, они, как правило, касаются выяснения структуры и типов потребления, мотивов формирования культурных предпочтений, интенсивности и социальных предикторов культурного потребления [3]. Реже внимание уделяется глобальным процессам, трансформирующим не только социальные практики, но и их ценностно-нормативные основания. К ним относятся ситуации и процессы, характеризующиеся высоким уровнем конфликтности, возникновением и усилением межгосударственных, межгрупповых, внутригрупповых, межличностных разногласий, что сопровождается расширением пространства морально значимого выбора (свой/чужой, легитимный/нелегитимный, справедливый/несправедливый и пр.). Исследование является попыткой восполнить пробел в области изучения трансформации практик культурного потребления в условиях напряженности.

Фиксируя наличие или отсутствие изменений символической ценности и мотивов, влияющих на эти процессы, мы можем сделать определенные выводы о трансформациях потребления, не пытаясь присваивать культурным продуктам рейтинги, вменяя респондентам лишь исследовательские вкусы и предпочтения.

Большую роль в современной риторике культурного потребления играет понятие «иноагент», которое можно рассмотреть в контексте бодрийеровской «генеалогии враждебности». В частности, выделяются четыре способа нападения и защиты, обозначенные метафорами «волки», «крысы», «тараканы» и «вирусы». В этой аналитической конструкции иноагенты могут быть отнесены к «волкам»,

¹ Республика Мордовия глазами социологов : науч. справ. / 2-е изд., перераб. и расш. Саранск : Научный центр социально-экономического мониторинга, 2024. 480 с.

открытым противникам, от которых можно защищаться, возводя укрепления и стены (в данном случае метафорически, поскольку укрепления и стенами являются законы)². Впрочем, важно понимать, что способы нападения и защиты эффективны, только если враг (или чужак) легко идентифицируется и обладает выраженными негативными качествами.

Отказаться от старых паттернов поведения сложно, поскольку изначально они не несут в себе негативности, а напротив, обладают (в некоторых случаях даже излишней) позитивностью. Например, песни (а также фильмы, книги, картины и т. д.) иноагентов могут наделяться символическими значениями, связываться с яркими событиями в жизни людей. Поэтому здесь мы наблюдаем борьбу не просто с «волками», действующими в русле диалектики негативности, но с нейрональным насилием, в котором Б.-Ч. Хан видит причину усталости современного общества, вызванной переизбытком позитивности³. Иначе говоря, мы имеем дело с когнитивным диссонансом, когда личные и общественные установки противоречат друг другу, а позитивное заменяется негативным, и наоборот.

Применение к обозначенной проблеме риторики «новой этики» позволяет апеллировать, в первую очередь, к понятию «культура отмены» – публичному осуждению известных деятелей, демонстрирующих ненормативное поведение, которое идет вразрез со смысловыми ценностями инициаторов отмены. В англоязычной среде оно впервые стало активно употребляться в 2015 году в Интернет-сообществе Black Twitter, где общались сторонники борьбы с расистским и женоненавистническим дискурсами [4: 2].

Хотя понятие «культура отмены» используется в основном в либерально-демократическом дискурсивном пространстве, мы полагаем, что оно универсально и что отменять также могут сторонники традиционных духовно-нравственных ценностей, которые на декларативном уровне отрицают любое содержание, имеющее отношение к технологиям «новой этики». В целом чем сильнее поляризована политическая система, тем чаще обе стороны моральных конфликтов апеллируют к риторике культуры отмены [5].

Мы исходим из того, что в условиях внешнеполитической напряженности люди делятся на тех, кто меняет свои культурные предпочтения в духе «новой этики», пусть и не осознавая это, и тех, кто сохраняет «старые привычки», т. е. сознательно отказывается что-либо менять в практиках культурного потребления. Во втором случае даже мотивы безопасности, не говоря уже о конъюнктурной целесообразности или желании соответствовать ожиданиям релевантного для индивида окружения, не влияют на устойчивые практики. Полагаем, что такая позиция в большей степени характерна для людей с высоким уровнем культурного и экономического капитала.

Культурный капитал, согласно П. Бурдьё, существует в трех формах: воплощенной, объективированной, институционализированной⁴. Последняя, выражаемая

² Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с франц. Н. Сулова. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. С. 94.

³ Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М. : АСТ, 2024. С. 35.

⁴ Bourdieu P. The Forms of Capital // Richardson J. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Westport, CT : Greenwood, 1986. Pp. 243. Available at: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf (accessed 15.02.2025).

через образовательную квалификацию, позволяет учитывать культурный капитал, приобретенный не только в процессе получения образования, но и ранее инвестированный в индивида семьей. Следовательно, образовательная квалификация сочетает в себе две значимые составляющие и может иметь положительную корреляцию с устойчивостью практик культурного потребления. Делая выбор в пользу тех или иных культурных продуктов, индивид позволяет соотносить себя с определенной группой, представителям которой свойственны сопоставимые уровни экономического и культурного капитала. Такая группа, по его мнению, характеризуется аналогичными культурными предпочтениями, поэтому, выбирая те же культурные продукты, что и члены группы, индивид определяет свою принадлежность к ней [6: 144]. В ряде случаев идентификация с группой требует демонстративного потребления, мотивами которого помимо принадлежности выступают «попытка ввести в заблуждение», а также безопасность [7: 55].

В отечественной литературе предпринимались попытки представить обобщенную картину потребления культурных благ и определить ведущие мотивы такого потребления [3; 8]. В основе подобных исследований лежат теоретические подходы и эмпирические закономерности, коррелирующие с концепцией П. Бурдьё: культурное потребление зависит от «неравенства в доходах», уровня образования и профессионального статуса, возраста потребителей, места их проживания (город, сельская местность).

Одним из условий, влияющих на выбор индивидом тех или иных культурных продуктов, является желание сделать факт потребления публичным, а акт потребления – символическим, знаковым, подчеркивающим реальный или придуманный статус человека. Такое потребление представляет собой метафору, «...в рамках которой потребляемые брендовые товары выступают символами социальных и экономических позиций потребителей» [9: 60]. В ситуации напряженности и нестабильности демонстративность становится способом выражения политических взглядов и предпочтений либо лояльности к официальной идеологии.

Культурное потребление во многом определяется стремлением к самоактуализации, которая, с одной стороны, демонстрирует ценности и «культурный потенциал» человека, с другой – способствует «устойчивости» общества, где живет этот человек [10: 28]. На него могут влиять и такие факторы, как политизация культурных элит и их стремление соответствовать запросам времени [11: 74].

Современные российские исследователи подходят к изучению данных проблем, анализируя публичный дискурс вокруг творчества и поступков деятелей культуры, а также динамику изменения отношения различных целевых аудиторий к СВО⁵ [12; 13]. Для населения России изменение отношения к представителям креативных индустрий в рамках культуры отмены – запрет на выступления, публикации и съемки – не ново, поскольку в советском прошлом оно использовалось для обозначения неблагонадежности. Тем не менее, несмотря на довольно распространенные практики запретов деятелей культуры, россияне не склонны к тотальной отмене кого бы и чего бы то ни было по политическим мотивам [14].

⁵ Кулешова А. В. Поляризация взглядов по ключевым вопросам среди сторонников и противников СВО // Социодиггер. 2022. Т. 3, вып. 7 (19). С. 30–34.

Причинами того, что культура отмены как составляющая социального и политического манипулирования не прижилась в обществе, называют аполитичность россиян и российской культуры, стабильность «политических биографий» политиков, элитарность политического дискурса, с одной стороны, и имеющийся собственный опыт отмены деятелей культуры государством в советский период, – с другой [15].

Детальный анализ политических аспектов культуры отмены, которые маргинализируют общество, историю, исторических деятелей, достижения культуры и т. д., показывает, что она, имманентно присущая западной идеологии, может стать инструментом для отмены государства, поэтому в России сегодня необходимо обеспечить «ценностный и информационный суверенитет» [16]. Впрочем, его механизмы также неизбежно несут в себе элементы отмены, правда, отмены отменяющих.

При этом новое восприятие «...активно влияет на конструирование событий, используется для продвижения определенных культурных ценностей в том числе через экономические инструменты» [17: 108]. Эти ценности звучат в рамках политического и экономического противостояния различных сообществ [18: 771].

На личностном уровне изменение ценностных предпочтений используется в целях определения идентичности, поиска себя в изменяющемся мире. В результате потребление, особенно его нестандартные формы, «...помимо выполнения своей прямой потребительской функции, помогают нам справиться с постоянно возникающими стрессами»⁶.

Обзор существующих исследований подтверждает актуальность и высокий уровень интереса к ценностным трансформациям, характерным для ситуаций напряженности, к которым относится и СВО. Мы рассмотрим эти трансформации под углом культурного потребления, изменения культурных предпочтений и мотивов, по которым оно осуществляется. Нам предстоит выяснить, живы ли еще советские практики отмены деятелей культуры, или жители России в большей степени демонстрируют преданность своим «старым» привычкам в сфере культурного потребления.

Материалы и методы. Проведен формализованный анкетный опрос населения Мордовии. Полевой этап исследования продлился с сентября по ноябрь 2024 г. Подавляющее большинство результативных анкет получено посредством компьютерного анкетирования, реализованного на платформе «Яндекс. Формы». В отдельных случаях, связанных преимущественно с возрастом опрошенных и/или со сложностями в доступе к интернету, использовалось традиционное интервью лицом к лицу. Компьютерное анкетирование в данном случае представляет собой способ коммуникации с респондентом, который рекрутирован заранее и которому направлена ссылка для участия в опросе. То есть ссылки, хотя и не были персональными ввиду ограниченных возможностей платформы, не размещались в открытом доступе, с каждым информантом велась точечная работа. Все они были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

Всего в ходе исследования опрошено 370 человек из всех без исключения муниципальных образований Мордовии; охвачено свыше 80 населенных пунктов. Выборка квотная, и, поскольку она относится к классу неслучайных, можно говорить лишь об оценочной погрешности измерения, в данном конкретном случае не превышающей 5 % при доверительной вероятности на уровне 95 %.

⁶ Радаев В. В. Нестандартное потребление / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2025. С. 22.

Она репрезентирует население по полу (мужчин 45 %, женщин 55 %); возрасту (от 18 до 24 лет – 6 % респондентов, от 25 до 34 – 14 %, от 35 до 44 – 19 %, от 45 до 59 – 26 %, от 60 лет и старше – 35 % респондентов) и месту проживания (42 % жителей региональной столицы, 19 % – городов и пгт, 38 % – жителей сел) в соответствии со сведениями государственной статистики. Исследование носит разведывательный характер, подсвечивает существующие в массовом сознании представления и сформированные на их основе тренды.

Мы не ставили перед собой задачу изучить структуру и содержание культурных предпочтений, поэтому их динамика анализировалась не путем сопоставления «до» и «после», а опосредованно, через изменение отношения к объектам культурного потребления и их производителям. Такой подход позволил обойтись без измерения символической ценности культурных продуктов.

Статистическая обработка результатов выполнена в программном комплексе IBM SPSS 26. Используются методы одномерной и многомерной статистики, а также кластерного анализа.

Результаты исследования. В ходе исследования респондентам было предложено ответить на прямой вопрос о том, как изменились их культурные предпочтения после начала СВО. Каждый четвертый опрошенный (24 %) сообщил, что пересмотрел свои взгляды, а две трети (66 %) заявили об устойчивости убеждений. Если первый тезис в большей степени характерен для населения городов и пгт (31 %), людей старше 60 лет (29 %), пенсионеров, инвалидов на пенсии (29 %), то второй – для жителей региональной столицы (74 %), молодежи до 34 лет (71 %), респондентов с ученой степенью (83 %), работников по найму в коммерческой сфере (79 %), индивидуальных предпринимателей (87 %) и тех, кому хватает денег на приобретение автомобиля и выше (80 %) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Изменились ли Ваши предпочтения в культурной сфере после начала СВО?», % от опрошенных⁷

Table 1. Distribution of respondents' answers to the question "Have your preferences in the cultural sphere changed since the start of the special military operation in Ukraine?", % of respondents

Переменная / Variable	Значения переменной / Variable values	Вариант ответа / Answer option		
		Да / Yes	Нет / No	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
1	2	3	4	5
Пол / Sex	Мужчины / Men	18	70	12
	Женщины / Women	28	62	10
Возраст / Age	18–34 года / 18–34 years	16	71	13
	35–59 лет / 35–59 years	23	68	9
	60 лет и старше / 60 years and older	29	60	11
	Столица субъекта / Capital of the subject	19	74	7
Тип населенного пункта / Type of settlement	Города и пгт / Cities and urban-type settlements	31	56	13
	Села / Villages	25	62	13
Уровень образования / Level of education	Общее, начальное, среднее профессиональное / General, primary, secondary vocational	23	58	19
	Незаконченное высшее, высшее / Incomplete higher, higher	25	65	10
	Ученая степень / Academic degree	15	83	2

⁷ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам исследования.

Окончание табл. 1 / End of table 1				
1	2	3	4	5
Занятость / Employment	Работают по найму в бюджетной сфере / Employed in the public sector	24	66	10
	Работают по найму в коммерческом сек- торе / Employed in the commercial sector	14	79	7
	Государственные или муниципальные служащие / State or municipal employees	27	64	9
	Индивидуальные предприниматели, самозанятые / Individual entrepreneurs, self-employed	6	87	7
	Пенсионеры, инвалиды на пенсии / Pensioners, disabled pensioners	29	57	14
Материальное положение / Material status	Денег хватает на питание и меньше / Enough money for food and less	27	69	4
	Денег хватает на одежду / Enough money for clothes	21	64	15
	Денег хватает на бытовую технику / Enough money for household appliances	26	68	6
	Денег хватает на автомобиль и больше / Enough money for a car and more	20	80	0
Всего / Total		24	66	10

Примечание / Note. Цветом выделены показатели, превышающие средние значения по выборке на 5 п. и больше / Indicators that exceed the sample average by 5 points or more are highlighted in color.

Поскольку мы, предполагая высокий уровень сенситивности вопросов о политических предпочтениях, сознательно не задавали их участникам исследования, эта важная переменная была получена на основе косвенного сложносоставного индикатора, включающего в себя отношение респондентов к допустимости политизации культуры, цензурированию культурных произведений, возможности высказывания деятелями культуры своих политических убеждений, поддержке патриотически настроенных деятелей культуры и их произведений, а также к принятию политических взглядов теми или иными деятелями культуры.

В пространстве заданных характеристик, где согласие с ними определялось по шкале от 1 до 5, выполнен кластерный анализ методом k -средних (табл. 2). Чем ниже значение в таблице, тем выше степень согласия с анализируемыми суждениями. Всего выделены 3 кластера, имеющие максимальные типологические различия. Первый мы условно назвали либеральным (35 %), второй – конформистским (38 %), третий – консервативным (26 %).

Таблица 2. Результаты кластерного анализа методом k -средних
Table 2. Results of cluster analysis using the k -means method

Суждения / Judgments	Кластеры / Clusters		
	1. Либеральный / Liberal	2. Конформистский / Conformist	3. Консервативный / Conservative
1	2	3	4
Культура должна быть вне по- литики / Culture should be outside of politics	2,4	3,7	1,6
Культура не может быть вне поли- тики и идеологии / Culture cannot be outside of politics and ideology	3,2	1,7	3,0

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4
Государство должно контролировать содержание произведений / The state should control the content of cultural works	3,2	1,6	1,8
Государственная цензура в культуре недопустима / State censorship in culture is unacceptable	2,7	4,3	3,0
Деятели культуры не должны публично выражать свои политические взгляды, поскольку они оказывают большое влияние на общество / Cultural figures should not publicly express their political views, since they have a great influence on society	3,5	3,0	1,9
Деятели культуры могут публично выражать свои политические взгляды / Cultural figures can publicly express their political views	2,3	2,7	3,3
Нужно поддерживать любое художественное начало / Any artistic beginning should be supported	2,7	3,3	2,2
Необходимо запрещать театральные постановки, кинофильмы, выставки, книги, идеи которых расходятся с традиционными российскими ценностями / It is necessary to ban theatrical performances, films, exhibitions, books that diverge from traditional Russian values	3,5	1,6	1,8
Государство должно сосредоточиться на поддержке патриотически настроенных деятелей культуры / The state should focus on supporting patriotic cultural figures	3,0	1,5	1,5
Поддержку должны получать лучшие из лучших, талант важнее политических взглядов / The best of the best should receive support, talent is more important than political views	2,3	3,2	1,9
Мне не важны политические взгляды деятелей культуры, чье творчество меня интересует / I do not care about the political views of cultural figures whose work interests me	2,5	4,1	2,6
Мне важно, чтобы тот или иной деятель культуры не отзывался плохо о моей стране, таких людях, как я / It is important to me that this or that cultural figure does not speak badly of my country, people like me	2,4	1,1	1,3

Примечание / Note. Цветом выделены наиболее высокие значения по кластеру / The highest values in the cluster are highlighted in color.

Либеральный кластер объединяет сторонников свободы в культуре, минимального государственного вмешательства и открытости для новых идей, которые могут идти вразрез с традиционными ценностями. Они настроены против цензуры и видят в искусстве инструмент для выражения плюрализма мнений. Значительно чаще, чем в среднем, кластер образуют жители региональной столицы (42 %), молодые люди до 34 лет (57 %), респонденты с ученой степенью (50 %), работники бюджетной (44 %) или коммерческой (41 %) сферы, индивидуальные предприниматели, самозанятые (49 %). Главные каналы получения информации о культуре здесь – социальные сети (63 %) и интернет-издания (50 %). Уровень поддержки санкций со стороны государства в отношении деятелей культуры, которые попали в список иноагентов, составляет 46 %. Об изменении своих культурных предпочтений говорят 19 % опрошенных, т. е. представители этой группы обладают низкой лабильностью, поскольку демонстрируют приверженность своим убеждениям даже в условиях напряженности.

Конформистский кластер стремится сохранить баланс между свободой творчества и традиционными российскими ценностями. Свобода слова важна, при этом государство рассматривается как гарант культурных ориентиров. Чаще, чем в среднем, в него входят жители сел (46 %), 35–49-летние респонденты (45 %), лица с основным, начальным или средним специальным образованием (50 %), государственные или муниципальные служащие (49 %). Источниками информации о культурной сфере для них выступают телевидение (68 %) и социальные сети (58 %). Уровень поддержки санкций со стороны государства в отношении деятелей культуры, попавших в список иноагентов, здесь составляет 79 %. Об изменении культурных предпочтений в этом кластере говорят 30 % информантов. Другими словами, его представители обладают наиболее текучей позицией, склонны реагировать на внешние изменения, особенно продвигаемые государством, в первую очередь в информационном пространстве.

Консервативный кластер включает в себя сторонников мнения, что культура – это инструмент укрепления традиций и национальной идентичности. Они выступают за контроль над сферой искусства со стороны государства и за ограничение свободы самовыражения в пользу патриотических убеждений. Заметно чаще, чем в среднем, здесь представлены респонденты старше 60 лет (40 %), лица с ученой степенью (37 %), пенсионеры, инвалиды на пенсии (48 %), а также те, кому хватает денег на питание и менее (35 %). Основными каналами получения информации о культуре для них являются телевидение (70 %) и интернет-издания (58 %). Уровень поддержки санкций со стороны государства в отношении деятелей культуры, которые попали в список иноагентов, составляет 93 %. Изменение культурных предпочтений в кластере характерно для 23 % опрошенных. Иначе говоря, его представители демонстрируют относительно низкую лабильность, источниками которой становятся, по всей видимости, устоявшиеся ценностные рамки пожилых людей.

Как же изменилось культурное потребление? Полученные данные показывают, что главными предикторами ревизии взглядов стали политическая позиция деятелей культуры, рост патриотического самосознания, интерес к культуре других дружественных России стран и смена общего культурного вектора (табл. 3). Подобное положение дел свидетельствует о возможности рассмотрения трансформации

парадигмы потребления в культурной сфере под влиянием трех наиболее значимых факторов. Первый – политизация культуры, которая становится значимым аспектом пересмотра культурных предпочтений, и особенно в конформистском и консервативном кластерах. Второй – рост патриотизма, играющего решающую роль в культурном выборе; как и в предыдущем случае, ему в большей степени подвержены представители конформистского и консервативного кластеров. Наконец, третий фактор – социальное давление и конформистские модели поведения; здесь наиболее лабилен конформистский кластер, который формирует свои убеждения под влиянием коллективных трендов, включенных в текущую информационную повестку.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими утверждениями об изменении Ваших культурных предпочтений после начала СВО Вы согласны, а с какими не согласны?»

Table 3. Distribution of respondents' answers to the question "Which statements about the change in your cultural preferences after the start of the special military operation in Ukraine do you agree with and which do you disagree with?"

Суждения / Judgments	Все опрошенные / All respondents	Кластеры / Clusters		
		1. Либеральный / Liberal	2. Конформистский / Conformist	3. Консервативный / Conservative
1	2	3	4	5
Мне понравилось творчество тех деятелей культуры, которые придерживаются таких же взглядов на текущую российскую политику, как и я / I liked the work of those cultural figures who hold the same views on current Russian politics as I do	79	60	87	86
Я стал(а) больше интересоваться российской культурой из-за патриотических соображений / I became more interested in Russian culture for patriotic reasons	72	59	86	69
Мне перестало нравиться творчество тех деятелей культуры, чьи взгляды на текущую российскую политику противоположны моим / I stopped liking the work of those cultural figures whose views on current Russian politics are opposite to mine	71	61	67	84
Пересмотрел(а) свои вкусы и предпочтения / I reconsidered my tastes and preferences	65	66	62	67
Меня заинтересовала культура дружественных России стран / I became interested in the culture of countries friendly to Russia	58	48	80	41
Поменялась мода, сменился культурный вектор / Fashion has changed, the cultural vector has changed	44	34	60	36
Мне стало труднее найти контент из-за блокировок сайтов, ограничений по импорту культуры западных стран / It has become more difficult for me to find content due to blocking of sites, restrictions on importing Western culture	31	32	47	11

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Деятель культуры, чье творчество мне нравилось, объявлен иноагентом, и мне стало опасно интересоваться его творчеством / A cultural figure whose work I liked was declared a foreign agent, and it has become dangerous for me to be interested in his work	30	16	49	20
Поменялись вкусы и предпочтения моего окружения, и я не хочу выделяться / The tastes and preferences of my circle have changed, and I do not want to stand out	26	14	45	15

Примечания / Notes. 1. Процент среди тех, кто заявил об изменении своих культурных предпочтений ($n = 87$) / Percent among those who stated a change in their cultural preferences ($n = 87$).

2. Цветом выделены показатели, превышающие средние значения по выборке на 5 п. и больше / Indicators exceeding the sample average by 5 p. or more are highlighted in color.

Для детального изучения структуры выделенных кластеров, вероятно, требуются дополнительные исследования, проведенные на больших выборках, однако некоторые тенденции можно выделить уже сейчас (безусловно, не претендуя на полноту изложения): во-первых, это преимущественно жители сельской местности (58 %); во-вторых, чаще всего люди с начальным, общим или средним специальным образованием (27 %); в-третьих, наиболее подвижны культурные предпочтения у государственных или муниципальных служащих (36 %), которые должны быть рупором государственной идеологии и представлять собой пример беззаветного служения Родине; в-четвертых, это относительно обеспеченные респонденты, чей уровень дохода позволяет приобретение бытовой техники (42 %) (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Социально-демографические характеристики респондентов, заявивших об изменении своих предпочтений ($n = 87$)

T a b l e 4. Socio-demographic characteristics of respondents who reported a change in their preferences ($n = 87$)

Переменная / Variable	Значения переменной / Variable values	Все опрошенные / All respondents	Кластеры / Clusters		
			1. Либеральный / Liberal	2. Конформистский / Conformist	3. Консервативный / Conservative
1	2	3	4	5	6
Пол / Sex	Мужчины / Men	35	37	34	34
	Женщины / Women	65	63	66	66
Возраст / Age	18–34 года / 18–34 years old	34	41	43	21
	35–59 лет / 35–59 years old	25	24	31	21
	60 лет и старше / 60 years old and older	41	35	26	58
	Столица субъекта / Capital of the subject	14	27	4	12
Тип населенного пункта / Type of settlement	Города и пгт / Cities and urban-type settlements	44	40	34	55
	Села / Villages	43	33	62	33

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6
Уровень образования / Level of education	Общее, начальное, среднее профессиональное / General, primary, secondary vocational	18	8	15	27
	Незаконченное высшее, высшее / Incomplete higher, higher	75	85	68	73
	Ученая степень / Academic degree	7	7	17	0
Занятость / Employment	Работают по найму в бюджетной сфере / Employed in the public sector	37	40	28	41
	Работают по найму в коммерческом секторе / Employed in the commercial sector	7	7	5	10
	Государственные или муниципальные служащие / State or municipal employees	27	30	15	36
	Индивидуальные предприниматели, самозанятые / Individual entrepreneurs, self-employed	1	3	0	0
	Пенсионеры, инвалиды на пенсии / Pensioners, disabled pensioners	24	20	46	7
	Денег хватает на питание и менее / Enough money for food and less	14	17	18	9
Материальное положение / Material status	Денег хватает на одежду / Enough money for clothes	36	46	38	27
	Денег хватает на бытовую технику / Enough money for household appliances	32	25	27	42
	Денег хватает на автомобиль и больше / Enough money for a car and more	8	0	14	9

Примечание / Note. Цветом выделены показатели, превышающие средние значения по выборке на 5 п. и больше / Indicators exceeding the sample average by 5 p. or more are highlighted in color.

Обсуждение и заключение. Большинство сохраняет свои «старые» привычки в сфере культурного потребления в условиях ведения СВО, по крайней мере, на декларативном уровне. Не произошло радикального изменения отношения ни к деятелям культуры, ни к их культурному продукту. Более устойчивые паттерны культурного потребления демонстрируют молодые люди, проживающие в столице региона и имеющие наиболее высокий уровень экономического и культурного институционализированного капитала.

В то же время население региона неоднородно по своим убеждениям и отношению к культурной политике государства, а именно к цензуре, ограничению свободы слова и выражения мнений, политизации культуры, возможности публичного выражения деятелями культуры своих политических убеждений. Респонденты

распределились по трем кластерам, которые мы обозначили как либеральный, консервативный и конформистский.

Наиболее устойчивы культурные предпочтения в либеральном и консервативном кластерах, причем те их участники, которые все же изменили «старые» привычки, только укрепились в своем отношении к культурной политике в условиях ведения СВО: консерваторы стали еще более консервативными, а либералы – либеральными. Выстраивание символических границ с группами, имеющими иные предпочтения, и единение с теми, кто характеризуется сходными позициями и практиками культурного потребления, – не самый популярный мотив трансформации предпочтений. Более важно (и для либералов, и для консерваторов) совпадение политических убеждений населения и тех представителей креативных профессий, чей культурный продукт оно потребляет. Впрочем, это тоже своеобразное выстраивание символических границ в культурной сфере и, возможно, своеобразная забота о себе, особенно необходимая в периоды напряженности, когда постоянно повышается уровень тревожности.

Самые серьезные изменения в сфере культурного потребления произошли в конформистском кластере, объединившем преимущественно сельских жителей среднего возраста с небольшим культурным институционализированным капиталом. Почти каждый второй здесь государственный или муниципальный служащий, который обязан демонстрировать лояльность государству. И хотя культурные предпочтения – личное дело, но именно для этой профессиональной группы репутационные риски наиболее существенны. Это обстоятельство объясняет и высокий уровень поддержки санкций в отношении представителей креативных профессий, признанных иноагентами, и готовность к их культурной отмене, и стремление потреблять в большей степени те культурные продукты, которые производят патриотично настроенные деятели культуры.

В целом наиболее значимыми причинами трансформации практик культурного потребления в условиях СВО (вне деления на кластеры) стали: рост патриотических настроений и поддержка на государственном уровне традиционных духовно-нравственных ценностей; повышенный интерес к культуре дружественных России государств; политизация сферы культуры, наконец, конформистские настроения, предполагающие четкое следование официальной информационной повестке, в том числе по вопросам культуры. Можно предположить, что если повестка вдруг изменится, например прежде дружественные государства станут враждебными, интерес к их культуре значительно снизится.

Максимальное влияние на формирование образа нормативного культурного потребления в условиях напряженности ожидаемо оказывает государство. Значение имеет официальная позиция, транслируемая через различные информационные каналы, в первую очередь телевидение. Люди с устойчивыми практиками культурного потребления тяготеют к получению информации из иных источников и не спешат отменять тех деятелей культуры, творчество которых им по душе, вне зависимости от их политических взглядов, озвученных публично. Впрочем, если для либералов возможно возникновение моральной дилеммы ввиду несовпадения официальной повестки и политической трактовки полубившегося автора, то в случае с консерваторами фактически осуществляется официальное одобрение последней.

В дополнение к известному ограничению экстраполяции квотной выборки на население в целом нужно сказать, что исследование, носящее разведывательный характер, позволяет только обозначить тенденции, но не выявить причинно-следственные связи между ситуацией, связанной с ведением СВО, и изменением потребления культурных продуктов с определенной символической ценностью.

Результаты исследования могут быть полезны для лиц, принимающих решения в сфере культурной политики на региональном уровне, особенно для тех, перед кем стоят задачи культурной мобилизации граждан в период проведения СВО. Они могут способствовать позиционированию и презентации артефактов культурного потребления в контексте демонстрации лояльности к государству, соответствия официальной идеологии ценностным установкам. Также выводы будут актуальны при разработке курсов повышения квалификации в области развития государственной политики, стратегии национальной безопасности, клиентоцентричности в системе государственного и муниципального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bertelsen E. Post Mod-cons: Consumerism and Cultural Studies. *Critical Arts*. 1996;10(1):87–106. <https://doi.org/10.1080/02560049685310061>
2. Zhu J. Cultural Consumption in Contemporary Society and Popular Aesthetics: The Interplay between Commodification and Abstract Thinking. *Highlights in Art and Design*. 2023;4(2):127–129. <https://doi.org/10.54097/hiaad.v4i2.13430>
3. Корсунова В.И. Культурное потребление в социологических исследованиях: обзор подходов к измерению понятия. *Экономическая социология*. 2019;20(1):148–173. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-1-148-173>
Korsunova V.I. Cultural Consumption in Sociological Research: A Review of Measurement Approaches. *Journal of Economic Sociology*. 2019;20(1):148–173. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-1-148-173>
4. Picarella L. Intersections in the Digital Society: Cancel Culture, Fake News, and Contemporary Public Discourse. *Frontiers in Sociology*. 2024;(9):1–6. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2024.1376049>
5. Keohane J. Cancel Culture Rhetoric and Moral Conflict in Contemporary Democratic Societies. *American Behavioral Scientist*. 2024. OnlineFirst. <https://doi.org/10.1177/00027642241240337>
6. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. *THESIS*. 1993;(2):137–150. URL: https://www.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power. *THESIS*. 1993;(2):137–150. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (accessed 15.02.2025).
7. Чапля Т.В. Идентификация посредством потребления/потребительства. *Культурно-антропологические исследования*. 2024;(1):51–59. URL: <https://repo.nspu.ru/handle/nspu/4871> (дата обращения: 13.04.2025).
Chaplya T.V. Identification through Consumption/Consumerism. *Culture and Anthropology Research Journal*. 2024;(1):51–59. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://repo.nspu.ru/handle/nspu/4871> (accessed 15.02.2025).
8. Капелюшников Р.И., Демина Н.В. Потребление культурных благ в России: масштабы, детерминанты, дифференциация. *Экономическая социология*. 2021;22(2):42–80. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-2-42-80>
Kapeliushnikov R.I., Demina N.V. Consumption of Cultural Goods in Russia: Scale, Determinants, Differentiation. *Journal of Economic Sociology*. 2021;22(2):42–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-2-42-80>
9. Волков Ю.Г., Печуров И.В. Демонстративное потребление в ракурсе социокультурных процессов современности. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;(4):58–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.518870>

- Volkov Yu.G., Pechkurov I.V. Demonstrative Consumption in Perspective of Sociocultural Processes of Modernity. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. 2022;(4):58–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.518870>
10. Тельманова А.С., Балабанов П.И. Самоактуализация в процессе потребления культурного продукта. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2024;(67):23–30. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-67-23-30>
Telmanova A.S., Balabanov P.I. Self-Actualization in the Process of Consumption of Cultural Product. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2024;(67):23–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2024-67-23-30>
 11. Суслов И.В. Политизация творческой элиты в цифровом публичном пространстве (анализ политико-культурных кодов и нарративных схем). *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022;23(3):67–79. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-67-79>
Suslov I.V. Politicization of the Creative Elite as Reflected in Digital Public Space (Analysis of Political and Cultural Codes and Narrative Schemes). *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022;23(3):67–79. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-67-79>
 12. Казаков А.А. Два года СВО: динамика изменения отношения молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2024;24(2):185–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>
Kazakov A.A. Two Years of Special Military Operation: Dynamics of Changes in the Attitude of Youth. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2024;24(2):185–195. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>
 13. Устинкин С.В., Никитин А.В. Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте проведения специальной военной операции (СВО). *Технологии социально-гуманитарных исследований*. 2023;4(4):32–52. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/izd_NGLU/TSGI/zhurnal_4_tehnologii.pdf (дата обращения: 13.04.2025).
Ustinkin S.V., Nikitin A.V. The Problem of Youth Trust in Public and Government Institutions in the Context of the Special Military Operation (SMO). *Technologies of Social and Humanitarian Research*. 2024;4(4):32–52. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/izd_NGLU/TSGI/zhurnal_4_tehnologii.pdf (accessed 15.02.2025).
 14. Балчугов А.В., Белянцев А.Е., Фоменков А.А. К вопросу об отношении к российским деятелям культуры, причисленным к иностранным агентам. *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2023;(2):154–159. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-154-159>
Balchugov A.V., Belyantsev A.E., Fomenkov A.A. To the Issue of the Attitude Towards Russian Cultural Figure. Classified As Foreign Agents. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2):154–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-154-159>
 15. Никитин А.В., Орлинская О.М., Седаев П.В., Устинкин С.В., Фоменков А.А. Культура отмены: причины трудностей развития в России. *Власть*. 2022;30(3):65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9046>
Nikitin A.V., Orlinskaya O.M., Sedayev P.V., Ustinkin S.V., Fomenkov A.A. Cancel Culture: Reasons for Development Challenges in Russia. *Vlast*. 2022;30(3):65–69. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9046>
 16. Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни. *Полис. Политические исследования*. 2022;(5):88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>
Chugrov S.V. Cancel Culture in World Politics: Historical and Philosophical Roots. *Polis. Political Studies*. 2022;(5):88–98. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>
 17. Демшина А.Ю. Новая чувствительность и экономика события. *Общество. Среда. Развитие*. 2022;(3):104–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-chuvstvitelnost-i-ekonomika-sobytiya/viewer> (дата обращения: 15.02.2025).
Demshina A.Yu. [New Sensitivity and the Economics of the Event.] *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2022;(3):104–109. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-chuvstvitelnost-i-ekonomika-sobytiya/viewer> (accessed 15.02.2025).

18. Цвык В.А., Радкевич К.В., Шаблага А.В. Язык и пространство как идентификационные ценности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024;24(3):764–776. URL: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/viewFile/41181/23956> (дата обращения: 15.02.2025).
Tsyvk V.A., Radkevich K.V., Shabaga A.V. Language and Space As Identification Values. *RUDN Journal of Sociology*. 2024;24(3):764–776. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/viewFile/41181/23956> (accessed 15.02.2025).

Об авторах:

Жадунова Наталья Владимировна, кандидат философских наук, директор Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, Researcher ID: V-7451-2018, Scopus ID: 57217631646, SPIN-код: 9681-3239, zhadunovan@mail.ru

Коваль Екатерина Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (430003, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Федосеевко, д. 6), профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, Researcher ID: A-5797-2015, Scopus ID: 57202425856, SPIN-код: 7939-4818, nwifesc@yandex.ru

Ушкин Сергей Геннадьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а), исследовательский менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 38, помещение 1), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>, Researcher ID: E-7455-2017, Scopus ID: 55489629800, SPIN-код: 1894-6660, ushkinsergey@gmail.com

Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), профессор Департамента английского и иностранных языков Института науки и технологии CPM (603203, Индия, Tamil Nadu, Ченнаи), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, Researcher ID: N-7591-2015, Scopus ID: 57205759512, SPIN-код: 7992-7652, sychevaa@mail.ru

Вклад авторов:

Н. В. Жадунова – разработка концепции; проведение исследования; научное руководство.

Е. А. Коваль – проведение исследования; разработка концепции; написание черновика рукописи.

С. Г. Ушкин – разработка методологии; визуализация; формальный анализ; написание черновика рукописи.

А. А. Сычев – критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 10.12.2024; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

About the authors:

Natalia V. Zhadunova, Cand.Sci. (Philos.), Director of the Institute of Corporate Training and Continuing Education, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>, Researcher ID: V-7451-2018, Scopus ID: 57217631646, SPIN-code: 9681-3239, zhadunovan@mail.ru

Ekaterina A. Koval, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Chair of Criminal Law and Criminal Procedure, Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice (6 Fedoseenko St., Saransk 430003, Russian Federation); Professor, Chair of General History, Political Science and Area Studies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>, Researcher ID: A-5797-2015, Scopus ID: 57202425856, SPIN-code: 7939-4818, nwifesc@yandex.ru

Sergey G. Ushkin, Cand.Sci. (Soc.), Leading Researcher, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk, Russia (39a B. Khmel'nitskogo St., Saransk 430005, Russian Federation); Research Manager, Russian Public Opinion Research Center (38 Prechistenka St., Moscow 119034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>, Researcher ID: E-7455-2017, Scopus ID: 55489629800, SPIN-code: 1894-6660, ushkinsergey@gmail.com

Andrey A. Sychev, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Professor of the Chair of Philosophy, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Professor of the Department of English and Foreign Languages, SRM IST (Chengalpattu dr., Chennai 603203, Tamil Nadu, India), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, Researcher ID: N-7591-2015, Scopus ID: 57205759512, SPIN-code: 7992-7652, sychevaa@mail.ru

Contribution of the authors:

N. V. Zhadunova – conceptualization; investigation; supervision.

E. A. Koval – conceptualization; investigation; writing – original draft preparation.

S. G. Ushkin – methodology; visualization; formal analysis; writing – original draft preparation.

A. A. Sychev – writing – review and editing

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 10.12.2024; revised 05.03.2025; accepted 19.03.2025.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ /
SOCIOLOGY OF CULTURE<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.354-368>EDN: <https://elibrary.ru/zzsbn>

УДК / UDC 379.82:394

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Сфера развлечений в российских регионах:
структура, факторы и предпочтения

И. Б. Назарова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
inna-nazarova@mail.ru*

Аннотация

Введение. Развлечения играют большую роль в современном образе жизни, выступая важной составляющей досуга и благополучия. Несмотря на их значимость, комплексные исследования потребления развлечений в России остаются ограниченными. Данная работа призвана восполнить этот пробел. Проанализирована структура предпочтений в сфере развлечений среди жителей страны с акцентом на социально-демографических и региональных различиях.

Материалы и методы. В исследовании использованы сведения Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) за 2022 г., проведенного Росстатом, с охватом 117 634 респондентов в возрасте от 15 лет и старше. Для анализа тенденций и взаимосвязей применялись статистические методы, включая корреляцию Спирмена. Сравнение данных за 2018 и 2020 гг. позволило оценить восстановление после пандемии и долгосрочные изменения в потреблении развлечений.

Результаты исследования. Наиболее популярные виды развлечений: посещение ресторанов/кафе (48 %) и кинотеатров (37 %). Гендерные и возрастные различия значимы: молодежь чаще выбирает кино (73 %), женщины – театры (21 %), мужчины преобладают среди зрителей на спортивных мероприятиях (24 %). Городские жители активнее участвуют в культурной жизни (ходят в театры, музеи) по сравнению с сельским населением. Ярко выражены региональные различия: Чукотка (62 % посещаемости кино) и Санкт-Петербург (33 % посещаемости театров) представляют крайние значения.

Обсуждение и заключение. Выводы работы свидетельствуют о влиянии цифровизации, урбанизации и социально-экономических факторов на выбор развлечений. Если городская инфраструктура поддерживает разнообразие досуговых возможностей, то сельские районы сталкиваются с проблемами доступности. Результаты подчеркивают необходимость целенаправленной культурной политики для устранения региональных диспропорций. Ограничения связаны с исключением некоторых видов развлечений из набора данных КОУЖ и отсутствием данных качественных исследований.

Ключевые слова: развлечения, досуг, региональные различия, культурное потребление, КОУЖ, Россия

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Назарова И. Б., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания «Трансформация социальной структуры российского общества в условиях неопределенности и рисков».

Для цитирования: Назарова И.Б. Сфера развлечений в российских регионах: структура, факторы и предпочтения. *Регионоведение*. 2025;33(2):354–368. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.354-368>

Entertainment in Russian Regions: Structure, Factors and Preferences

I. B. Nazarova

*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)*

✉ inna-nazarova@mail.ru

Abstract

Introduction. Entertainment plays a key role in modern lifestyles, acting as an important component of leisure and well-being. Despite their importance, comprehensive research on entertainment consumption in Russia remains limited. This paper aims to fill this gap. We analyze the structure of entertainment preferences among the country's residents with a focus on socio-demographic and regional differences.

Materials and Methods. The study used data from the Comprehensive Observation of Living Conditions of the Population for 2022, conducted by Rosstat, covering 117,634 respondents aged 15 years and older. Statistical methods, including Spearman correlation, were used to analyze trends and relationships. Comparison of data for 2018 and 2020 allowed us to assess the recovery from the pandemic and long-term changes in entertainment consumption.

Results. The most popular types of entertainment: visiting restaurants/cafes (48 %) and cinemas (37 %). Gender and age differences are significant: young people more often choose movies (73 %), women choose theaters (21 %), men prevail among spectators at sporting events (24 %). Urban residents are more actively involved in cultural life (go to theaters, museums) compared to the rural population. Regional differences are pronounced: Chukotka (62 % of cinema attendance) and St. Petersburg (33 % of theater attendance) represent extreme values.

Discussion and Conclusion. The findings of the study indicate the influence of digitalization, urbanization and socio-economic factors on entertainment choices. While urban infrastructure supports a diversity of leisure options, rural areas face accessibility challenges. The results emphasize the need for targeted cultural policies to address regional disparities.

Keywords: entertainment, leisure, lifestyle, regions, entertainment events, comprehensive observation of the living conditions of the population, entertainment infrastructure, consumption

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was carried out within the framework of the state task “Transformation of the Social Structure of Russian Society in Conditions of Uncertainty and Risks”.

For citation: Nazarova I.B. Entertainment in Russian Regions: Structure, Factors and Preferences. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):354–368. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.354-368>

Введение. Развлечения играют важную роль в жизни человека и занимают немалую часть его свободного времени. Развлечение рассматривается в качестве части досуговых потребностей, которые необходимо удовлетворять, например, посещая зрелищные учреждения и мероприятия, участвуя в играх и т. д.¹ Это помогает человеку отдохнуть, расслабиться, сохранить хорошее психологическое самочувствие, улучшить настроение² [1].

¹ Патрушев В. Д. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы). М. : Изд-во Института социологии РАН, 2006. 164 с.

² Zillmann D., Bryant J. Entertainment as Media Effect // Bryant J., Zillmann D. Media Effects : Advances in Theory and Research. 1994. Pp. 437–462. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/1994-97177-015> (accessed 10.10.2024).

Несмотря на значимость рассматриваемой отрасли, комплексные исследования потребления развлечений в России недостаточно представлены в научном поле. В частности, ряд авторов показывают различия поколений в выборе и доступности развлечений, а также особенности развлечений в регионах и столице. Москвичи в возрасте 18–35 лет заполняют свободное время шопингом, обедом в кафе или ресторане, экстремальными впечатлениями, что объясняется наличием соответствующей развитой инфраструктуры, потребностью в гедонистическом времяпрепровождении. Люди старше 60 лет отдают предпочтение культурно-образовательным, познавательным видам досуга: посещению музея/выставки (79 %), театра/концерта (76 %) [2].

Отмечается ряд ограничений в посещении мероприятий культурно-развлекательного характера для людей старшего поколения [3], в частности пенсионеры утверждают, что билеты на культурные мероприятия стоят для них дорого [4].

Тем не менее вопрос исследования структуры досуга россиян остается недостаточно изученным, что обуславливает актуальность настоящего исследования. Восполнение пробелов в описании структуры досуговой деятельности и особенностей потребления развлечений в Российской Федерации, включая региональный аспект, позволит более глубоко проанализировать данную тематику.

Основные определения связаны с концепциями образа жизни, когда развлечение воспринимается в качестве занятия, времяпрепровождения, является частью досуга и в более широком смысле – жизненного уклада человека³, см., например [5]. Развлечения имеют длительную историю и претерпевали изменения с течением времени, а в современном мире стали неотъемлемой частью массовой культуры.

С точки зрения деятельностного подхода, развлечение – это занятие человека, помогающее получить удовольствие, расслабиться⁴; деятельность, направленная на удовлетворение физиологических, эмоциональных, интеллектуальных или духовных потребностей, обеспечивающая поступление дополнительной энергии, новых впечатлений⁵.

К развлечениям относится значительный спектр разнообразных практик, включая игры, чтение, массовые гуляния, просмотр фильмов⁶ [6], туризм⁷, посещение различных клубов по интересам, праздничных мероприятий⁸, аквапарков [7], участие в квестах и анимационных программах⁹ [2]. Развлекательная активность

³ Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83–88 ; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 575 с.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / РАН ; Российский фонд культуры. 3-е изд. М. : АЗЪ, 1996. С. 633.

⁵ Темный Ю. В., Темная Л. Р. Экономика туризма : учебник. М. : Финансы и статистика, 2014. 448 с.

⁶ Altenloh E. Zur Soziologie des Kino. 1914. Available at: https://scholarsarchive.byu.edu/sophnf_nonfict/110/ (accessed 10.10.2024).

⁷ Бутусова Д. А., Малыгина М. В. Туристско-рекреационный потенциал ресурсов города Омска // От синергии знаний к синергии бизнеса : сб. ст. и тез. докл. IX Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и преподавателей. Омск : Издательский центр КАН, 2022. С. 263–267.

⁸ Алатова Т. Н., Михайлова Н. Г. День смеха // Педагогика и психология: перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 27 ноября 2020 г.). Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2020. С. 74–75.

⁹ Гавазюк И. В. Квест как элемент культурного досуга молодежи // Тезисы докладов XLVIII Научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного Федерального округа (февраль–март 2021 г.). Краснодар : КГУФКСТ, 2021. С. 34.

подразумевает посещение различных зрелищных мероприятий¹⁰: концертов, кино, спортивных соревнований¹¹, а также музеев, выставок¹² [8; 9].

В качестве средств развлечений рассматривается специальная инфраструктура, позволяющая их потреблять, а именно соответствующие учреждения для организации досуга: залы для проведения концертов и конференций, ледовые дворцы/арены, филармонии, боулинг, кинотеатры (киноклубы), театры, аквапарки, рестораны¹³, см., например, [6]. Также к инфраструктуре данного типа относятся заведения общественного питания, в том числе комбинированные с досуговыми услугами: рестораны, бары, коворкинг-кафе, так называемые антикафе (открытое и свободное пространство, тайм-кафе, тайм-клуб)¹⁴.

В рамках концепции потребления развлечения рассматриваются в качестве продаваемого или покупаемого¹⁵ товара (услуги), вместе с которым могут быть куплены эмоции удовольствия и впечатления – ими обмениваются участники развлекательного рынка [10].

Потребление духовного «продукта», представленного произведениями литературы и искусства, связано с восприятием смыслов, образов и относится к сфере культуры, которая влияет на мировоззрение людей [11].

Культура меняется, в ней усиливается развлекательное начало. Это связано с возрастающей ролью медиатехнологий в жизни общества, что привело к существенному сдвигу в практиках развлечения и способствовало становлению влиятельной развлекательной индустрии [12].

Появляются и развиваются событийные города (*Eventful Cities*), в которых значимые и массовые мероприятия целенаправленно используются для устойчивой поддержки долгосрочных программ, способствующих повышению качества жизни для всех¹⁶. К таким городам, например, относят Барселону, в которой начало формирования событийности было положено организацией Всемирной выставки в 1929 г., продолжено проведением Летних Олимпийских игр в 1992 г., а также Всемирного мобильного конгресса в 2016 г. В результате была построена специальная инфраструктура, которая позволяет реализовывать различные мероприятия

¹⁰ Согласно ФЗ РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», ч. 6 ст. 11, к зрелищным мероприятиям относятся торжественные и публичные мероприятия, организуемые в форме массовых культурно-просветительных, театральнo-зрелищных, спортивных, развлекательных и других публичных мероприятий.

¹¹ Altenloh E. Zur Soziologie des Kino...; Алексушин Г. В., Мельникова И. Ю. Клубы по интересам Самарской области // Science and technology research – 2024 : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2024. С. 231–238. <https://elibrary.ru/item.asp?id=60084227&selid=60095075>; Bates S., Ferri A. J., Staiger J. Writing the History of Film Reception. Hollywood Spectatorship : Changing Perceptions of Cinema Audiences / Eds. M. Stokes and R. Maltby. London : British Film Institute, 2001. Pp. 19–32.

¹² Půček M. J., Ochrana F., Plaček M. Museum Management : Opportunities and Threats for Successful Museums. Springer International Publishing, 2021. 176 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-82028-2>.

¹³ Altenloh E. Zur Soziologie des Kino...; Алексушин Г. В., Мельникова И. Ю. Клубы по интересам Самарской области...

¹⁴ Лубочкина М. И., Калынедeлa А. Г. Новые направления развития рынка общественного питания // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях : сб. науч. тр. IV нац. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 149–153.

¹⁵ Barnouw E. The Golden Web: A History of Broadcasting in the United States, 1933–1953. New York : Oxford UP, 1968. 400 p.

¹⁶ Richards G., Palmer R. Eventful Cities: Cultural Management and Urban Revitalisation. London : Routledge, 2010. 534 p.

для жителей города, страны и зарубежных гостей [13]. Крупная развлекательная акция способна запустить механизм развития города в плане привлечения туристов и с целью дальнейшего расширения инфраструктурной архитектуры «глобальных событий» [14].

Развлечения неодинаковы по предпочтениям и возможностям, они могут отвечать вкусам представителей различных социальных групп¹⁷ [15; 16]. Потребление развлечений носит не только экономический характер, но и символический, социально-культурный, связанный с определенным вкусом как формой интеллектуального капитала [17]. Возможности и предпочтения в потреблении развлечений исследователи связывают прежде всего с фактором свободного времени, наличием средств, физическими возможностями разных социально-демографических групп [см., например 3; 4].

Работы, посвященные развлечениям, раскрывают трактовки авторов относительно понятия «развлечения», роль развлечений в разных сферах жизнедеятельности человека, особенности их потребления в зависимости от характеристик индивидов.

В данной статье развлечения рассматриваются в рамках концепции потребления (как социального действия, поведения), согласно которой они выполняют социальные и индивидуальные функции¹⁸, в том числе в соответствии с некоторыми условиями, в которых происходит потребление, особенностями потребителя и его приоритетами (позволяющими охарактеризовать образ жизни и ценности последнего)¹⁹.

Денежная стоимость развлечения может стать ограничением его доступности. Вместе с тем доступность развлечений зависит от их принадлежности к культуре – поп-культуре (более понятной широким массам) или высокодуховной, требующей определенных знаний, образования, воспитания, жизненного опыта. В качестве факторов, детерминирующих потребление, будут рассмотрены основные социально-экономические и демографические характеристики потребителя: пол, возраст, образование, место проживания (регион) и тип населенного пункта (город, сельская местность, столица).

Материалы и методы. В работе используются сведения официальной статистики (базы Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2022 г.»)²⁰. Исследование проведено во всех субъектах Российской Федерации (охвачено 60 тыс. домохозяйств, опрашивались все их члены). В расчетах фигурируют взвешенные данные, т. е. репрезентативные (применяется коэффициент взвешивания, предложенный Росстатом). Респонденты от 15 лет и старше составили 117 634 чел.: 45 % мужчин и 55 % женщин. Большинство из них проживает в городских населенных пунктах – 75 %, в сельских – 25 %.

¹⁷ Vorderer P. "Entertainment Theory". Communication and Emotion: Essays in Honor of Dolf Zillmann / Eds. J. Bryant, D. Roskos-Ewoldsen, J. Cantor. Mahwah, NJ : Erlbaum, 2003. Pp. 131–153.

¹⁸ Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven / Rosenkranz D., Schneider N. Opladen : Leske und Budrich, 2000. Pp. 9–22.

¹⁹ Wiswede G. Konsumsoziologie – eine vergessene Disziplin // Konsum... Pp. 23–72.

²⁰ Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 20.08.2024). При построении выборочной совокупности используется многофазная выборка с реализацией на последней фазе двухступенчатого отбора (I ступень – случайное построение выборки счетных участков; II ступень – случайный отбор домохозяйств в рамках счетного участка, включенного в выборку на первой ступени). Проводится Росстатом с 2011 г. в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27.10.2010 г. № 946.

Кроме того, исследование опирается на результаты КОУЖ за 2018 и 2020 гг. (расчеты Росстата), размещенные в открытом доступе, что позволяет рассмотреть ситуацию в динамике по некоторым параметрам²¹.

Ограничением исследования является предопределенный перечень развлечений, включенных в базу данных КОУЖ. В ней представлены ответы респондентов об участии в онлайн-мероприятиях, а также относительно посещения спектаклей, кино, концертов, выставок, музеев, спортивно-зрелищных мероприятий, ресторанов, кафе, которые находятся вне дома, могут быть платными и бесплатными. При этом некоторые виды развлечений не учтены, например цирк, аквапарк и др.

Расчеты выполнены с помощью пакета SPSS; статистическая значимость определялась с помощью коэффициентов корреляции Спирмена.

Результаты исследования. *Развлечения эмоционально-культурные, зрелищные.* В ряду потребления развлечений из списка (КОУЖ-2022) кино для населения России находится на 2-м месте по частоте посещения: каждый третий россиянин от 15 лет и старше посетил кинотеатр в течение года (37 % мужчин и 36 % женщин); регулярно бывает в кино каждый пятый (19 % мужчин и 17 % женщин). При этом городские жители ходят в кино чаще (41 %), чем сельские (24 %), а занятые в экономике – чаще, чем средний житель страны (45 %). С точки зрения возраста это развлечение прежде всего для молодежи от 15 до 29 лет (73 %), более взрослые люди его выбирают реже (табл. 1). По сравнению с данными за период пандемии (28 % в 2020 г.) доля клиентов кинотеатров в 2022 г. увеличилась на 10 % и практически вернулась к допандемийному уровню (40 % в 2018 г.).

Таблица 1. Посещаемость населением различных видов развлечений в 2022 году в разрезе по полу и возрасту²², %

Table 1. Attendance of various types of entertainment by the population in 2022 by gender and age, %

Виды развлечений / Types of Entertainment	Мужчины, лет / Men, years old						Женщины, лет / Women, years old					
	15–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70+	15–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70+
Ресторан, кафе / Restaurant, café	68	66	57	43	22	10	69	67	59	45	23	8
Кино / Cinema	73	52	36	18	8	3	73	57	43	24	11	3
Спорт (зритель) / Sports (spectator)	41	28	24	18	11	4	22	16	12	8	3	1
Концерт / Concert	23	17	14	12	10	7	33	27	26	26	21	10
Театр / Theater	11	11	11	10	7	6	13	25	24	23	17	9
Музей, выставка / Museum, exhibition	13	9	7	7	5	5	23	19	17	16	12	6

Примечание / Note. Цветовым градиентом «красный – синий» обозначено увеличение показателя от минимального до максимального значения в столбце / The color gradient “red – blue” indicates the increase of the indicator from the minimum to the maximum value in the column.

²¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 20.08.2024) ; Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 20.08.2024).

²² Таблицы 1, 2 составлены автором на основе микроданных КОУЖ-2022.

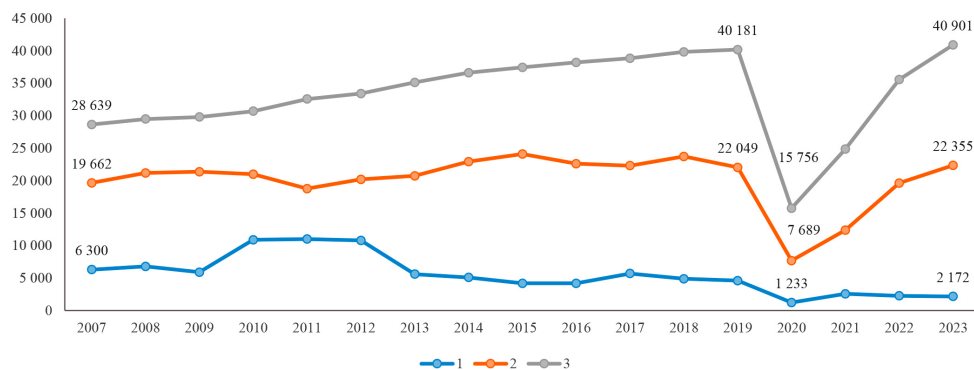
Например, в Тюмени среди кинозрителей преобладают женщины; их средний возраст 29 лет. Большинство посетителей кинотеатров (60 %) работают, каждый третий учащийся или студент (30 %). При этом значительная их часть имеет достаточно низкие доходы (у 40 % работающих респондентов доход меньше 50 тыс. руб.) [5], что в целом говорит не только о популярности, но и о доступности данного развлечения.

Жители, в частности, Чукотского автономного округа (АО), чаще остальных бывают в кино (62 %) (табл. 2). Есть территории, где, напротив, кино посещают в 2–4 раза реже: Алтай (18 %), Марий Эл (17 %), Чечня (14 %), Тыва (12 %).

На концерты в среднем ходит каждый пятый опрошенный (20 % горожан и 20 % селян). Регулярно их выбирают 7 % городских жителей и 10 % сельских; в разрезе пола это 24 % женщин (т. е. каждая четвертая) и 15 % мужчин. Потребление развлечений, связанных с исполнительским музыкальным искусством, по сравнению с 2020 г. увеличилось на 6 % и достигло в 2022 г. 14 %, что значительно ниже допандемийного уровня (25 % в 2018 г.).

Чаще отмечают посещение концертов жители Тывы (37 %), Ненецкого АО (36 %), Татарстана (35 %). Как и в случае с кино, их предпочитает молодежь: люди возрастной категории 15–29 лет (73 %), и прежде всего женщины.

В период пандемии потребление развлечений сократилось, что объяснялось запретом на посещение массовых мероприятий. Однако с его отменой спрос стал расти, т. е. после 2020 г. была очевидна тенденция возвращения активного досуга к доковидному уровню. Начало специальной военной операции в 2022 г. переходу к более спокойному времяпрепровождению не способствовало, если судить по динамике численности зрителей, например, присутствовавших на мероприятиях, которые проводили концертные организации, самостоятельные коллективы и театры Министерства культуры РФ. В меньшей мере это характерно для численности зрителей на цирковых представлениях (рисунок).

Р и с у н о к. Численность зрителей, тыс. чел.:

1 – на цирковых представлениях; 2 – на мероприятиях, проводимых концертными организациями и самостоятельными коллективами Минкультуры России; 3 – на мероприятиях, проводимых театрами Минкультуры России (значение показателя за год)²³

F i g u r e. Number of spectators:

1 – at circus performances, thousand people; 2 – present at events held by concert organizations and independent groups of the Ministry of Culture of Russia, thousand people; 3 – present at events held by theaters of the Ministry of Culture of Russia (thousand people, value of the indicator for the year)

²³ График подготовлен автором по данным Министерства культуры Российской Федерации и официальной статистики, URL: <https://fedstat.ru/indicator/> (дата обращения: 12.08.2024).

Т а б л и ц а 2. Распространенность развлечений в регионах, 2022 г., %
T a b l e 2. Prevalence of entertainment in regions, 2022, %

Музеи, выставки / Museums, exhibitions	Театры / Theaters	Концерты / Concerts	Спортивные зрелища / Sports events	Кино / Cinema	Кафе, рестораны / Cafes, restaurants
<i>Регионы с максимальной посещаемостью / Regions with the highest attendance</i>					
г. Санкт-Петербург – 31 / St. Petersburg – 31	г. Санкт-Петербург – 33 / St. Petersburg – 33	Республика Тыва – 38 / Republic of Tuva – 38	Чукотский АО – 62 / Chukotka AA – 62		Калининградская обл. – 67 / Kaliningrad Region – 67
г. Севастополь – 27 / Sevastopol – 27	г. Москва – 27 / Moscow – 27	Ненецкий АО – 36 / Nenets AA – 36	г. Севастополь – 31 / Sevastopol – 31	Ямало-Ненецкий АО – 57 / Yamal-Nenets AA – 57	Санкт-Петербург – 67 / St. Petersburg – 67
г. Москва – 26 / Moscow – 26	Приморский край – 25 / Primorye Territory – 25	Республика Татарстан – 35 / Republic of Tatarstan – 35	Ямало-Ненецкий АО – 30 / Yamal-Nenets AA – 30	г. Севастополь – 55 / Sevastopol – 55	Чеченская Республика – 66 / Chechen Republic – 66
Ленинградская обл. – 21 / Leningrad Region – 21	г. Севастополь – 25 / Sevastopol – 25	Курганская обл. – 35 / Kurgan Region – 35	Республика Тыва – 27 / Republic of Tuva – 27	Республика Ингушетия – 52 / Ingushetia – 52	Карачаево-Черкесская Республика – 65 / Karachayev- Circassian Republic – 65
Калининградская обл. – 19 / Kaliningrad Region – 19	Ленинградская обл. – 24 / Leningrad Region – 24	Вологодская обл. – 34 / Vologda Region – 34	Республика Адыгея – 25 / Republic of Adygeya – 25	Приморский край – 48 / Primorye Territory – 48	Ненецкий АО – 65 / Nenets AA – 65
<i>Регионы с минимальным посещением / Regions with minimal visits</i>					
Кабардино-Балкарская Республика – 4 / Kabardino-Balkarian Republic – 4	Смоленская обл. – 5 / Smolensk Region – 5	Республика Крым – 12 / Republic of Crimea – 12	Республика Адыгея – 10 / Republic of Adygeya – 10	Амурская обл. – 20 / Amur Region – 20	Хабаровский край – 61 / Khabarovsk Territory – 61
Еврейская АО – 4 / Jewish AR – 4	Еврейская АО – 5 / Jewish AR – 5	Кемеровская обл. – 9 / Kuzbass – 9	Саратовская обл. – 9 / Saratov Region – 9	Республика Алтай – 18 / Republic of Altai – 18	Республика Адыгея – 58 / Republic of Adygeya – 58
Республика Калмыкия – 4 / Republic of Kalmykia – 4	Кабардино-Балкарская Республика – 5 / Kabardino-Balkarian Republic – 5	Курганская обл. – 11 / Kurgan Region – 11	Магаданская обл. – 6 / Magadan Region – 6	Республика	Ленинградская обл. – 58 / Leningrad Region
Калужская обл. – 2 / Kaluga Region – 2	Ненецкий АО – 2 / Nenets AA – 2	Курская обл. – 10 / Kursk Region – 10	Республика Крым – 6 / Republic of Crimea – 6	Республика	Рязанская обл. – 31 / Ryazan Region – 31
Карачаево-Черкесская Республика – 1 / Karachayev- Circassian Republic – 1	Карачаево-Черкесская Республика – 1 / Karachayev- Circassian Republic – 1	Рязанская обл. – 9 / Ryazan Region – 9	Республика Тува – 12 / Republic of Tuva – 12	Республика	Алтайский край – 30 / Altai Territory – 30
<i>Всего, Российская Федерация / Total, Russian Federation</i>					
12	16	20	17	37	48
10	13	20	16	35	48
<i>Median</i>					

Примечания / Notes. 1. АО – автономный округ / autonomic region. 2. Результаты на уровне значимости $p < 0,001$ / results at significance level $p < 0.001$.

Количество театров ежегодно увеличивается. Так, в 2022 г. в стране действовали 638 театров, относящихся к Минкультуры России, из них 9 в Арктической зоне и 62 в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях²⁴. Больше всего подобных учреждений функционирует в столице (79), в том числе в расчете на миллион населения. Есть регионы, в которых театров гораздо меньше, например их всего 2 в таких областях, как Магаданская (посетили 10 % населения региона), Сахалинская (12 %), Мурманская (12 %), Новгородская (посетили 8 % населения региона).

Отметим, что театры становятся доступнее для потребителя: 97 % от их общего количества в Российской Федерации имеют сайт в интернете, что позволяет строить планы в отношении посещения и заранее покупать билет²⁵.

Театры в среднем посещают 16 % населения. Это значение ниже, чем в период до пандемии (18 % в 2018 г.), однако выше, чем после нее (10 % в 2020 г.). Среди зрителей в два раза чаще встречаются женщины (21 %), нежели мужчины (10 %); каждый десятый ходит на постановки регулярно. По данным КОУЖ-2022, что ожидается, для городских жителей в сравнении с сельскими подобное развлечение более востребовано, их доли среди посетителей составляют 18 % и 7 % соответственно.

Театры, выставки, музеи в целом также популярнее у женщин от 15 до 60 лет, хотя с возрастом активный интерес у них снижается (табл. 1). В 2022 г. в музеи, на выставки сходили 12 % россиян, в 2020 г. (период пандемии) – 8 %, т. е. меньше десятой части населения страны, а в 2018 г. – 13 %. На 1-м месте по посещаемости названных учреждений находится Санкт-Петербург (31 %), 2-е поделили Севастополь (27 %) и Москва (26 %) (табл. 2).

Регулярно посещают музеи 10 % населения, в том числе 16 % женщин, что в два раза больше, чем мужчин (8 %). Городские жители бывают в музеях и на выставках чаще, чем сельские (14 и 7 % соответственно (табл. 1)); делают это на регулярной основе 10 % горожан и 8 % сельчан.

В среде людей, закончивших аспирантуру, театр предпочитают 42 %, выставки и музеи – 31 %. Эта же тенденция характерна для лиц с высшим образованием: на уровне магистратуры и/или специалитета театры выбирают 28 % из них, выставки – 21 %; на ступени бакалавриата – 26 и 20 % учащихся соответственно.

Санкт-Петербург подтверждает титул культурной столицы, занимая 1-е место среди городов по показателю посещения местным населением театра в течение года (33 %). Затем следуют Москва (27 %), Приморский край (25 %) и Севастополь (25 %) (табл. 2). При этом на регулярной основе ходят на постановки лишь 10 % петербуржцев и 13 % москвичей.

Спортивно-зрелищные мероприятия. Подобные мероприятия в качестве зрителей в целом посетили 17 % населения (для сравнения: в 2020 г. – 11 %, в 2018 г. – 20 %), в том числе 24 % мужчин и 10 % женщин; из них 17 % горожан и 15 % жителей села. Чаще остальных развлечения этого типа выбирают жители городов с численностью населения 250 – 500 тыс. чел. (20 %) и сел с численностью населения больше 5 000 (19 %).

²⁴ Статистическая форма 9-НК «Сведения о деятельности театра» [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).

²⁵ Министерство культуры Российской Федерации: доля театров, имеющих сайт в сети Интернет, в общем количестве театров Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43948> (дата обращения: 22.02.2025).

Отметим, что спортивным зрелищем считается не только мероприятие, организованное в специальном спортивном сооружении (например, на стадионе с трибунами), но и обычное спортивное соревнование, показательное выступление спортсменов, включая товарищеский матч [18].

Спортивные зрелища – распространенное времяпрепровождение для молодых мужчин в возрасте 15–29 (41 %) и 30–39 лет (28 %). Наиболее активными потребителями подобного вида досуга являются болельщики Ненецкого АО (37 %), Севастополя (31 %), Ямало-Ненецкого АО (30 %), Тывы (27 %), Адыгеи (25 %) и Кабардино-Балкарии (25 %) (табл. 2).

Посещение ресторанов и кафе. Примерно половина жителей России в качестве развлечения выбирают рестораны, кафе (48 %), в том числе 50 % мужчин и 46 % женщин. Прежде всего, это люди 15–39 лет (67 %). С возрастом данная активность понижается: после 60 лет таким образом проводит время каждый пятый, а после 70 – менее десятой части населения. Значение показателя в 2018 г. было близким (49 %), в 2020 г. ощутимо ниже (38 %). Регулярно бывают в названных заведениях лишь каждый пятый мужчина (22 %) и еще меньше женщин (18 %). Хотя бы раз в течение года их посетили 52 % городских жителей и 37 % сельских.

Согласно данным Росстата, в России всего 93 147 ресторанов и кафе, из них 79 026 в городской местности, что почти в 6 раз больше, чем в сельской (14 121). Это соотношение может быть выше, например в Республике Ингушетия (11 раз)²⁶, Республике Татарстан (9) и Свердловской области (13 раз); и ниже, в частности в Калининградской области (6 раз) и Чеченской Республике (3 раза). В России в целом на 100 тыс. населения приходится 63 кафе и ресторана, на территории города – 71, села – 38 (табл. 3).

Таблица 3. Количество ресторанов и кафе на 100 тыс. населения, 2022 г.²⁷

Table 3. Number of restaurants and cafes per 100 thousand population, 2022

Регионы (Топ 10) / Regions (top 10)	Всего / Total	Город / City	Село / Village
Российская Федерация / Russian Federation	63	71,85332	38,16727
Сахалинская обл. / Sakhalin Region	119	131,12130	61,25049
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	112	155,64200	74,05474
Республика Крым / Republic of Crimea	109	174,90720	41,80340
г. Москва / Moscow	108	108,12800	–
Магаданская обл. / Magadan Region	107	108,40770	81,30081
Республика Карелия / Republic of Karelia	102	109,50310	74,84142
Чукотский АО / Chukotka AA	96	97,09032	93,66428
Ямало-Ненецкий АО / Yamal-Nenets AA	94	97,22662	76,69202
Республика Алтай / Republic of Altai	93	76,49588	101,06910
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	89	131,0058	43,91885

²⁶ Информация о количестве объектов общественного питания приводится на основе обработки итогов форм федерального статистического наблюдения № 1-МО «Сведения об объектах инфраструктуры муниципального образования» и № 1-ТОРГ (МО) «Сведения об объектах розничной торговли и общественного питания», URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

²⁷ Таблица составлена автором по данным Росстата об объектах розничной торговли и общественного питания, URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).

Чаще других посещают рестораны, кафе жители Калининградской области (67 %), Санкт-Петербурга (67 %), Чеченской Республики (66 %), Карачаево-Черкессии (65 %), Ненецкого АО (65 %) (см. табл. 2). Для Москвы этот показатель составляет 56 %, притом регулярно бывают в указанных учреждениях лишь 38 % населения.

В 2022 г. в России насчитывалось 34 825 общедоступных столовых и закусочных, из них в городской среде 29 637, что почти в 6 раз больше, чем в сельской – 5 188.

Виртуальные развлечения. Используют интернет для скачивания фильмов, музыки, игр и пр. 36 % жителей, как и в 2018 г. Эта практика представлена в российских регионах неоднородно: в Республике Ингушетия ее поддерживают 67 % населения, в Чукотском АО и Сахалинской области – по 56 %, в Калининградской области и Приморском крае – по 53 %, в Ямало-Ненецком АО – 52 % населения. Минимальное значение показателя характерно для Санкт-Петербурга (44 %).

Пользуются электронными библиотеками, энциклопедиями, виртуальными экскурсиями и др. каждый пятый (22 %, как и в 2018 г.), медиана – 18 %. Частично это может быть связано с работой и учебой.

В разрезе регионов картина по данному параметру следующая. Наиболее активны в такой деятельности представители Чукотского АО (41 %), Севастополя (40 %), Сахалинской области (35 %), Москвы (34 %), Республики Алтай (34 %), Московской области (33 %), Санкт-Петербурга (32 %), Калининградской области (31 %) и Приморского края (29 %). Напротив, менее всего она востребована в Архангельской области (8 %) и Чечне (5 %).

Максимальная и минимальная активность регионов в потреблении развлечений (см. табл. 2) может объясняться их географической доступностью (в некоторых случаях) и/или культурными особенностями местного населения.

Обсуждение и заключение. Наиболее востребованными видами развлечений для россиян выступают посещение ресторанов, кафе, кино, зрелищных спортивных мероприятий. Структура потребления зависит от социально-демографических, экономических характеристик потребителей, в том числе условий их проживания, и в целом описывается следующими положениями:

- молодежь предпочитает кино; женщины и люди с высоким уровнем образования – театральные постановки; мужчины – спортивные зрелища;
- городские жители в сравнении с сельскими посещают развлекательные мероприятия чаще;
- российские регионы существенно различаются по потреблению развлечений (причины различий требуют более детального изучения).

Доступность развлечений играет важную роль в выборе видов досуга. В городах соответствующая инфраструктура более развита, разнообразна и находится в шаговой доступности от потребителя. Наименьшие различия между городскими и сельскими жителями наблюдаются в частоте посещения таких культурных мероприятий, как концерты и спортивные соревнования. Творческие и духовно наполненные развлечения – театры, музеи, выставки – остаются прерогативой городского населения.

Жители отдельных регионов, в частности Республики Тыва, Забайкальского края, Республики Марий Эл, Тамбовской и Ленинградской областей, а также Республики Бурятия, чаще других отмечают отдаленность учреждений культуры

и мест проведения отдыха и досуга. При этом указали на данное обстоятельство менее 5 % населения Ненецкого АО, Республики Ингушетия, Чеченской Республики.

Отметим, что Ненецкий АО входит в топ 5 регионов, для которых характерна наименьшая посещаемость театральных постановок, хотя здесь количество посадочных мест в залах в расчете на одного зрителя больше, чем в других аналогичных учреждениях. Вместе с тем данный округ включен в топ 5 территорий, где жители чаще посещают кино, спортивные зрелища, кафе, концерты.

В составе топ 5 по посещаемости театров, музеев и выставок Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Ленинградская область. Санкт-Петербург также входит в топ 5 по востребованности кино и ресторанов.

Все больше расширяется структура общепита в местах массового пребывания. Пример торговых центров Санкт-Петербурга показывает, что актуальным форматом отдыха и развлечений становятся потребление еды и фуд-холлы. Так, в 2021 г. в городе открылись 16 % подобных площадок (из 100 % различных площадок торговых центров), закрылись 7 % [19]. Находят своих потребителей новые демократичные виды кафе (антикафе), которые популярны в первую очередь у молодежи, не имеющей средств на посещение более дорогих заведений. Привлекающими ее внимание факторами выступают отсутствие дресс-кода и/или «фейсконтроля», возможность просматривать фильмы, играть в настольные игры и платить лишь за проведенное здесь время²⁸.

Города меняются в контексте развлечений: развиваются города, «насыщенные событиями» (*eventful cities*), когда для проведения глобальных мероприятий возводятся специальные комплексы, включая стадионы, арены, спортивные залы, театральные зрелищные объекты, выставочные павильоны, конференц-холлы [14]. В качестве примера приведем строительство спортивно-зрелищных объектов в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Сочи, Владивостоке, благодаря чему по завершении олимпиады или саммита можно организовывать новые массовые мероприятия. Однако развивать можно и нужно не только крупные города и имеющиеся в них досуговые площадки (в том числе парки, площади), но и менее формальные общественные пространства небольших поселений²⁹.

Тенденции развития рынка развлекательных услуг свидетельствуют о расширении ассортимента развлечений. Во всех странах мира потребительские пристрастия от традиционных медиа постепенно переходят к современным, связанным в том числе с виртуализацией [14; 20–22]. Существует опасность, что досуговые практики переместятся в сферы онлайн и общественного питания. Это может привести к преобладанию менее интеллектуальных развлечений, т. е. выбору ресторанов, спортивных зрелищ, кино в ущерб посещению музеев, театров, выставок, концертов.

Полученные результаты могут быть полезны при разработке социальной политики, маркетинговых стратегий в сфере развлечений и планировании расширения инфраструктуры досуга.

²⁸Лубочкина М. И., Калынеделя А. Г. Новые направления развития рынка общественного питания...

²⁹Haferburg C., Steinbrink M. Mega-Events in Emerging Nations and the Festivalization of the Urban Backstage: The Cases of Brazil and South Africa // Hannigan J., Richards G. (eds) *The SAGE Handbook of New Urban Studies*. London : SAGE. 2017. Pp. 267–290.

Ограничения исследования связаны с рядом обстоятельств: в рамках КОУЖ представлен неполный перечень видов развлечений; не учтены расходы на досуг, что могло бы дополнить экономический анализ; не было возможности изучить качественные исследования, что позволило бы глубже понять мотивацию потребителей. Они обозначают перспективы работы и могут послужить вектором дальнейших научных изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bains G., Berk L., Lohman E., Daher N., Miranda B. Decrease in Inflammation (CRP) and Heart Rate through Mirthful Laughter. *FASEB Journal*. 2017;31(S1). https://doi.org/10.1096/fasebj.31.1_supplement.697.7
2. Емельянова Т.П., Тарасов С.В. Досуг в структуре жизнеспособности двух поколений москвичей. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2021;(4):41–49. URL: <https://clck.ru/3M3uJq> (дата обращения: 10.10.2024).
Emelyanova T.P., Tarasov S.V. Leisure in the Structure of Viability of Two Generations of Muscovites. *RSUH/RGGU Bulletin: "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2021;(4):41–49. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3M3uJq> (accessed 10.10.2024).
3. Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014;17(3):151–167. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22400401>
Grigoryeva I.A., Bershadskaya L.A., Dmitrieva A.V. On the Way to the Normative Model of Relationships between Society and Older People. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014;17(3):151–167. (In Russ.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=22400401>
4. Кравченко М.В. Культурный досуг людей старшего возраста, проживающих в Калининграде. *Дайджест социальных исследований*. 2021;(1):52–55. <https://elibrary.ru/pdpdpy>
Kravchenko M.V. [Cultural Leisure of Older People Living in Kaliningrad.] *Digest of Social Studies*. 2021;(1):52–55. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/pdpdpy>
5. Кравченко А.И. Досуг, отдых и свободное время. *Социально-гуманитарные знания*. 2025;(1):326–332. <https://elibrary.ru/item.asp?id=80335460>
Kravchenko A.I. Leisure, Recreation and Free Time. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. 2025;(1):326–332. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=80335460>
6. Андрианова Е.В., Давыденко В.А. Социология кино: нарративные оценки зрительских практик. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;24(3):824–839. URL: <https://journals.rudn.ru/sociology/issue/view/1794> (дата обращения: 10.10.2024).
Andrianova E.V., Davydenko V.A. Cinematic Sociology: Narrative Assessments of the Audience Practices. *RUDN Journal of Sociology*. 2024;24(3):824–839. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/issue/view/1794> (accessed 10.10.2024).
7. Болотских Л.В., Дьячкова Ю.В. Развитие развлекательной инфраструктуры водных аттракционов в малых городах России. *Строительство и недвижимость*. 2020;2(6):7–10. <https://elibrary.ru/item.asp?id=43862541>
Bolotskikh L.V., Dyachkova Y.V. Development of Entertainment Infrastructure for Water Attractions in Small Cities of Russia. *Stroitelstvo i nedvizhimost*. 2020;2(6):7–10. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=43862541>
8. Бигвава А.С. Музейный менеджмент: социологические аспекты. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;24(3):861–865. URL: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/41189/23964> (дата обращения: 10.10.2024).
Bigvava A.S. Museum Management: Sociological Aspects. *RUDN Journal of Sociology*. 2024;24(3):861–865. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/41189/23964> (accessed 10.10.2024).

9. Васильева Т.Е. Региональный музей как центр духовной жизни. *Регионоведение*. 2009;2(67):351–357. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2009_2.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
Vasilyeva T.E. [Regional Museum as a Center of Spiritual Life.] *Russian Journal of Regional Studies*. 2009;2(67):351–357. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2009_2.pdf (accessed 10.10.2024).
10. Стальная В.А. Индустрия развлечений в мировой экономике: современные тенденции и перспективы развития. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2009;(2):17–24. URL: <https://clck.ru/3M4w7Y> (дата обращения: 10.10.2024).
Stalnaya V.A. [Entertainment Industry in the Global Economy: Modern Trends and Development Prospects.] *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2009;(2):17–24. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3M4w7Y> (accessed 10.10.2024).
11. Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Духовное потребление: культура и рынок. *Ученый совет*. 2020;(10):11–17. <https://doi.org/10.33920/nik-02-2010-02>
Makarevich E.F., Karpukhin O.I. [Spiritual Consumption: Culture and the Market.] *Uchenyi sovet*. 2020;(10):11–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.33920/nik-02-2010-02>.
12. Калинин Д.К. Тематизация понятия «развлечение» в исследованиях медиа. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017;(2):154–161. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29822743>
Kalinkina D.K. The Thematization of the Concept of Entertainment in Media Studies. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2017;(2):154–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29822743>
13. Richards G., Colombo A. Rethinking the Eventful City: Introduction. *Event Management*. 2017;21(5):527–531. <https://doi.org/10.3727/152599517X15053272359004>
14. Птичникова Г.А., Антюфеева О.А. Архитектура «глобальных зрелищ» как катализатор городского развития. *Социология города*. 2022;(3):34–48. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49972596>
Ptichnikova G.A., Antyufeeva O.A. Architecture of “Global Events” as a Catalyst for Urban Development. *Urban Sociology*. 2022;(3):34–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49972596>
15. Горелова О.А. Российская семья: интересы, ценности, досуг, туризм. *Социальная политика и социология*. 2024;23(4):29–37. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-4-29-37>
Gorelova O.A. Russian Family: Interests, Values, Leisure, Tourism. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*. 2024;23(4):29–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-4-29-37>
16. Латова Н.В. Досуговые предпочтения российских специалистов как фактор наращивания человеческого потенциала. *Социологический журнал*. 2022;28(1):80–100. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8839>
Latova N.V. Leisure Preferences of Russian Specialists as a Factor of Human Potential Building. *Sociological Journal*. 2022;28(1):80–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8839>
17. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения / Пер. О.И. Кирчик. *Экономическая социология*. 2005;6(3):25–48. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3.html> (дата обращения: 10.10.2024).
Bourdieu P. [Distinctions: A Social Critique of Judgement of Taste.] *Economic Sociology*. 2005;6(3):25–48. (In Russ.) Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3.html> (accessed 10.10.2024).
18. Ермилова В.В., Кротова Е.Е. Особенности зрелищности в спорте и их трансформация в условиях современного общества. *Общество. Среда. Развитие*. 2015;(2):100–103. URL: <https://clck.ru/3M4wik> (дата обращения: 10.10.2024).
Ermilova V.V., Krotova E.E. [Features of Spectacle in Sports and Their Transformation in the Conditions of Modern Society.] *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2015;(2):100–103. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3M4wik> (accessed 10.10.2024).
19. Рынок торговых центров Санкт-Петербурга сменил тренд: хлеба вместо зрелищ. *Логистика*. 2022;(1):8–9. URL: <http://www.logistika-prim.ru/archive/2022/1> (дата обращения: 10.10.2024).

- [The St. Petersburg Shopping Center Market Has Changed the Trend: Bread Instead of Shows.] *Logistics*. 2022;1(182):8–9. (In Russ.) Available at: <http://www.logistika-prim.ru/archive/2022/1> (accessed 10.10.2024).
20. Zhao Ch. The Future Landscape of Live Entertainment in the PostPandemic Era. *Communications in Humanities Research*. 2024;24(1):150–156. <https://doi.org/10.54254/2753-7064/24/20231638>
21. Lee S., Lee J. “Ju. T’aime” My Idol, My Streamer: A Case Study on Fandom Experience as Audiences and Creators of VTuber Concert. *IEEE Access*. 2023;(11):31125–31142. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2023.3252563>
22. Chen Z. A Study on Influencing Factors of Audience Satisfaction with Online Concerts. *Journal of Economics, Trade and Marketing Management*. 2024;6(1):22–50. <https://doi.org/10.22158/jetmm.v6n1p22>

Об авторе:

Назарова Инна Борисовна, доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8086-1617>, Researcher ID: M-7786-2016, Scopus ID: 7004074079, SPIN-код: 5172-5164, inna-nazarova@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 20.10.2024; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

About the author:

Inna B. Nazarova, Dr.Sci. (Econ.), Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher (5 Bldg. 1 Bolshaya Andronievskaya St., Moscow 117218, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8086-1617>, Researcher ID: M-7786-2016, Scopus ID: 7004074079, SPIN-code: 5172-5164, inna-nazarova@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 20.10.2024; revised 13.03.2025; accepted 19.03.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат».

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем*

и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в формате Vancouver версии AMA). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10×15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 32-86-14.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* system.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should

be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the Vancouver Citation Style. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10×15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Н. В. Чернышова.*

Компьютерная верстка *Е. А. Климкиной.*

Перевод *С. В. Голованова.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Пармонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС 77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 18.06.2025. Дата выхода в свет 30.06.2025. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 16,25. Тираж 1 000 экз. I завод – 100 экз. Заказ № 267. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 4603104, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Нартова, д. 6, пом. П1, каб. 59 (Типография ООО «Юникопи»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *N. V. Chernushova*.

Desktop publishing by *E. A. Klimkina*.

Translation by *S. V. Golovanov*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 18.06.2025. Date of publishing 30.06.2025. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 16.25. Number of copies: 1,000. 1st edition – 100 copies. Order No. 267. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 1 Office, 59 Room, 6 Nartova St., Nizhny Novgorod 603104, Russian Federation (Printed by Unicopy LLC).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

Уважаемые ученые!

Редакция предлагает возможность приобретения
журнала «Регионология» / “Russian Journal of Regional Studies”.

Для оформления покупки необходимо произвести оплату
по прилагаемому платежному документу через любое отделение банка.

Извещение	
УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	
(наименование получателя платежа)	
1326043499	032146430000000010900
(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)
40102810345370000076	
корреспондентский счет	
Отделение-НБ РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ	
БАНКА РОССИИ//УФК по Республике	
Мордовия г. Саранск	БИК 018952501
(наименование банка получателя платежа)	
КБК 0000000000000000440	ОКТМО 89701000
за реализацию журнала "Регионология"	
(наименование платежа)	(номер лицевого счета (код) плательщика)
Ф.И.О. плательщика:	
Адрес плательщика:	
Сумма платежа: 1000 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп	
Итого руб. коп. “ ” 20 г.	
С условиями прима указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен.	
Подпись плательщика	
Кассир	
УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	
(наименование получателя платежа)	
1326043499	032146430000000010900
(ИНН получателя платежа)	(номер счета получателя платежа)
40102810345370000076	
корреспондентский счет	
Отделение-НБ РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ	
БАНКА РОССИИ//УФК по Республике	
Мордовия г. Саранск	БИК 018952501
(наименование банка получателя платежа)	
КБК 0000000000000000440	ОКТМО 89701000
за реализацию журнала "Регионология"	
(наименование платежа)	(номер лицевого счета (код) плательщика)
Ф.И.О. плательщика:	
Адрес плательщика:	
Сумма платежа: 1000 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп.	
Итого руб. коп. “ ” 20 г.	
С условиями прима указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка ознакомлен и согласен.	
Подпись плательщика	
Квитанция	
Кассир	

✂ - линия отреза

**Редакция научных журналов Высшей школы развития
научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва
представлена следующими изданиями**

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

**ИНЖЕНЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И СИСТЕМЫ**

РЕГИОНОЛОГИЯ

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

**МЕДИЦИНА
И БИОТЕХНОЛОГИИ**

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

ОГАРЁВ-ONLINE